

A close-up portrait of a young woman with blonde hair, looking slightly to the left. She is wearing large gold hoop earrings and a white lace top. The background is a soft, out-of-focus mix of light blue and pink. The text is overlaid on the image.

Лиана Родионова

**Я ПРИДУМАЮ БУДУЩЕЕ
ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ ЛЮБВИ**

16+

Лиана Родионова
Я придумаю будущее.
Любовь после любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56352665

SelfPub; 2023

Аннотация

Впервые за десять лет Евгений Макаров не получил поздравлений от своей любимой женщины, с которой расстался более десяти лет назад. Тогда, в 2004 году, вскоре после их разлуки, до него дошли печальные известия, что Мария умерла. Но ее трогательные, полные любви письма, приходили к нему на почту в течение десяти лет. После странных совпадений Евгению в очередной раз стало казаться, что любимая жива. "Вам не хватает реального общения, – неожиданно заявил именитый психоаналитик. – А, быть может, вы сами писали себе эти письма?"

Лиана Родионова

Я придумаю будущее.

Любовь после любви

Из письма Марии (17 марта 2004 г.)

Здравствуй, Евгений!

Здравствуй, мой самый дорогой и любимый человек – мой гений! Если ты получил это письмо, значит, меня уже нет. Но мне теперь не страшно и не больно тебя потерять – ты остался моим навсегда!

Надеюсь, что, спустя три месяца после нашего расставания, тебе будет легче перенести такое печальное событие. Потому что самый трудный период уже позади.

Хотя весь мир ты еще воспринимаешь сквозь пелену. Но с каждым днем звуки – все ближе, а краски – все ярче. Предметы начинают приобретать реальные очертания, а тяжелые воспоминания уступают место здоровым мыслям и желаниям. И, наконец, становится легче дышать.

Твое единственное стс о том, что жизнь потеряла всякий смысл, и ты не знаешь, зачем тебе жить дальше, затерялось где-то в паутине сети сотовой связи среди холодного безразличия и вечного хаоса.

Но я уверена, что путь твой будет очень долгим и светлым, потому что отныне ты обязан жить за нас двоих!

Женька, любимый, постарайся найти покой в своей семье, и тогда ты обязательно почувствуешь тепло, уважение, а затем, обретишь долгожданное счастье.

Но, прости мой эгоизм: мне страшно представить, что ты меня забудешь!

Можно... тебе иногда будут... приходиться... мои письма?

Я пока не знаю, как это сделать, но обязательно что-нибудь придумаю.

Я придумаю будущее.

Пожалуйста, не блокируй свой электронный адрес. Тогда ты будешь знать, что у меня тоже все хорошо. Просто я живу где-то далеко. И ты обязательно привыкнешь, что меня никогда не будет рядом. Теперь уже никогда...

Сейчас в это трудно поверить. Мы до сих пор необъяснимо чувствуем друг друга. Я слышу твои мысли, я понимаю твои желания. Я ощущаю, как твои губы нежно касаются моих, обжигая своим дыханием. Как сплетаются наши руки, как сливаются воедино наши души.

Родной мой, тебе есть, о чем вспоминать! Этого хватит на целую жизнь! Просто оставь в закоулках своей памяти наши встречи: как мы смеемся и спорим, сочиняем ветреные стихи и обнимаем друг друга на последнем ряду в зале кинотеатра. Вспоминай поцелуи в солнечной Венеции и в подворотне заснеженной улицы нашего городка, на мокрой от дождя скамейке опустевшего парка и в кухне твоей нелепой квартиры.

Мы вместе! Мы – одно целое, мы – неделимое! Мы – ощущение вселенского счастья и полноценной любви! Со мной навсегда остаются эти чувства.

Твоя Мария. Маха-Росомаха.

Юбилей Евгения (15 июля 2014 г.) Прошло десять лет

Я проснулся очень рано. Приснился запах. Со мной такое бывает.

Он был теплым и нежным, желанным и волнующим. Как всегда после этого сна, захотелось раствориться в нем до самой последней частицы, до самой последней капельки. Так, наверное, происходит во время общего наркоза, когда исчезает собственное «я», и пациент проваливается в бездонную пропасть. Только ощущения на операционном столе, скорее всего, иные: погружение в безысходность и неизвестность. Хотя, кто знает? Может, там тоже – покой и нега? Не знаю, по крайней мере, пока. Не был, не состоял, не участвовал. В смысле, не оперировался. Тьфу-тьфу, вот уже ровно пятьдесят лет от роду. Сегодня мой юбилей!

Я повернулся на спину, глубоко вздохнул, но глаза открывать не стал. Мой сон все еще манил и расслаблял меня своим ароматом. Ароматом далекого прошлого. Так пахли Машины духи. Одна знаменитая на весь мир французская фирма вдруг неожиданно перестала их выпускать, но тот чарующий запах до сих пор иногда мне снится. И я точно знал – к

чему. Сегодня будет письмо от Марии. Поздравительное.

Было всего двадцать писем от нее. Десять из них приходили каждый год 15 июля, в мой день рождения. Я всегда с нетерпением ждал ее теплых слов и мудрых пожеланий. Другие десять – я получал до или после Нового года. Вот тут я нервничал и, начиная с середины декабря, чуть ли ни ежечасно проверял свой почтовый ящик: *rosomaha@mail.ru*. Хмм, Росомаха...

Мы вместе когда-то придумали мне этот личный адрес, отправляя резюме в кадровое агентство. Машка сидела на подоконнике со своим первым ноутбуком и легко постукивала по клавишам, а я, счастливый и влюбленный, болтался рядом, поил ее кофе и целовал то в плечико, то в шейку, ласково называя ее придуманным прозвищем:

– Росомаха, ну, сочини уж что-нибудь, – промычал я и снова чмокнул ее.

– Ну, вот! Готово, – хитро ответила Мария и нажала «отправить».

Я обомлел:

– Конечно, я ценю твою исключительную креативность, но я же ни в «Гринпис» резюме посылаю!

А она в ответ только рассмеялась:

– Я принесу тебе счастье, любимый!

... Любимый! Мой взгляд устремился куда-то вверх, в потолок. Или в небо? Как давно это было! Но я почему-то до сих пор явственно ощущал, что по-прежнему любим. Ис-

кренне и преданно, как бывает только раз в жизни!

Это ощущение, и это спокойствие, конечно, пришли не сразу.

От первого письма, в котором говорилось, что ее больше нет, меня будто ударило током или я забыл, как дышать. Офис-менеджер вызвала бригаду «Скорой помощи», а я потом целую неделю пролежал на диване без движений и мыслей, и только коньяк ненадолго мог заглушить мои горькие мысли и безмерное горе. Взволнованная матушка тихо сидела возле кровати, готовила мне чай и бульоны, и по моей просьбе, не впускала жену.

Прочитав через три с половиной месяца Машкино второе письмо, а случилось это опять на рабочем месте, в моем кабинете, я разбил монитор вдребезги и, кажется, послал зашедшего ко мне директора завода куда-то далеко. Я был тогда его заместителем. Как интеллигентный человек, он ни разу мне об этом не напомнил. Выглядел я, наверное, очень скверно. Но на этот раз все обошлось без медиков – с корвалолом и мокрым полотенцем на мою буквально «закипевшую» голову. Игорь Васильевич отнесся снисходительно к моему эмоциональному поступку, но главному бухгалтеру приказал удержать сумму причиненного ущерба из моей зарплаты, чтоб другим неповадно было разбивать стоящую на балансе технику.

Какое-то время личную почту я не открывал. Но однажды, не выдержал, заскучал, и, будучи слегка нетрезвым, нажал

все-таки на значок «входящие». Там были сразу два ее сообщения с разницей в полгода. Прочитал, явственно ощущая, как на несколько секунд замерло сердце. Снова перечитал. И стало невыносимо больно за нас. За несбывшиеся мечты, за самую настоящую, единственную любовь всей моей жизни!

Потекли годы... А я с нетерпением стал ожидать Машиньи небольшие послания. Более того, боясь кому-либо признаться, я стал ей отвечать. Устно, конечно. Но постоянно. Я обращался к ней по-разному: «Привет, Мария», «Росомаха, здорово», «Машуня, маленькая моя, здравствуй» (в зависимости от настроения). А дальше просто рассказывал ей о наболевшем. Или о чем-то радостно-переполнявшем, о чем никому не расскажешь, или надолго ударялся в воспоминания.

Память все же, сложная штука: порой я реально помнил свои чувства, ощущения, ну, то, что я испытывал при определенных обстоятельствах, а детали и даты стали из памяти стираться. Но, тем не менее, наш диалог не прекращался уже десять лет. Такая вот мистическая история. Не захотела Мария исчезнуть из моей жизни!

Да, и не сможет никогда, пока я живу за нас обоих! Потому что только пятьдесят процентов во мне составляет вода, а остальные пятьдесят – это наша любовь! Такова моя биохимия.

За открытым окном сработала сигнализация, слышал-

ся удар подъездной двери, писк домофона и стремительный стук женских каблучков. Дома тоже проснулись: вот жена прошла из своей спальни на кухню, вот захныкал проснувшийся внук. А я продолжал лежать и ожидать праздничного завтрака в свою честь. В честь Макарова Евгения Александровича.

Мне пятьдесят. Возраст? Не знаю, пока не ощутил.

Я – руководящий работник, у меня в подчинении около тысячи человек. Мой доход позволяет мне пару раз в год отправить жену на Европейские распродажи и съездить отдохнуть в цивилизованную Азию, а также – периодически делать довольно дорогие подарки своим близким людям. А это, по нынешним временам, многого стоит. Я, наверное, больше реалист, хотя ничто романтическое, как говорится, мне не чуждо. В определенные периоды жизни. Причем, молодость в расчет не берется. На то она и молодость, чтобы блистать романтикой! Сейчас же, прежде, чем совершить романтический поступок, я все продумываю и просчитываю, вплоть до будущей реакции окружающих меня людей и случайных жизненных попутчиков.

Заманчиво, конечно, воспринимаются в обществе слова обманутого Ипполита: «...Как скучно мы живем! В нас пропал дух авантюризма, мы перестали лазить в окна к любимым женщинам, мы перестали делать большие хорошие глупости»... Я их периодически и с удовольствием цитирую, но романтизм с некоторых пор у меня строго дозированный.

Ведь женщины все равно продолжают обращать на меня внимание.

Я достаточно, даже сверх достаточно, высок. А, как говорила моя мама: «Высокого человека полюбить можно быстрее – он издали виден». Плюс я не лысый, как большинство моих ровесников, а до сих пор являюсь обладателем прекрасной для моих лет объемной шевелюры. Почти не седой. Хотя по статистическим данным, наличие лысины и седины никак не отражается на количестве разводов. Любят всяких. И разводятся со всякими. Но даже, зная это, все равно приятно ловить завистливые взгляды своих ровесников мужского пола.

Чаще всего я веду активный образ жизни. Все-таки мастер спорта по большому теннису! Было у меня такое увлечение в молодости – выигрывать медали и кубки на соревнованиях бывшего Союза для института и области. А потом, некоторое время, для нашей страны. Теннис – это было даже не увлечение, нет! Это было мое призвание, моя неудачно сложившаяся спортивная карьера, увы, не принеся мне всемирной славы, о которой я тогда так мечтал.

Секций большого тенниса в нашем городе в те годы долго не было. А как только открылся первый корт, я сразу же туда и рванул. Чуть раньше, чем многие другие. Поэтому и научился быстрее всех, и получаться стало лучше всех. Плюс мой родственник помогал поначалу мне себя показать. А потом – все, как по маслу: сборы, чемпионаты, победы. Мно-

го раз предлагали заняться теннисом серьезно. И однажды я рискнул: бросил институт и переехал в Москву. Тренировался два с половиной года в национальной теннисной сборной СССР, вошел в мировой рейтинг известных теннисистов, с его дальнего конца, правда, но вошел.

А дальше жизнь развернула меня в обратную сторону, и я вернулся в свой город, восстановился в химико-технологическом институте, чтобы получить, как хотели родители, стабильную специальность, что важно было в тот период времени. И, в принципе, ни разу не пожалел. Зато постучать ракеткой люблю до сих пор. Особенно на отдыхе! Поражаю туристов своим профессионализмом и непременно белым костюмом. Снежный Барс, да и только. Так называла меня Маша.

Я бываю болтлив. Но все реже и реже. В такие моменты меня не остановить ни Андрею Малахову, ни господину Познеру, а все присутствующие при этом женщины не сводят с меня своих восхищенных глаз. Особенно, молодые.

Я бываю молчалив, что происходит все чаще или, я бы сказал, глубже. Ухожу в себя. И все происходящее струится мимо, где-то рядом, в другом измерении. До тех пор, пока я оттуда не вернусь. Пока не сложатся в моем сознании «пазлы» очередной жизненной ситуации. Или прошлой. Эта давняя тема еще продолжает занимать меня. Я размышляю: «что, если бы...», или «как бы, если бы ни...», ну, и так далее. Нет, это не самоедство! Я назвал бы это «глубоким ана-

лизом» своей пятидесятилетней жизни.

Я женат. Вот уже почти тридцать лет. Как и почему именно эта женщина рядом со мной? Об этом как раз я размышляю редко. Можно сказать, почти совсем не думаю. Потому что не хочу! Потому что знаю и не желаю вспоминать!

Женаты мы, скорее всего, навсегда – до победного, нет, скорее, исходного часа. Моего. Уверен, что он пробьет первым.

Люблю ли я жену? В том смысле, в котором, слагают стихи и пишут не горящие рукописи, создают великие творения скульптуры и живописи, – конечно, нет. Просто мы почему-то оказались чрезвычайно родными людьми. Наверное, такими родными становятся раз и навсегда все родители, которые вместе воспитывают любимых детей. А наша единственная дочь всегда была очень любима нами!

А мы, как приложение к ней: не пылающие страстью, но существующие рядом. Я бы сказал точнее, неплохо существующие рядом и не обременяющие друг друга тяжелыми выяснениями типа: «Ты меня любишь?» или «Почему ты со мной не разговариваешь?». По крайней мере, последние годы.

Хотя бывало в нашей жизни всякое, и до развода мы доходили ни раз. Но так и не дошли. Основной и самый главный такой период в моей голове и в моем сердце не забылся до сих пор. Но жена сейчас спокойна, а это в совместной жизни очень важно!

До и после Маши у меня были и, думаю, всегда, будут кратковременные связи. Именно связи, ни романы. Отношения с Марией были тем единственным, пожалуй, в моей жизни рычагом, который мог бы вырвать меня из привычного жизненного круга. Но тогда этого, увы, не случилось. Не случится, тем более, и в будущем.

На нас с ней неожиданно обрушились обстоятельства, которые препятствовали нашему дальнейшему союзу. Причем, двусторонние. Маша не все мне успела рассказать, но, несмотря ни на что, я знал, что она была готова пойти до конца. А я только сейчас понимаю, что делал свой выбор, думая в первую очередь о себе. Хотя тогда я считал, что поступаю благородно, и исключительно ради семьи!

Я не боялся перемен, потому что слишком много любви было у нас с Марией на двоих! Тем более, что таких женщин, как она, жизнь посылает только один раз. И, страстно желая остаться с ней, поступил по-другому.

Мне казалось, что я думаю о тех, кого хотел оставить: о жене, о моей дочери, так рано пострадавшей от взрослой жизни! Я переживал о маме, которая никогда не оправдывала моих связей «на стороне».

Не знаю, как жена, но мама и дочка меня, в конце концов, простили бы. Может быть, не сразу, но обязательно простили. Поэтому причина, однозначно, во мне. Просто я не готов был сделать этот шаг! Испугался несправедливых порицаний в свой адрес, не хотел бесчисленных объяснений и ко-

сых взглядов. Как обычно говорят: «Вот, гад. Бросил семью! И еще в такой момент!» Наверное, мне сложно было бы это пережить.

Но, если б я только знал, что потеряю свою любовь навсегда! Тогда, я думаю, драйва мне бы хватило. Но я не знал.

Маша на прощание сказала:

– О том, какой была бы наша совместная жизнь, ты будешь думать всегда!

Сказала, поцеловала и исчезла...

Домашний шумок нарастал. Звякала посуда. Не напрягаясь, можно было услышать ворчание зятя и шепот внука Ваньки. Сейчас они все завалятся ко мне в комнату. И я решил, что пора вставать.

Зарядка в мои планы сегодня не входила, поэтому я надел уютный халат и подсел к компьютеру.

– Ну, Росомаха, чем порадуешь на пятидесятилетие? – улыбнулся я и открыл свою почту. Письма не было! Впервые за 10 лет...

Если честно, я растерялся, потому что поздравительные письма от Марии приходили всегда с утра. Но подумать и расстроиться не успел, потому что в комнату забежал Ванюшка с размалеванным альбомным листком в мокрой ладошке.

– Деда, посмотри, какую машину я тебе нарисовал, – радостным колокольчиком зазвенел малыш. Он залез ко мне на колени, и, удобно устроившись, начал рассказывать про ма-

шину: где у нее капот, какие у нее большие колеса, и сколько долларов она стоит, одновременно тыкая пальчиком в клавиатуру моего компьютера. Я поцеловал его в кудрявую макушку и повернулся вместе с малышом на кресле, чтобы он не доставал до стола.

Ирина, жена, произнесла стандартные поздравления и протянула свои подарки – элегантную рубашку модного дизайнера и билеты на концерт какой-то поп-звезды с неизвестным мне именем. Зять пожал руку, а любимая дочурка повисла на мне, обхватив шею двумя руками:

– Папулечка, как я тебя люблю! С юбилеем тебя! Подарок от нас с Мишей будет в ресторане.

Мой день рождения мы впервые решили отпраздновать в общественном месте. Я это обычно не приветствовал. С детства люблю милые домашние посиделки. Но юбилей неожиданно захотелось отметить с размахом, и под девизом: «А вот я какой, смотрите...!» Я пригласил целую кучу гостей: помимо родственников и близких друзей, приглашение отпраздновать мой юбилей получили коллеги, соседи и даже несколько друзей детства.

С институтской компанией решили собраться позже, когда Антон, мой близкий друг тех далеких лет и свидетель моих увлекательных амурных походов, приедет из Германии, где проживал уже пятый год.

За завтраком мы весело дурачились и подшучивали над Ванькой.

«Хорошо!», – подумалось мне. «Нет», – тревожно завывло мое подсознание.

Начались телефонные звонки и, надеюсь, искренние пожелания здоровья, долголетия и семейного счастья! Да здравствуют современные средства связи: с одной линии я переходил на другую, затем – на третью; потом возвращался к первой. Умудрился даже конференц-связь включить, когда звонившие принадлежали к одной компании.

Два раза в собственном телефоне проверил почту. Письма от далекой любимой, по-прежнему, не было. Звонки не заканчивались, а грустные мысли эфемерным назойливым осьминогом опутывали мое сознание.

Ну, что, видимо, поздравления уже не будет, – подумалось мне. Наверное, все запасы и нереальные Машкины возможности были исчерпаны. Но почему все закончилось именно сегодня? Неужели было трудно написать еще одно письмо? Видимо, я начинал бредить! Кого я пытался обвинить?

«Спокойно, – шептал я себе, – они ведь не могли приходить вечно!»

Когда Маши не стало, она тоже написала мне о вечности! А сам факт появления этих писем в моей почте в течение десяти лет был необъяснимым и нереальным!

Опять зазвонил телефон. Из далекого Ярославля сквозь километры доносился жизнеутверждающий бас моего одноклассника. Я уже плохо слушал, и только его последнюю фразу «...следующие пятьдесят лет...» в своем сознании

закончил совершенно по-иному. По-своему: «...следующие пятьдесят лет я проживу без Марии».

Я стал себя уговаривать, даже сердиться. Ведь ее не было уже почти десять лет (я так и не привык применительно к ней говорить и думать, что она умерла. Но ведь это так. Она умерла. Десять лет назад). Это очень большой жизненный срок, но на душе у меня было такое ощущение, что я снова теряю ее! И это уже – в третий раз!

Несколько минут я тупо разглядывал за окном безобидную возню соседских близнецов, потом включил кондиционер, хотя было еще не жарко, и решительно налил себе коньяка.

– Не рано ли начинаешь, дорогой, – съехидничала жена, добросовестно отпаривая утюгом мой белый летний костюм.

Не хотелось рычать в ответ – она же ни в чем не виновата! Поэтому я молча выпил пару стопок и набрал номер такси.

– Отъеду я, Ир. Хочу побыть один.

– С чего бы это? – удивилась она. Но спорить не стала.

В последние годы так было всегда. Куда-то вдруг неожиданно пропали все ее придирки и приступы ревности. Она стала покладистой и заботливой.

Когда уходил, вслед донеслось: «Не пропадай надолго», а я – уже с лестничной клетки – откликнулся: «Хорошо».

В такси меня немного отпустило, и я позвонил маме. Поздравил с днем своего рождения, поинтересовался здоровьем и попросил, чтобы она обязательно приходила меня по-

здравить в ресторан. Предупредил, что пришло за ней машину!

А на тротуарах мелькали расслабленные взрослые и шустренькие ребятишки с мороженым в разноцветных упаковках. Разгар июля. Лето.

В субботу офис, естественно, не работал. Охранник, которого я отвлек от разгадывания «сканворда», поначалу испугался. Кто ж любит визиты начальства в выходной день? Но уже через несколько минут он дружественно заглядывал мне в глаза, называя «лучшим директором всех времен и народов», и желал крепкого здоровья. Эта разительная перемена объяснялась просто: начатую бутылку коньяка я прихватил с собой и любезно поделился с ним очередной дозой.

Тихо. В кабинетах не трезвонят телефоны, не шумит кофе-машина в комнате отдыха, не видно переглядывающихся подчиненных, ожидающих от меня непонятных вопросов и неожиданных поручений.

Тихо. Вот сюда я сознательно стремился. Захотелось покурить прямо у себя в кабинете и почитать последнее поздравление от Машки – письмо, пришедшее год назад. Я надеялся найти какие-то намеки на то, что оно будет последним.

Из письма Марии (15 июля 2013 г.)

Привет, мой милый Женечка! С днем рождения тебя, очередным и желанным. Я же знаю, что ты любишь отмечать свои памятные даты.

Пытаюсь представить тебя... Сегодня пятница, ты на рабочем месте распаковал файл с моим письмом, скорее всего, распечатал его, читаешь и улыбаешься. Если на тебя сейчас кто-то смотрит, то лучше отвернись, потому что улыбка у тебя не вполне адекватная. Я бы сказала, с «сумашедшишкой».

Посмотри на соседнее окно – я сижу на своем любимом подоконнике, болтаю ногой и тоже тебе улыбаюсь. Видишь? А в руках у меня воздушный шарик, легкий и волшебный. Придумай и напиши на нем свои желания. Ты можешь совсем не стесняться меня – я ведь знаю все твои великие секреты.

Готово? Когда я соберусь уходить, я заберу его с собой. Тогда все, ну, почти все, обязательно исполнится. Очень хочется быть твоим Ангелом!

Желаю тебе прекрасного года – ведь это твой персональный Новый год.

Пусть легко все складывается! Хотя это не про тебя! Ты привык все взваливать на себя – как будто другие могут не справиться. Конечно, лучше тебя им это вряд ли удастся, но все же, побереги себя, пожалуйста. Потому что с возрастом сил все равно меньше, в смысле, меньше, чем в молодости. А тебе продолжает казаться, что ты неуязвим.

Ты всегда был самым лучшим. Ты – Гений. Мой Гений. Мой любимый мужчина!

Скоро у тебя отпуск. Я не ошибаюсь? Мне кажется, вам с Ириной нужно съездить в Норвегию. Вы там не были? Можно отдохнуть на живописнейших фьордах и посмотреть много интересного. Плюс неповторимые ощущения от высококлассных паромов тебе, думаю, тоже понравятся. Путешествие получится необыкновенным!

Теперь о себе нужно что-то написать.... Сейчас придумаю...

Пусть будет так:

Я только приехала из отпуска. Вновь открыла для себя Италию, вернее, чарующую Тоскану: с ее известными на весь мир пейзажами и великолепными винами. (А помнишь наше коротенькое путешествие в Венецию? Это была совершенного неожиданная ноябрьская сказка!) В этом году я так же бродила по улочкам, замирала у Флорентийских полотен и скульптур, забиралась в горы, любовалась озерами и вспоминала о нас...

Я писала тебе, что я разошлась с мужем? Нет? Пишу. Наверное, такое могло бы в конце концов случиться. Только в конце 2003 года наше расставание было бы болезненным и драматичным, а сейчас, в 2013-ом, – мы просто тихо разъехались.

Так что, я теперь свободная, и почти молодая. Хотя «молодая была немолода»! Как у Ильфа и Петрова. Но, думаю, что я все еще симпатичная. Вот только глаза какие-то тусклые. Хочешь, открою великую тайну о любой

женщине: как на самом деле ей живется? Она может быть обладательницей замечательная фигуры, ухоженной кожи, стильного гардероба. Но загляни в ее глаза – что в них: боль и отчаяние или заманчивый блеск и любовь?

Мне кажется, что у меня уже давно очень грустные глаза... И только где-то в глубине горит неугасимый огонек нашей Любви.

Но, пожалуй, мне пора. Я выпускаю шарик, и он взмывает вверх.

Смотри, он уносит в небо твои секреты. Целую тебя. В глаза, в губы, в волосы. И прижимаюсь к тебе крепко-крепко. Чувствуешь?

Твоя Маша.

Юбилей Евгения (15 июля 2014 г.)

Я чувствовал. Чувствовал тоску и безысходность.

– Эх, Маха! Ну, что же ты меня бросаешь? Думаешь, что за десять лет я успокоился окончательно, и мне уже не будет больно? Ведь Любовь сильнее Смерти, – говорила мне ты, и с упоением рассказывала о парижской любви Маяковского. Долгие десятилетия после смерти поэта, Татьяна Яковлева получала его прекрасные букеты... Вот почему тебе пришла мысль – посылать мне письма. Наверное, ты просто не успела написать их больше! А я даже не знаю, где ты нашла приют? И где твоя могила?

Любовь сильнее Смерти.

Я понимал, что нужно сосредоточиться на этих словах! Ведь миллионы, миллиарды людей хоронят своих близких. Навсегда. И уже не получают от них никаких весточек. А каждому бы хотелось еще хоть один раз услышать любимый голос, прочитать затерявшееся во времени письмо. Милая моя девочка, ты так любила меня, что захотела облегчить мою утрату! Хотя бы попыталась.

Грустно...

Но у меня есть двадцать твоих писем – это целое состояние. И фотографии, покрытые моими поцелуями. И твой романтический институтский дневник.

Ты притащила мне его однажды во время наших свиданий.

Как всегда стремительно ворвалась в комнату, не раздеваясь, уселась ко мне на колени и с усердием начала вытаскивать из своей сумочки затертую тетрадь с разноцветными бабочками на розовой обложке.

– Вот, – заявила ты. – Детские дневники выбросила, а этот оставила, решила дать тебе почитать. Только не смейся!

Мария прильнула ко мне, и весь мир сразу исчез. Такое это было ощущение, такое высшее наслаждение, такой покой, что трудно объяснить! «Маленькая моя, – нежно прошептал я тебе, целуя ладошки твоих рук, – самая любимая...»

Вспомнилось... Навеяло... Я открыл глаза, выпил еще коньяка, спрятал бутылку в шкаф. Достал мобильник, и, начав

набирать номер, вдруг остро почувствовал ее присутствие, дурманящий запах духов... Какое-то наваждение. Слияние миров в стиле фэнтези, да и только. Резко открыл окно. В синее июльское небо медленно поднимался розовый воздушный шарик...

Из личного дневника Марии (институт 1983-1987 гг.)

1 сентября 1983 г.

Ура! Первое сентября! С детства люблю этот праздник! И вовсе не за стремление к знаниям! Просто собираются добрые друзья, появляются какие-то задачи и общие цели. Тайные взгляды и вздохи, сравнение себя с ровесниками, стремительное приближение взрослой жизни, в общем, все самое лучшее определено начинается в сентябре.

Мама с утра занудно расспрашивала, во сколько у нас собрание, будут ли занятия, и, естественно, я ухожу до обеда или до ночи? Скорее всего, последний вопрос ее интересовал более всего. Знает, что я шалая, ну, увлекающаяся, короче!

Я еще пока и сама не знаю, как сложится сегодня день знаний! Мы – второкурсники, но на «Посвящении в студенты» первокурсников быть обязаны. Потом состоится собрание и первые лекции. Затем все это нужно как-то отметить! Придумаем, как... Убегаю.

Р.С. На мне – новенькие джинсы, подаренные тетей Мариной из Дрездена, и воздушная кофточка, сшитая мной за один день из найденной у бабули полутораметровой «марлевки». На ногах – новые югославские туфли. И еще (о, это настоящее чудо) мама купила мне самый настоящий кожаный «дипломат»!

7 сентября 1983 г.

Событий произошло очень много. Об одном, особенно значимом, постараюсь написать подробно, если не засну раньше времени.

«Посвящение в студенты» было долгим. На заднем институтском дворе, где у нас большая асфальтированная площадка, построились все курсы. Мы плавно переместились с центрального места, которое занимали в прошлом году, в тихий полутемный уголок двора. И началось! Мальчишки покуривали, щипали нас, многозначительно переглядывались и рассказывали не очень приличные анекдоты. А мы, девочки, естественно, потихоньку хихикали и рассматривали друг друга. У меня зрение уже давно минусовое, но моя подруга Наташка докладывала мне все, невидимые моим очам, детали:

– Посмотри, какое у Валеевой декольте. Мишка сейчас в него провалится глазами.

– Она! Мокшанова с Саньком Перельгиным за руки держатся. Это когда ж они успели снюхаться? В стройотря-

де, наверное.

– Маш, ты не туда смотришь! Галигузова не в «положении» ли? Смотри, как поправилась!

И дальше все в том же духе. Я слушала ее, улыбалась и отводила взгляд от Сергеева Анатолия, который постоянно на меня смотрел. Я знала, что нравлюсь ему. Весь первый курс он постоянно околачивался рядом: в раздевалке, в буфете, на автобусной остановке. Все пытался заскочить в мой автобус, хотя ехать ему куда не нужно. Он жил в центре, а мне добираться до дома нужно было минут сорок. Сегодня я опускала глаза, хотя мне он был безразличен. Но приятно все же кому-то нравиться!

– О, Мэри, – застонала моя подруга, – смотри! Да не в ту сторону! Посмотри на трибуне какой красавчик!

Никакого красавчика я, естественно, не увидела. Просто рядом с деканом появился высокий силуэт. И ведущая нашей торжественной линейки, секретарь комсомольской организации, тоже, кажется, Мария, объявила, что студенческие билеты первокурсникам, кроме декана, будут вручать, во-первых, какая-то Ленинская стипендиатка Валерия Гасанян и, во-вторых, звезда отечественного спорта и нашего института Макаров Евгений. Лица его я не видела, а вот вздохи услышала – прямо волна по рядам прокатились. Наши парни, увидев женскую реакцию на этого спортсмена, подняли такой галдеж, привлекая наше внимание, что куратор сделала им замечание.

– Машка, слепуха, если бы ты видела, какой он красивый. Ну, прямо Алэн Делон, – скулила мне в ухо Наташка.

– Подумаешь, – независимо ответила ей я и состроила глазки Толику.

Первокурсники тоненьким ручейком струились вокруг импровизированной трибуны. Большинство из них стеснялись, стараясь побыстрее стать в общий строй. Но были и особенные, – коронованные, так бы я их назвала. Кто им корону надел, неизвестно, но несли они ее весьма торжественно.

Я сама в прошлом году в такой короне долго ходила. Мне казалось, что я самая распрекрасная! Но потом поняла, что все, абсолютно все, нужно доказывать: и свой ум, и свой юмор, и желание дружить, и, если хотите, даже красоту. Красивая? Значит, должна быть безупречной: читай модные журналы, шей, вышивай, доставай модные шмотки, где хочешь. Короче, соответствуй. Тогда твою корону все будут видеть, а не только ты.

После торжественной линейки было часовое собрание, где декан пугал и хвалил наш курс одновременно. Мне вообще временами казалось, что он нам завидует! Сан Саньич – толстый, лысый и старый. Ему, наверное, лет пятьдесят-пятьдесят пять. И что впереди у него: пенсия и болезни? А мы молодые, стройные и бешеные! Интересно, я в пятьдесят лет буду какая? И будут ли мне интересны мужчины?

Сейчас очень интересны! Большие, правда, пока меня вол-

нует их отношение ко мне. Какое-то нестерпимое желание нравиться. И, желательного, всем! Может быть, со мной что-то не так?

Моя Наташка мне всегда завидует, докладывая, что, то один на меня уставился, то другой! А я и не вижу – плаваю себе в своем аквариуме и наслаждаюсь собственной чешуей. И короной, конечно. Теперь она у меня заслуженно поблескивает! Потому что со мной хотят дружить девчонки, меня приглашают на дискотеки и посиделки в общежитии, ко мне, в конце концов, подходят знакомиться парни. Я в такие моменты не кривляюсь, не стесняюсь, но на шею первому встречному бросаться не собираюсь! Увидят симпатичную мордашку в раздевалке, и, давай меня приглашать! Ага, щас! Вот пусть себя хоть как-то проявят, как Толик Сергеев, например.

Прежде чем идти отмечать начало нового учебного года (а «начать отмечать» решили у нашей старосты Аньки дома), нужно было получить учебники. С 14.00 до 15.00 был предписанный нам час. Не получишь сейчас, потом настоишься вдоволь, да и необходимой литературы может не достаться. А задавать «домашку» начнут уже с завтрашнего дня. Влезать в отработки с первой недели не больно-то хотелось!

Стояли мы ни друг за дружкой, а кучей, получали замечания от сотрудников библиотеки с просьбой соблюдать тишину. Мальчишки бегали курить, девчонки – в буфет за бу-

лочками «на всех». Здорово, весело! Но веселье весельем, а ноги в новых туфлях все же заныли, и я пошла искать место, чтобы хоть на минуточку разуться.

Свободные стулья оказались только напротив – в читалке. И я, с кайфом скинув тесную обувь, расположилась там. Столы были свежееокрашенными, на их поверхностях играли солнечные лучики. Длинные ряды картотеки поблескивали новыми наклейками. В конце прошлого года, помнится, вместо них были одни лохмотья. «Вот как мы стремимся к знаниям», – похихикала я про себя, и, от нечего делать, начала листать подшивку нашей институтской газеты «Химическая индустрия: наше будущее» за весь год, или даже больше.

Сверху лежал, конечно, последний экземпляр, в котором я прочитала заметку о нашем стройотряде и чудесном свинокомплексе, который мы сдали в срок. Там даже была фотография: мы все, в рабочей одежде на фоне того самого сварника. Фото было нечетким, да и сама газета выпускалась самого низкого качества, поэтому себя я нашла с трудом. По Наташке. Она-то успела снять косынку и распушить свои прекрасные рыжие волосы. На фотке они, конечно, были серые, но развевались достойно! Ну, а рядом – что-то размытое, в платке и с ведром, наверное, я! Господи, ну, хоть бы ведро на землю поставила! Но ничего – посмотрела и полюбовалась все равно.

А вот в предыдущем номере, июльском, я увидела Его. И

в майском номере, и в мартовском, и в февральском... Так вот ты какой – Евгений Макаров! Фотографий было много. В основном, на корте, с ракеткой в руке: в прыжке, в броске, и еще две, так сказать, в прыжке от радостной победы. На серой бумаге его очертания были белыми. Значит, в реальности должны быть белоснежными. «Снежный барс», – пронеслось в сознании.

Еще одна фотография была, видимо, для доски почета – обычная, как для документов, там, где чемпион был в костюме с галстуком, и с жуть-какой серьезной физиономией. Крупная. Четкая. Вот ее-то я и сперла. Вырвала, что называется, с корнем. Сама от себя не ожидала. А, главное, зачем? Хорошо, что вовремя успела спрятать этот обрывок от глаз задремавшей библиотекариши и неожиданно ворвавшейся в читалку Натальи.

– Пошли, хватит тут яйца высиживать. Там такая умора произошла, обхохочешься. И очередь наша подходит, наконец, – выпалила она.

Народ смеялся с нашего весельчака Мишки, который наряду с другими книгами, положил в свою стопку вместо какой-то там технологии, похожее по цвету издание «Психологические аспекты импотенции». И откуда оно только появилось на столе массовой выдачи учебников и лабораторных пособий? Одному Богу известно. Но такое могло произойти только с Мишей, это однозначно. Выразив ему определенную долю наших милых издевательств, мы, не пере-

ставая хохотать, наконец, покинули институт.

– Давай я тебе помогу, – наклонился ко мне Толик. Я покраснела, но протянула ему уже норовивший порваться пакет. Моя Натка сделала вид, что не заметила.

День Знаний мы отмечали бурно. Пили шампанское, поговорили о летних каникулах: кто где был, что видел? С девочками обсудили покупки и интимно похвастались приобретенным загаром. Потом Анна начала варить нам кофе. И с заманчивым видом вытащила из секретера бутылку коньяка. Видимо, из отцовских запасов.

– Будем пить кофе с коньяком, – романтично, произнесла она.

Кофейную турку пришлось эксплуатировать несколько раз. Но, наконец, ароматный напиток был торжественно разлит по аккуратным фарфоровым чашечкам, и Наташка, строго дозируя, добавила всем по одной ложечке коньяка.

Мы пили кофе, придав себе эстетический вид, вспоминали судьбу Марины Цветаевой и последний фильм Андрея Кончаловского. А я не удержалась и почитала Ахмадулину. Салон матушки Шерер, не иначе.

Но все, как всегда, испортил Мишка. Он смачно облизнулся и произнес:

– А теперь давайте – по три ложечки коньяка. И без кофе!

Мы рассмеялись от души.

Коньяк все-таки со временем был выпит, и все разъехались по домам. И по общежитиям.

Мне, как всегда, пришлось мягко отшить Толика. Впрочем, он, как всегда, не обиделся.

А потом, дома, лежа в постели, я долго разглядывала любовно вырезанную из газетного обрывка фотографию. Его. Евгения Макарова.

28 сентября 1983 г.

Нас все-таки вырвали из лап всеобъемлющего поглощения знаний и отправили в колхоз «Пятьдесят или шестьдесят лет Октября» для помощи не справляющемуся без нас сельскому населению в сборе богатого урожая яблок.

Но мы не очень расстраивались! Все были рады свалить из института на пару недель. А, лучшие бы, на месяц. И я тоже, естественно, не была исключением. Моя мамочка безрезультатно пыталась притормозить мои благие порывы, пугая меня периодически обостряющимся артритом, но я была непреклонна!

– Урожай яблок Страны Советов гибнет, – ехидничала я, – и нуждается в моей помощи!

Так что в назначенный день я уехала, прихватив дефицитные консервы, которые она достала мне по великому «блату». А именно: десять банок шпрот, десять банок лосося и десять банок сгущенки. Это потом, на месте, сравнив наши запасы, мы пришли в «ужас» – все они оказались

одинаковыми. И, уже спустя десять дней, мы меняли банку «дефицитных» шпрот и банку еще более «дефицитного» лосося на одну банальную, с родным названием «Килька в томате».

Со сгущенкой, правда, проблем не возникло: ее обожали все и в любых количествах. У нас даже очередь установилась на «облизывание» тары. И, когда Танюшка из соседней группы вдруг безапелляционно заявила: «Сегодня моя очередь облизывать банку», – все дружно на нее накинулись: «Ты облизывала три дня назад. Сегодня очередь Наташки».

Так проходили наши дни. Днем мы скакали по деревьям, вечерами, в резиновых сапогах и телогрейках, танцевали под выставленные из окон бараков «колонки», откуда грохотали «Смоки» и Андрей Макревич. Иногда пили «Сливянку» и покуривали «Мальборо» в тайне от мальчишек! Может, у кого-то и любовь случилась, не знаю. В темных садах иногда слышались вздохи и таинственные шорохи. Мне завидно не было. Толик Сергеев с нами не поехал; его стального напора мне сдерживать не пришлось. А мимолетные, не очень настойчивые намеки однокурсников – это, явно, не для меня.

Случилась, правда, одна трагикомическая ситуация. Я тогда разволновалась, а теперь вспоминаю со смехом. Короче, мы с Мишкой как-то забрались на развесистую яблоню со своими мешками-крючками, поговорили по душам, а потом, почему-то запели:

– Не для меня приде-оот весна, не для меня Дон разолье-оотся.....

Хорошо, кстати, пели. Душевно. Но мимо проходил наш руководитель. А был он не из душевных, как оказалось. Ну, не понравился ему наш дуэт. В результате, нас сняли с дерева, а вечером на комсомольском собрании сообщца «взяли на поруки».

Дни проходили за днями. А ночами я почему-то думала о Макарове.

Третьекурсники от колхоза были освобождены, у них была практика. И, кроме того, моя Наталья зачем-то доложила мне, что Макаров – на очередных соревнованиях. Видимо, Евгений тоже запал ей в душу. Но мы об этом, даже после распития «Сливянки», никогда не разговаривали! Почему-то...

1 ноября 1983 г.

Октябрь был серым и тоскливым. Мы вернулись из колхоза, и началась дикая «гонка» материала по всем предметам. Чтобы получить хотя бы «удовлетворительно» на текущем занятии, приходилось сидеть до двенадцати ночи, а то и до часу. Мы списывали друг у друга задания и конспекты, носили по очереди учебники, чтобы не насиловать «дипломаты», отсыпались на лекциях, когда это было возможно.

Но дискотеки по субботам никогда не пропускали. Моя

мама, провозжая меня каждую субботу, с надеждой спрашивала: «А ты могла бы, например, хоть одну субботу остаться дома?». «Нет! – решительно и бесповоротно отвечала я. – Иначе на следующую трудовую неделю настроя не будет!». И мама пожимала плечами, закрывая за мной дверь.

Иногда, перед особенно тяжёлыми предметами, распределяли вопросы практикума: кто на какой вопрос будет отвечать. И, ни дай Бог, кому-нибудь эту очередность нарушить – одногруппники устроят показательный суд и лишат сладкого (то есть шампанского, как минимум, на две субботы).

Я недавно так проштрафилась. И наше общегрупповое чудо Михаил, как оказалось, тоже.

Поскольку Макарова я за прошедшее время не встречала, я загрустила. Ну, никак было мне себя не проявить! Поэтому, чтобы не терять форму, однажды, прямо после занятия, я и не отказалась от предложения одного симпатичного парнишки прогуляться. На мне были как раз новые сапожки – нужно было всем показаться. И мы с ним пошли от института по нашей главной улице: разговаривали, обменивались мнениями, даже спорили – все складывалось, вроде бы, неплохо. Неожиданно начал накрапывать противный осенний дождик. Пока раскрывали мой зонтик, успели вымокнуть. Но прогулку все равно не прекращали, так и шли, мокрые, прижавшись друг к другу, остановок, как минимум,

пять.

Это я так к себе прислушивалась – возникают ли у меня какие-нибудь ощущения от близкого общения с парнем? Ну, в общем, не особенно возникали. Чего нельзя было сказать о нем, потому что, когда наш маршрут уткнулся в тупиковую площадь, он, не желая расставаться, затащил меня в кинотеатр. Фильм был интересный, двухсерийный. Мы даже успели высохнуть. Андрей периодически нежно поглаживал мои уже согревшиеся пальчики и шептал комплименты. Ну, и все, собственно.

Домой я приехала поздно, раскрыла учебник по диамату, посмотрела, что выделенный мне вопрос по счету будет пятым, и я определенно успею его прочитать на занятии! С чувством глубокого удовлетворения, я заснула, как всегда призывая своего Ангела-Хранителя, чтобы мне приснился Макаров.

Но он не снился.

Зато на следующий день, преподаватель, известный всему ВУЗу своими хитростями, лихо поменял очередность вопросов. И первым назвал мой, ну, тот, который я должна была выучить, иначе собьется вся последовательность.

Друзья удивленно смотрели на меня, даже не просто смотрели, а сверлили взглядами! Поэтому мне пришлось встать и уверенно произнести первую фразу. Звонко и достойно, как я умею! И замолчать, потому что вторую – я даже прочитать не успела.

В результате, поставив мне «неуд» на мой вопрос он вызвал Наташку, которая учила третий по счету вопрос, ну, и так далее – по кругу. Все получили «неуды». Плюс дополнительное количество конспектов к следующему занятию.

Крик стоял на весь наш огромный коридор – народ называл меня безответственной и предательницей, или точнее, безответственной предательницей сразу. Я, заняв бойцовскую позу, начала красочно лгать про больного дедушку, у которого я, якобы, провела весь вечер и всю ночь, а учебника диалектического материализма у дедушки, как назло, не было!

– Ага, видел я этого дедушку, – заявил вдруг Мишка, – Андрюха Старков с первого потока его зовут. Оказалось, этот балбес, в смысле, Михаил, следил за нами до самого кинотеатра. Более того, сидел потом рядом с нами на соседнем ряду. Интересно ему было, видите ли, чем у нас все закончится? Поеду я к Андрею в «общагу» или нет? Все снова зашумели на меня со страшной силой!

Но тут мне пришла в голову гениально-спасительная мысль.

– Послушайте, так ведь Михаил тоже не выучил свой вопрос, раз он таскался за нами пять часов подряд! И, если начали бы с него, у нас у всех все равно были бы «пары».

Короче, все, наконец, расслабились, посмеялись и отправили нас с ним в буфет за булочками.

Толчея там была похожа на упругую разноцветную гусе-

ницу. В воздухе пахло молодостью и, пардон, похотью. Стоять в этой очереди, в этом Содоме, было неохота, но зато я увидела Женю, вернее его темно-русую шевелюру, возвышающуюся над всеми. Он быстро затарился большим бумажным пакетом с кексами, и, легонько расталкивая всех, скрылся в общем коридоре. Только голова моя от его мимолетного присутствия слегка успела закружиться!

На меня даже не посмотрел.

12 ноября 1983 г.

– Ну, не сдать мне дифзачет по физколде (так мы называли физическую и коллоидную химию), – стонала Наталья.

Мы сидели на подоконнике в туалете запасного корпуса нашего института и курили одну сигарету на двоих.

– Если тебе будет спокойнее – я ее тоже не сдам, – вздыхала я и поглядывала в окошко на соседнее здание, в котором располагался спортзал – очень хотелось увидеть нашего знаменитого теннисиста. Подруга поймала мой взгляд и выпалила:

– Хочу в секцию большого тенниса записаться. Там недобор, вроде. Не пойдешь со мной?

Во мне все так и перевернулось. Вот, дуреха! Думает, так она ближе к Женьке Макарову будет. Я, конечно, тоже хотела бы рискнуть – глядишь, на тренировке он бы и обратил на меня внимание: коротенькую юбочку можно было сшить и гетры разноцветные связать. Да, еще повязочку стильную на лоб непременно нацепить!

Но нет! Я представила себя дикой неумехой, потной, стеснительной от неудачных подач. У меня с ними и в волейболе-то не очень. Так там вон какой мяч большой! Потом я представила постоянную бестолковую беготню за теннисными мячиками. Нет. Я пойду другим путем: поражать нужно тем, что ты умеешь делать квалифицированно!

Наташа пихнула меня в бок:

– Ну, что ты замолчала? Пойдешь?

– Нет, – заманчиво ответила я, – лучше в танцевальный ансамбль пойду. Меня давно приглашают. В детстве я балетом серьезно занималась. А с пятнадцати лет – танцами. Говорят, что у меня неплохо получалось! Ну, там всякие пасадобли, фокстроты и вальсы мне всегда удавались.

– Ну, как знаешь, – облеченно (или мне так показалось) ответила подруга.

Мысли вновь вернулись к зачету. Ну, никак его не сдать! И, даже вовсе не потому, что это был объемный и тяжелый материал! Просто невзлюбила нас наша преподаватель Антонина Евгеньевна. Еще отчество такое прекрасное носит, – подумалось мне, – а такая гадина, просто совершенно без чувства юмора.

Интересно, мои дети тоже могли бы носить такое отчество? – мелькнула дурацкая мысль...

Наша очень энергичная, где не нужно, группа постоянно что-нибудь вытворяла: то прогуливала полным составом занятия, то изводила аспирантов. Я думаю, что причина

была в нашем Мишке. Именно с него всегда все начиналось!

Как тогда, в самом начале семестра, на занятии по физколлоидной химии. Он начал на лабораторном практикуме поливать всех кислотой. Вернее, делать вид, что поливает, не совсем же он debil! Но гам, визг и шум начался такой, что прибежали соседние группы.

Мы с Наташкой вырвали из его рук злосчастную пробирку, и все почему-то начали за нами бегать. Ну, и в результате завалились на пол, прямо между химическими столами. Почти все. Человек семь-восемь. Мы с подругой, оказались, естественно, в самом низу. Антонина Евгеньевна увидела эту шевелящуюся и галдящую кучу, растолкав смеющихся студентов соседних групп, столпившихся в дверях нашей лаборатории, и застыла столбом.

Пока все по очереди с нас слезали, глаза у нее становились безумнее и злее. Я поднялась с пола последняя, сделала за чем-то книксен и потихонечку пошла к своей парте. Очень потихонечку. Но это, как оказалось, никого не спасло. В деканат она нас, правда, не отправила, но лотовала на занятиях по-страшному. Особенно доставалось нам с Наташей.

Антонина, видимо, посчитала нас зачинщиками, учитывая слоистость нашей живой кучи, а точнее, очередность этой самой слоистости.

Поэтому ближайшего дифференциального зачета мы с Наташей, естественно, очень боялись.

– Нат, давай шпоры напишем: ты на одну половину материала, я – на другую. За ночь успеем, – предложила я. – Сначала я по ним отвечу, потом ты.

– Давай, – без особенного энтузиазма, ответила подружка. – Только пиши разборчиво. Знаю я тебя! Как будто сама писать училась, и в первый класс не ходила.

– Ага, я сразу во второй пошла, – не удержалась я.

Мы поделили вопросы и отправились по домам.

15 ноября 1983 г.

Все произошло ужасно! Я не о дифзачете, будь он неладен. Я о Женьке.

Столько месяцев мне представлялась наша, запланированная на небесах, встреча с Евгением Макаровым, а вышло все, как в плохой пьесе. Даже не в самой пьесе, а в ее антракте.

Я мечтала, что он будет разнимать дерущихся из-за меня мальчиков, или пригласит на танец самую первую среди толпы наших студентов в огромном институтском зале, как Наташу Ростову, или, на худой конец, бросится поднимать случайно рассыпанные мной тетрадки из открывшегося дипломата, и наши руки встретятся, и глаза тоже, и сердца встрепенутся и взлетят в небо, как птицы!

Ничего подобного! Эта заморочка с «дифзачетом по физколде» отбила мне все остатки мозга!

Сегодня я одна из первых умудрилась ответить Антони-

не по Наташкиной шпоре, и Натка, естественно, ждала от меня моей половины шпаргалок. Я же, прошлой ночью, уже ближе к трем часам, размечтавшись об объекте своего обожания, написала не все. Заснула.

Поэтому срочно нужно было изобразить для нее пару недостающих «шпор». Вдруг, по закону подлости, они и упадутся. Нет! Так подставить подругу я не могла!

Я спустилась в холл на первый этаж, чтобы не маячить перед нашим кабинетом, заверив Наталью, что через десять-пятнадцать минут принесу недостающие листочки.

Сесть там было некуда. У нас, вообще, в холле не было никаких приспособлений для сидения. Ну, чтоб студенты всегда были в тонусе, и в холле не задерживались. Но все, не договариваясь, облюбовали банкетки вдоль окон. Сидя на них, переобувались, целовались, писали разнообразные конспекты и списывали «домашку», короче, делали все то, что кому в данный момент требовалось.

Чаще всего там просто сидели и глазели. Парни – на девчат, и наоборот.

В данный момент меня волновали только мои «шпоры». Поэтому, глянув своими, подслеповатыми глазами в сторону банкетов, я увидела, что при желании, в одном месте можно втиснуться. И понеслась, сбивая всех на ходу, к этому, якобы, свободному месту.

То, что там сидели только парни, и среди них Женя, я увидела, вернее, поняла, когда уже насильно попросила их

раздвинуться, чтобы я могла сесть. Выглядело это следующим образом : «Ой, мальчики, мне очень нужно!»

Они подвинулись, удивленно глядя на меня, как на Моську, решившую потревожить самого Слона. А я, не обращая на них внимания, начала строчить на четвертинке тетрадного листа возжеленные формулы.

– А нога под ней хорошая, – вдруг услышала я приятный уверенный голос.

Оторвавшись от своих многострадальных опусов, я прямо рядом с собой справа, увидела своего героя. Не знаю, покраснела я или побледнела, но парни загоготали на весь вестибюль: то ли с меня, то ли с Жениных слов.

Руки мои, естественно, затряслись, и формула закона Био-Савара-Лапласа, предназначенная для Натальи, получилась корявой и с двумя ошибками. Так, что пришлось половину перечеркивать!

– Зовут тебя как? – уже тише спросил Евгений.

– Никак, – почему-то рыкнула я. Парни снова рассмеялись.

– Я – Евгений Макаров. Ма-ка-ров. Слыхала?

– Нет! – продолжала я. – Не знаю я никакого Макарова?

Я – Агеева Мария. А-ге-е-ва! Слыхал?

Он неожиданно простодушно ответил:

– Нет!

Но, увидев торжество в моих глазах, снова повысил голос:

– Мария, значит... Маха-Маха-Росомаха... Будешь у нас

Росомахой, – и все снова рассмеялись.

Я вскочила, как ошпаренная. Вот еще, придумал!

– Сам ты Россомаха, – выпалила в ответ и решительно направилась к лестнице. Каково же было мое удивление, когда сквозь общий хохот, мне вдогонку, донеслись его слова:

– Я буду ждать тебя, Мария, после этой пары. Здесь.

У меня нарушились все биохимические процессы: я с кем-то разговаривала, что-то делала, но не понимала решительно ничего. Он, Макаров, будет меня ждать после занятий!

Прием дифференциального зачета по физической и коллоидной химии закончился, и Антонина (опять же – Евгеньевна), начала «разбор полетов» минут так на сорок, коснувшись моего неправильно освященного простейшего вопроса о дисперсности и заканчивая несчастным Наткиным законом Био-Савара-Лапласа, в котором она умудрилась, благодаря мне, сделать две ошибки. Мне было крайне стыдно за подругу, но думала я о другом.

– Не дождется, уйдет, – ерзала я на стуле, за что получила замечания от преподавателя и скорченную смешную рожицу – от Михаила. Сердце в груди колотилось, щеки пылали. Я с нетерпением ожидала окончания занятия.

Когда мы начали спускаться по лестнице вниз, я вдруг остановилась, как вкопанная.

– Наташ, ты иди. Совсем забыла – мне к старшей лаборантке.

рантке нужно. Не жди меня! – и, резко развернувшись, отправилась вверх, расталкивая галдящих студентов.

Наталью несло в потоке, но она, как верная подруга, задрал голову, пыталась мне прокричать: «Я подождуууу...». В ответ ей, перекрывая все звуки, я вопила: «Нееет, не нужно!»

Забралась на шестом этаже в туалете на подоконник, пытаюсь разглядеть большие окна нашего холла, а в них – Макарова. Сначала там все мелькало, как на маскараде, потом людей становилось все меньше, и я отчетливо увидела высокий силуэт. Лица, конечно, мне было не разглядеть. Но это точно был он! Ну, вот сто процентов! Потому что силуэт этот ходил постоянно вдоль окон взад-вперед. Еще бы! Прошло уже больше часа после окончания пары. Я почему-то вдруг заревела!

Наверное, с этого момента у меня и появилась привычка сидеть на подоконниках всегда и везде, уткнувшись мокрым или счастливым носом в стекло, обняв согнутые в коленях ноги или покачивая свесившейся ногой.

Посидела, поревела, увидела, что он вышел из института в темнеющую тишину аллеи, и покинула свое импровизированное убежище.

А полчаса назад позвонила Наталья и язвительно так сообщила:

– Зря ты осталась. Там на первом этаже, знаешь, кто был? Макаров! Собственной персоной! Ждал кого-то. Злю-

ций, как крокодил!

Я промолчала.

29 ноября 1983 г.

Вижу его, встречаемся в перерывах: то на лестнице, то в деканате, то в читалке. Смотрит на меня в упор, но не здоровается и не подходит.

Я упустила свой шанс! Возможно, единственный в моей жизни. Шанс быть счастливой. Может быть, и дети у меня были бы Евгеньевны или Евгеньевичи.

Нет, я дура. Определенно.

Буду спать!

25 декабря 1983 года г.

Сегодня была репетиция нашего бального кружка. Точнее, генеральная репетиция к Новогоднему балу. Девочки были в одинаковых пышных платьях бледно-голубого цвета, парни – в ладненьких симпатичных костюмах-двоечках. Красиво танцевали! Мне даже самой понравилось!

И вдруг, когда мы уже стояли кружком вокруг нашей наставницы Юлианы и внимали ее последним советам, я увидела, что прямо на первом ряду сидит Женя. И смотрит на меня.

«Сегодня пойду с ним, куда бы он меня не позвал!» – решила я, стягивая с себя наряд великосветской барышни. Смывла «стрелки» на глазах, они были нужны для внешнего образа на выступлении, слегка накрасила губы и помазала

запястья твердым шариком духов.

Вышла, покрутила головой, сначала – едва заметно, потом – все более интенсивно. Не было его. Ни в холле, ни в раздевалке, ни на морозном институтском дворе.

А сейчас опять позвонила Наташа:

– Все точно. Галигузова сделала аборт от Макарова. У него, оказывается, такая тактика – соблазнить девчонку, а потом бросить! Хотя вчера он приходил к нам на тренировку. Пялился на всех. И на меня тоже – я чувствовала. Жертву, наверное, новую подыскивал. Но хорошенький такой!

– Эх, права, наверное, Натка, – подумала я. – Повезло, что его сегодня не было, а то я бы вляпалась!

Пожелала ей спокойной ночи, все же поцеловала Женькин портрет, уже наклеенный на картон и хранившийся между кроватью и тумбочкой, и горько вздохнула.

30 декабря 1983 г.

Новогодний вечер был очень классный: и торжественная часть с вручением заслуженных грамот преподавателям и отличившимся студентам, и концерт, где, среди прочих выступающих, принимал участие кружок нашего бального танца, ну, и дискотека тоже.

С тех пор, как Макс Перепелкин стал, так называемым, ди-джейем, у нас не переводилась хорошая музыка. Причем, он оказался большим профессионалом. Три-четыре быст-

рые мелодии пускал в эфир, а потом обязательно, «медляк» ставил. Так что всего было вдоволь.

Медленные танцы я танцевала много раз. Три раза – с прилипчивым Толиком, один раз – с тем парнем, Андрюхой, с которым мы гуляли под дождем, но дальше как-то ничего у нас не сложилось: то занятия не совпадали, то семейные праздники... Два раза с какими-то незнакомыми ребятами, мне кажется, не из нашего ВУЗа, и один раз (под завистливые взгляды) с ди-джейем Максом – прямо на его квадратном подиуме, где стояла аппаратура. Он туда приглашал, конечно, не только меня, но все равно приятно.

Наташка моя тоже пользовалась популярностью. Так что посплетничать мы смогли только, когда пошли в туалет. Обычно она сама заводила разговор о Макарове, а в этот раз трещала, как сорока, но все на другие темы. Поэтому, перебив ее размышления о французских духах «Маже нуар», которые где-то раздобыла наша староста, я, как бы невзначай, спросила:

– А Макарова ты видела?

– Видела, еще в актовом зале на последних рядах, – ответила она, тщательно разглядывая себя в мутное зеркало.

– А почему же он на награждение на сцену не вышел? – удивилась я.

– Да, пьяный, говорят, был. Вот и не стал светиться.

Я вздохнула:

– Конечно, что ему эта грамота? У него Всесоюзные на-

грады есть. Только, мне показалось, что, когда я с Максом танцевала, он возле дальней стены стоял.

Подруга внимательно посмотрела на меня и ничего не ответила.

Следующие пять быстрых танцев «на бис» пролетели быстро, и забрали все оставшиеся силы. Объявили окончание праздника. В последнем рывке народ бросился штурмовать длинные ряды раздевалок нашей городской Филармонии, где проходил Новогодний вечер.

А мы с подругой решили отдохнуть, всех пересидеть, чтобы потом спокойно, без свидетелей, покурить. Так и сделали. Толик Сергеев догадавшись, что провожать себя я опять не разрешу, принес нам одежду и вежливо попрощался.

Смешали свежий морозный воздух с вредным табачным. Помолчали. Полюбовались огромной, почти отвесной снежной горкой рядом с Филармонией. Летом она угрожающей не выглядит: так себе зеленая горочка, с одуванчиками. А сейчас – это не горка! Это гора! Фудзияма, не иначе. Посреди искрящейся от света фонарей снежной громадины сверху вниз тянулась тоненькая извилистая тропинка темного льда. Ребятишки днем, наверное, раскатали.

– А давай скатимся! Все разошлись, вроде, – предложила моя сумасбродная подруга.

Она всегда знала, что я ее поддержу. И мы, смеясь, стали взбираться на крутую гору вверх.

– Уф! На попе? – спросила Натка.

– На попе, картонка-то всего одна, – согласилась я, и пока, она замешкалась, пряча за пазуху сумочку, первой присела на лед.

Горка была очень большая. Раскатанная тропинка очень длинная. Такая, что только где-то в середине этого «попслея» я успела увидеть веселую компанию ребят, вышедших из Филармонии, и сообразила, что скачусь к их ногам в аккурат, когда они будут проходить мимо.

Но затормозить было невозможно. Ускорение увеличивало скорость. Позади меня, привлекая внимание, визжала подруга.

Вот так, с вытянутыми вперед ногами, со сбившейся набок шапочкой, я и скатилась к подножию ожидающей нас толпы. Захотела быстренько встать. Но, во-первых, быстренько со льда на каблуках не встанешь, а во-вторых, только я нашла точку опоры, как в меня с размаху врезалась Наташка.

Ее смутить было, конечно, сложно.

– Приветик, мальчики. А мы тут плюшками балуемся! – засмеялась она.

Парни достаточно любезно подали нам руки, подобрали пакеты. И можно было бы предположить, что мы вместе прогуляемся до остановки. Если бы один остряк громко так не произнес:

– Смотри, Макар, Это же твоя Росомаха!

И все, кроме меня и Наташки, засмеялись. В центре этой толпы стоял Евгений – в красивой дубленке и огромной пушистой шапке из какого-то неизвестного мне зверя. Он молча смотрел на меня и улыбался.

Я схватила Наташку за руку и изо всей силы потянула в противоположную остановке сторону, на темную заснеженную аллею.

– Нравится мне эта девочка, – успели услышать мы, убегая по скрипучему предновогоднему морозному снегу. Поэтому, на этот раз никто не засмеялся. По крайней мере, я уже не слышала.

– Это кто у нас Росомаха? И какая-токая девочка кому нравится? – зашипела Наташка, когда мы отделились от веселой компании. – Давай, колись. Тихорушница!

Мы уселись прямо на сугроб, и мне пришлось все рассказать: про дифзачет и банкетку, про Макарова и Агееву, про туалет и генеральную репетицию.

– Ох, Машка. Пасет он тебя, видимо. Приручает. Поосторожнее бы тебе с ним! Да что поосторожнее – вижу, что ты уже по уши в него влюбилась, раз скрываешь от меня все. И на шутки не отвечаешь, как обычно. Тебе палец в рот не клади, а тут почему-то бегством решила спастись.

– Влюбилась, – согласилась я. Да ты и сама ведь тоже!

– Мне Макар нравится. Ну, как высококлассный самец – я просто с удовольствием за ним наблюдаю. – ответила она.

– Врет, – подумала я ночью, засыпая.

1 февраля 1984 г.

Прошел Новый год. Зачеты и сессии. Длинные «тянущие» каникулы. Наташика уехала в Ленинград к родственникам, и я совсем загрустила. Скорее бы в институт.

10 февраля 1984 г.

В стране – траур. Умер партийный деятель. На последней лекции Сан Саным зашел в аудиторию, прикрикнул на гикающую парней и довольно строго произнес:

– Все расходимся по домам и общежитиям. По барам и ресторанам не шляться, по дискотекам – тоже. Кого застукают, отстаивать не буду. Вылетите все. В Армию! И в декрет! – зачем-то добавил он. – И нечего смеяться! Не дай Вам Бог – устроить в каком-нибудь из общежитий гулянку с распитием спиртных напитков. Предупреждаю, будет ходить ДНД.

Вовремя предупредил, называется! А у нас сегодня день рождения Светки – хотели милый девичник устроить. И живет она во втором общежитии. В наших пакетах и дипломатах уже затаилась нехитрая провизия и спиртное. Ну, что же, теперь переносить это чудесное запланированное мероприятие?

Выйдя из лекционного зала, мы посмотрели на опрокинутую физиономию именинницы и решили праздник ей не портить! А пробираться в «общагу» парами, соблюдая строгий

ую очередность. Те, кто городские, при этом должны называть номера разных комнат.

Проходить мимо нашей вечно сердитой и очень бдительной вахтерши мне было весело, поэтому в лифте мы с Наташкой шепотом, если можно так сказать, смеялись. Но лишь до того момента, пока в лифт не зашел Макаров. И ехал он с нами с четвертого до седьмого этажа. Поздоровался, кстати. Впервые. Заулыбался. И даже поклонился, когда выходил. А мы поехали на восьмой этаж к Светке.

– И что он тут делает? – не удержалась я. – Он же городской.

– Тоже самое, – прыснула Наташка. – Скорбит! Вместе со всей страной!

В комнате наши подруги уже передвинули стол, нарезали колбасу, хлеб, и в данный момент открывали консервы. И все поголовно молчали.

Так же, в тишине, мы выпили по паре бокалов вина, чокаясь при этом кулачками. А потом все же начали шептать. Умора, да и только! Вместо музыки – сплошное шипение, как в террариуме. Шикали и тихо хихикали. Если уровень шума поднимался чуть выше, наша староста нас одергивала, многозначительно поднимала руку, прислушиваясь к шагам в коридоре.

– Давайте выключим свет, – предложила я.

Выключили. Выпили. Скучно. По очереди покурили в открытое окно.

– Девчат, – прислушалась Наташка. – А под нами тоже пьют. Голоса мужские слышны. Также хохочут. – Кто там живет, Свет?

– Да я не знаю, – ответила именинница и вытащила из тумбочки небольшой сувенир – раскинувшую крылья фигурку орла, светящуюся в темноте светло-зеленым цветом.

Решили спустить ее вниз – познакомиться с народом. Привязали длинную нитку и стали раскачивать фигурку напротив седьмого этажа. Наблюдателем была Анька.

– Упс, – произнесла она, – рука чья-то вытянулась и порвала нитку. Наш Орелик теперь у них.

Развеселившиеся подруги не останавливались: при свете свечи нацарапали записку «Срочно верните Орелика. Комната 836». Пришедшая в ответ записка убила всех наповал.

Прежде всего, меня. Потому что была она следующего содержания: «Меняем Орелика на Машу Агееву». Я замотала головой, как овца перед закланием. Девчонки ответили: «У нас такой нет», и получили ответ: «Сейчас проверим».

Когда раздался тихий стук в дверь, я нырнула под кровать.

Сорок минут я провела там, рядом с пыльным Светкиным чемоданом, сдерживая чиханье, пока мои подруги ублажали пришедшего со своим другом Макарова. Он обошел обе комнаты, заглянул в санузел, и зажигалкой подсветил радостные девичьи лица.

У Натки спросил конкретно:

– А куда твоя подружка делась? Вы же вместе были! – видимо, захотел, наконец, перейти к решительным действиям.

– Ушла, – заявила Наташка, – у нее, эта, ну, черепаха заболела!

– Почему ты придумала про черепаху? – Злилась я позже, – не могла сказать овчарка там какая-нибудь заболела, или кошка, на худой конец.

И получила ответ (что еще может ответить выпившая девушка):

– Ну, у тебя же на них аллергия!

Смех да и только.

Подругам, после ухода парней, мы объяснять ничего не стали, хотя их прямо-таки распирало от вопросов, чего это я под кроватью час просидела? И почему Макаров ищет Агеву?

Мы с Натальей быстро уехали.

А теперь вот я лежу дома в кровати, и сна – ни в одном глазу.

28 апреля 1984 г.

Не видела Евгения больше двух месяцев. Ничего не хотелось. Даже мама радовалась, что я по субботам дома сижу.

Наташка узнала, что Макаров на сборах в Москве. Или в Юрмале. Она хотела поддержать «тоску мою – тоскующую»,

но у нее самой случился ошеломительный роман с нашим преподавателем.

А я грустила и ждала.

Неделю назад, в понедельник, сразу после пасхи, мы дежурили в раздевалке. В какой-то момент я отправилась в буфет выпить сока и неожиданно столкнулась с Евгением.

– Привет, Мария, – произнес Женя, – Христос воскрес!

– Да, – пролепетала я.

– Неправильно отвечаешь, – улыбнулся он. Нежно притянул меня к себе, и при всех расцеловал в обе щеки. Три раза.

Народ так и обомлел. А он вытащил из большой спортивной сумки бутылку французского шампанского с неизвестными этикетками и вручил ее мне.

– Увидимся, – кивнул он моей остолбеневшей фигуре.

И опять пропал надолго.

1 сентября 1984 г.

Прошло лето...

Неделю назад мы приехали из Батуми: я, Наталья и ее обожаемый Лешик. Для меня он был и остался Алексеем Николаевичем – преподавателем кафедры физики нашего института, а для моей подруги он стал любимым и единственным. И скоро станет ее официальным мужем и отцом их ребенка. Они сразу, как только приехали, подали заявление в ЗАГС.

В принципе, занудой он не был, хотя и был старше нас

лет на шесть, кажется. С юмором относился к нашему совместному отдыху в одной светлой и, слава Богу, просторной комнате, разделенной яркой, пятнистой шторкой. Холлил нас и лелеял, стараясь не выделять Наталью: покупал мороженое и сладости, таскал тяжелые вещи и просто развлекал, как мог.

На мой взгляд, они друг другу совсем не подходили. Но этого нельзя было сказать ночью.

Я старалась по-долгу гулять в Батумской ривьере, но становилось темно, и мне приходилось возвращаться в наше жилье, снятое на восемнадцать дней за бешеные деньги в виду локального расположения, то есть у самого моря.

Слушая их тактичные (и не очень) охи и ахи, я думала о Евгении.

Последний раз, теперь уже, совсем последний раз, мы виделись в мае.

Деканат тогда предложил студентам, желающим помочь институту со сдачей нового корпуса. За это прощались все отработки. Учитывая наши с Наташкой спонтанные ходки с занятий в мир, более прекрасный и заманчивый, отработок у нас всегда было много. Поэтому мы и оказались в бригаде лодырей-тунеядцев, день за днем постигая премудрости штукатурно-малярного мастерства.

Однажды утром, когда я вышла на улицу подышать свежим воздухом, я увидела Женю.

Он подошел ко мне близко-близко, нежно поправил мне

выбившуюся из-под каски прядку, и запросто сказал:

– Машка, давай сегодня погуляем. Потому что...

Но тут его окрикнули ребята, и фразу он не закончил.

Спросил только:

– Ты до 17 часов здесь работаешь?

– Да, – улыбаясь от счастья, ответила я.

– Тогда в 17.15?

– Тогда в 17.15.

В это время нас сфотографировал институтский папарацци. Мы молодые, сияющие, стояли на фоне строящегося здания института. Не знаю, попало ли это фото в институтскую газету? Не видела.

А я тогда весь день летала на крыльях. Танцевала с ведром, рисовала кисточкой на стене узоры, напоминающие множество сердец, и без усталости всех смешила.

– Влюбилась, что ли? – переговаривались пятикурсницы, поглядывая на меня с усмешкой.

– Влюбилась, девочки! – соглашалась я, в который раз переходя с репертуара Аллы Пугачевой на Заздравную песню из Травиаты и арию мистера Икс. А так как Наташки в тот день не было, остановить меня, а позже – вправить мне мозги – было некому.

А вправлять было что! Потому что совсем неожиданно в 13.30 пришел бригадир и объявил, что на сегодня работа закончена. А завтра он ждет нас, как обычно, к 8 часам

утра.

Громогласное «Урррра!» пронеслось над стройкой. Все бросились переодеваться, а я заплакала, уткнувшись в свежесвыбеленную стену.

– Ну, почему? – взывала я к небу, – почему именно сегодня до 13.30?

Успокоившись, я переоделась и почему-то поехала домой. Ослица!

Хотя, вот сейчас, спустя три месяца, я понимаю, что ничего не случилось. Я могла съездить домой и приехать к 17.15 обратно. Или вообще не уезжать, а просидеть в соседнем сквере до нужного времени, или в кино сходить – кинотеатр тоже совсем рядом. Почему я уехала, я не могла себе тогда объяснить.

Ночью, вытирая слезы, сделала совсем уж дурацкие выводы: «Если девушка нужна и дорога, то и адрес можно узнать в деканате, и к дому ее подъехать объясниться и прочее, и прочее»! С тем и уснула.

Но все лето ждала и переживала! Напридумывала всего несусветного. И ждала!

«Понастроила сама – из надежд кружева...», – доносились из приемника слова почитаемой мной Аллы Борисовны.

И только сегодня на очередной сентябрьской линейке я узнала – Евгений Макаров оформил академический отпуск. Его пригласили в Москву в национальную теннисную сборную СССР. Мир ушел у меня из под ног!

Наверное, приглашая меня на свидание, он хотел сказать: «... потому что я уезжаю». Наверное, так оно и было!

Приходил ли он на свидание? Ждал ли? Жалел, что мы не встретились?

Мне теперь не узнать никогда!

22 ноября 1984 г.

Мы шумно и весело отпраздновали Наткину свадьбу с ее возрастным Лешиком. Хотя смотрелись они все же великолепно. Наташкин округлившийся животик скрывали кружева модного кружевного платья. Кроме того, она была в очаровательной шляпке.

Большинство невест у нас бракосочетались, надевая традиционный головной убор, – фату. Поэтому ее новый нарядный образ пришелся всем по душе. А милая загадочная улыбка, видимо, от предчувствия близкого материнства, сделали из моей подруги-стервочки, вечной насмешницы над нашими знакомыми парнями, светскую даму.

Хотелось ли мне быть на Наткином месте? Да, конечно. Но только с одним-единственным человеком. Хотя он уже, наверное, и думать обо мне забыл. Никого рядом с собой не представляю на такой церемонии. Только его, Евгения!

А моя упрямая подруга, глубокой ночью, уезжая с собственной свадьбы на украшенном живыми цветами, автомобиле «Волга», бесцеремонно вручила мне букет невесты. Вот так вот! Не было никаких традиционных бросков, было

просто торжественное вручение. Это моя Наташа! Люблю ее!

10 мая 1987 г. (прошло 2,5 года)

Празднование 9 мая в этом году получилось замечательным. Я давно (со своим постоянным меланхоличным настроением) так не веселилась. Понравилось все: и парад, и шашлыки, ожидаемые всю длинную холодную зиму, и красивый вечерний салют.

Паршивое настроение началось сразу после Нового года. Мое, так долго не гаснувшее «ожидание счастья», как-то неожиданно «погасло» и сменилось на «реальную безнадежность». Даже и не знаю точно, когда это произошло!

Я так долго ждала, что Евгений Макаров вернется и снова появится в моей жизни, что, наверное, просто устала ждать!

Как, впрочем, устал ждать и мой давний поклонник – Анатолий Сергеев. Я все чаще и чаще видела его пока еще милые ухаживания за моими однокурсницами. Но, спустя пару-тройку недель, он неизменно возвращался ко мне: снова начинал вздыхать у меня «над ухом», бросать в мою сторону многозначительные взгляды и провозжать домой с наших импровизированных «посиделок».

Последнее проявление его безграничной любви ко мне состоялось возле моего подъезда, куда он вызвал меня для

разговора. Дело было 23 февраля, в мужской праздник. Толик стоял в легкой куртке, без шапки, с букетом замерзших гвоздик за пазухой. Если честно, я не даже не сразу поняла, о чем он начал говорить? Оказалось, что делал предложение! Меня рассмешила сама дата – 23 февраля.

– Ты что, ненормальный? – почему-то спросила я, поднося гвоздики к лицу. – Сегодня же не 8 марта!

Он быстро ушел. А я долго стояла с этими хрупкими от мороза цветами размышляя над его последними словами:

– Знаешь, Мария, – сказал он, – обязательно наступит день, когда ты меня поймешь. Когда ты будешь чувствовать то же, что я чувствую сейчас!

Наступит? Да, он практически не прекращается, этот день – третий год я жду любимого человека!

Или мы все-таки имеем в виду нечто разное? И бывает еще хуже? Тогда, насколько сильнее может быть душевная боль?

Я часто в мыслях признавалась Евгению в любви. Но, возможно, это совсем не любовь, а что-то совсем другое?

И как это: любить больше жизни? Чем такая любовь отличается от моих душевных переживаний? Или, может быть, я еще не знаю, что значит – любить? Просто не знаю. Не пришел мой срок.

Недавно я стала замечать у Натальи совсем другие волнения, совсем другие чувства, которых до последнего времени у нее не было.

Если раньше, на первом-втором курсе, она вдруг неожиданно тормозила меня (во время своей очередной влюбленности) и чувственно выдыхала: «Понимаешь, Манька, я так его хочу!», то теперь, моя любимая подруга, глядя рубашки своего мужа, иногда ненадолго замолкала, а потом тихо произносила: «Маш, чего-то Алексея давно нет! Не случилось ли чего?»

Так что есть любовь? И где этот дурацкий Евгений Макаров?

11 мая 1987 г.

Вчера не закончила писать. Разнюнилась (смешное слово). Я часто теперь перехожу на уменьшительно-ласкательные и всякие придуманные детские словечки. Это из-за постоянного общения с Наташкиной Аленкой.

Короче, на парад мы ходили с Наткой, ее драгоценным Лешиком и нашей общей дочкой (нашей, потому, что я ее крестная). Аленка сидела в новой импортной коляске, изредка помахивала флажком и постоянно всем улыбалась. Она, вообще, очень улыбчивая девочка.

Академический отпуск Наталья брать не стала. Я настояла. И всеми силами помогала ей с ребенком, так что мы, слава Богу, с подругой не расставались, а сейчас вышли на последний рубеж – впереди, призывно, изо всех сил помахивая нам дипломами, приближались выпускные экзамены.

После торжественного возложения цветов к общегород-

скому военному захоронению мы отвезли Алену к родителям Лешика, и пустились «во все тяжкие» – нужно было расслабиться перед зачетной неделей.

Народу на Анькиной даче собралось человек двадцать. Мы жарили шашлыки, пили, пели, танцевали. Ребята смастерили «летучего змея», назвали его в честь декана Сан Санычем, и торжественно, под всеобщее ликование, запустили в небо. Потом еще, с притворно-грустными физиономиями пели о нем песню-посвящение «Больше не встречу – такого друга не встречу...». И, как безумные, хохотали!

Мы с девочками насплетничались, примеряли по очереди бриллианты, которые достались нашей Светке по наследству от бабушки, а так же – парик, принадлежащий Аниной маме.

И все единогласно решили, что и парик, и «брюлики» идут больше всего мне.

– И, вообще, – разошлась моя любимая подруга, – я никак не пойму, что ты среди нас до сих пор делаешь? В Москве вон – конкурсы красоты всюю проходят!

Сказала, и пожалела. Потому что при слове «Москва» взор мой весьма затуманился.

Чтобы не объясняться с ней, я сбежала к ребятам, и уже через пятнадцать минут целовалась с каким-то Сашкой, хоть и видела его в первый раз в нашей компании. А еще через полчаса потащила Толика прогуляться. Мы с ним после 23 февраля, когда он делал мне предложение, почти не раз-

говаривали.

Хорошо погуляли, кстати. По-доброму. Он признался, что совсем на меня не сердится и продолжает ждать. С ним я тоже поцеловалась (с ума сойти).

А потом почему-то вдруг ответила ему: «А что, очень может быть...», и только ночью, приехав домой после праздничного салюта, поняла одну ужасную вещь – действительно, «все очень может быть», но я категорически не хочу детей, носящих его фамилию и его отчество!

У меня в глазах неожиданно возникла маленькая, смеющаяся, ласковая девочка, похожая на меня. Или мальчик. С длинной челкой и сильными кулачками. Но фамилия у них была совсем другая!

Так, может быть, основной женский критерий для вступления в брак – это фамилия будущих детей?

2 июня 1987 г.

Утром, перед консультацией, чтобы новость для меня не была полной неожиданностью, позвонила Наташа. Спросила что-то по конспектам лекций и расписанию экзаменов, а потом выпалила:

– Макаров вернулся.

Мое сердце взметнулось ввысь. Но, не успев задать ни одного вопроса, я услышала ее следующую фразу:

– Говорят, у него в августе свадьба.

Я не помню, что было дальше! Дышала я или нет? Села

ли? Легла ли? Может, упала?

...Раздавались звонки телефона. Кто-то постучал в дверь. Потом все стихло.

Я помню, что тщательно собиралась в институт: перелистывала и раскладывала какие-то тетрадки, сортировала учебники. Затем вынула их из дипломата и сложила зачем-то в ярко-красную сумку с золотыми сердечками, совсем неуместную для института. Долго выбирала платье. В результате, надев джинсы и белую блузку, поехала на консультацию, вернее, на ее второй час.

Шел перерыв. На часах, что над лекционным залом, светились цифры 11:47. Я смотрела на их зеленые отблески и упорно шла вперед. Главное – дойти и сесть, не обращая ни на кого внимания.

– Мария, – раздался давно забытый голос. – А ты еще красивее стала!

Как в тумане, я медленно прошла мимо группы парней.

После консультации Наталья увела меня к себе. Нарочно, конечно. Чтобы немного отвлечь. Я общалась с ее Алексеем, играла с Аленкой, лепила пельмени, но мысли мои были очень далеко.

В пол-одиннадцатого вечера позвонила мама и предложила меня встретить. Я, нисколько не смущаясь, наврала ей, что Алексей меня проводит. Он и вправду порывался меня проводить, но Натка сделала ему предупредительный знак.

*Вышла на улицу. Первое июньское тепло... Звездное ма-
нящее небо... Но ничто, даже вкусный, давно желанный,
летний, запах, не вызывал никаких эмоций. Я, наконец,
оставишись одна, шла по улице и с упоением редела.*

*Ну, почему со мной всегда так? Что за Царевна-лягуш-
ка из меня получилась? Девчонки, не стесняясь, бегают за
парнями, и буквально женят их на себе всеми известными и
неизвестными способами: приезжают к ним в другие города,
ложатся с ними в постель, сами делают предложения руки
и сердца. Шантажируют, наконец. И добиваются своего! Я
же все жду...*

*Мимо прошла веселая компания. Они подозрительно по-
смотрели в мою сторону, но, слава Богу, промолчали.*

*На остановке пожилая женщина прижимала к груди
небольшую сумочку и маленького спящего щенка. Увидев ме-
ня, грустно покачала головой мне вслед. А я шла и продол-
жала плакать!*

*...Макаров стоял возле моего дома. Это было так при-
вычно, как будто он всегда тут стоял, как будто он всегда
знал мой адрес. Как будто, он был в курсе, что я вот-вот
подойду.*

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я, вытирая слезы.

*Мы сели возле моего подъезда на срубленное дерево. Я
продолжала плакать, а он меня целовал, будто ловил губа-
ми мои слезы. Потом стал осторожно обнимать, выбросив*

из левой руки сломанную ментоловую сигарету. Его ладонь так вкусно пахла, когда он касался моего лица.

– Машка, девочка моя, неужели ты меня ждала?

Впервые я не постеснялась ответить:

– Ждала.

Евгений оторвался от меня, обхватил свою голову руками и произнес:

– Я тоже не смог тебя забыть. Но, если бы я знал, что это взаимно... Черт, если бы я знал! Как увидел тебя сегодня, сердце остановилось! Такой ты мне приснилась однажды.

– У тебя скоро свадьба? – безнадежным голосом спросила я.

Он ответил то, что я хотела услышать:

– Одно твое слово, и никакой свадьбы не будет!

– Нет! – решительно ответила я и, не оглядываясь, бросилась в подъезд.

– Нет! – повторила я через десять минут по телефону.

– Нет, так и передай! – сказала на следующий день Женному другу Антону, протянувшему мне цветы.

Мама принесла мне чистую пижаму, стакан теплого молока и, вздохнув, вышла из комнаты. А что тут скажешь? На нет, как говорится, и суда нет!

4 июня 1987 г.

– Толик, ты все еще хочешь, чтобы я была твоей женой?

– *Очень!*

– *Я согласна! Вместо Агеевой – стану Сергеевой!*

Юбилей Евгения (15 июля 2014г.)

Да, странно продолжался день моего пятидесятилетия.

Впервые за десять лет без Машкиного поздравления.

Я возвращался домой из офиса на очередном такси. В голове не переставал звучать ее голос! Отныне я прощался со своим, как мне казалось, вечным ощущением безграничного счастья.

Отвечая на непрекращающиеся поздравительные звонки, я пытался шутить с водителем, обсуждая проходящих женщин. Потом долго поднимался пешком по лестнице на одиннадцатый этаж. И вовсе не потому, что не работал лифт. Нужно было выглядеть хоть немного необычно, как-то взволнованно, что-ли, заходя домой. Иначе Ирина догадается, что со мной что-то не то.

Хотя она, наверняка, уже все поняла! Не просто же люди начинают пить в девять часов утра коньяк, а после сматываются на такси в неизвестном направлении.

Ей, как всегда, кажется, что она все поняла!

Все, да не все! Скорее всего, Ирка просто подумала, что у меня – очередная интрижка.

Знала бы она, что у меня тот, десятилетней давности роман, в самом разгаре!

Виноват я перед ней очень. Всю свою жизнь, вернее, всю

нашу совместную жизнь, а это уже почти тридцать лет, она сражалась с моими феерическими внесемейными связями. Но настоящей и единственной угрозой ее счастью была только одна женщина. Только Мария.

Хотя сейчас у меня есть Виктория. Потому что она очень напоминает мне Машу своей необычностью. Может быть, поэтому я с ней? Она художница. Рисует мои портреты в каком-то, придуманном ею стиле. Потом подолгу сидит на подоконнике, и это тоже напоминает Машку. Вика много курит и почти никогда ни о чем не спрашивает. И, так же, как когда-то моя смешная Росомаха, хочет спасти мир. Мне это тоже нравится.

Обычно, когда я отдыхаю после наших интимных отношений, Виктория рисует, а я подолгу смотрю на нее. Пью кофе или вино. И всегда вспоминаю свою далекую, канувшую в вечность, любимую.

Да, пожалуй, все чаще и чаще. Иногда боюсь, что назову Вику другим именем. С женой у меня подобного страха никогда не возникало, мне никогда не назвать ее Машкой, а с Викой я постоянно настороже. Очень много в них общего. Только моя нынешняя пассия – это прекрасный манящий холод, с которым, в принципе, легко расстаться, а Мария – любимая теплая, душевно теплая девочка. И расстаться с ней, даже в мыслях, до сих пор невозможно!

Хотя Виктория – очень чувствительная натура. И, возможно, она даже догадывается, что напоминает мне кого-то.

Но упрямо складывает мои портреты на верхней полке в одну большую стопку, и легко провожает меня к выходу.

Сегодня она тоже позвонила мне:

– Привет, именинник! Ты как?

– Привет! Отлично, – ответил я.

– Мы увидимся во вторник? – громко выдыхая в трубку сигаретный дым, спросила Вика.

– Конечно!

– Мне хотелось бы. – За этими словами последовали гудки.

Такая вот у нас любовь! Вике просто «хотелось бы» со мной увидеться?

Никаких тебе *«Женечка, ты – лучший!»*, *«Ты – мое чудо!»*, *«Ты – Гений!»*, *«Люблю, люблю, люблю тебя»*...

...Была сразу после ухода Марии у меня еще одна девушка. Мне просто необходимо было заполнить образовавшуюся пустоту.

Это случилось тогда, когда Ирина успокоилась, что я ее не бросаю, не ухожу в счастливую страну с названием Сергеева-Агеева Маша, а остаюсь в семье. Спустя некоторое время после двух наших совместных с Ирккой отпусков и, по крайней мере, ежемесячных, культурно-массовых походов в рестораны, кино и на выставки. Она, видимо, от меня слегка устала и ослабила свою железную хватку. А, поскольку, секс у нас (даже в такие периоды жесткой оккупации меня)

все равно случался крайне редко, я с чистой совестью снова ушел налево. А, может, это были поиски Марии?

Ту девушку звали Анастасия.

Она была немного моложе меня, вся такая упругая и заводная. Я подобрал ее после неудачного романа с женатым мужчиной, обогрел, ласково называл Пульхерией, потихоньку приучил к удобному мне графику и почти год, а точнее одиннадцать месяцев, проводил с ней свои некоторые командировочные дни. Она, в принципе, была неглупой и милой.

Чтобы прервать этот романчик, не потребовалась даже жена. Я это, без сожаления, сделал сам. Дело в том, что, потерпев фиаско со своим первым женатым кавалером, в случае со мной, Настя решила, видимо, на этот раз свой проект довести до победного конца.

Уж не знаю, в каком таком бреду я признался ей в любви, но она в это свято верила. Желала родить мне сына и создать со мной ячейку общества.

Как только ее напор стал мне надоедать, я интеллигентно, но внятно и четко заявил ей о нашем разрыве. Разговор был тяжелым, закончился, как полагается, в голливудском стиле – с разбитой посудой и неприятными оскорблениями в мой адрес.

Слушая разбушевавшуюся теперь уже бывшую любовницу, я опять вспомнил Машку и наше расставание. Тогда у нее текли слезы, дрожали руки... «Найди покой в своей семье», – как заклинание, повторяла она. Да, что там – у нее!

Слезы комом стояли в моем собственном горле. И я упорно молчал, чтобы они не вырвались наружу.

Снова я – о Маше... Снова, и снова, и снова...

Все эти годы Ирина наслаждалась своей победой, я периодически отвлекался на стороне, а Марии не стало. Как она умерла? Я так до сих пор и не знаю. Она исчезла. Растворилась. Ее подруга придумала острый лейкоз, кто-то тихо поговаривал про суицид, но подробности никому не известны. Даже дата ее смерти.

Я часто представлял себе темный мраморный памятник со знакомой мне фотографией и датами жизни 29.01.1965 – XX.XX.2004.

...Жарко. Я дотащился до одиннадцатого этажа, весь разгоряченный, как и требовалось, чтобы моим родным было понятно, что именно отсутствие лифта довело пятидесятилетнего именинника до такого состояния, а вовсе не гнетущие его душу мысли!

– Ты вечный бабник, откуда у тебя только силы берутся? – частенько говорит мне мой друг Антон, хотя подробности своих романов я ему никогда не рассказывал. Или рассказывал? В любом случае, он, наверное, завидовал. Ведь всем известно, что «хороший левак укрепляет брак», но не каждый на это решается.

По коридору внук с трудом волочил огромную машину,

которую мы ему недавно купили. В ее кузове победоносно и совершенно спокойно сидела всеобщая любимица – пушистая кошка неизвестной породы. Звали мы ее Аськой, и вечно спорили, кого она больше всех любит? Увидев меня, Аська грациозно соскочила с детского автомобиля и стала тереться о мои ноги. Вот вам и ответ – кто в доме хозяин?

Ира из кухни не вышла. Оттуда раздавался громкий смех ее приятельницы Ольги. Видимо, делает жене маникюр, попутно обсуждая последние новости. Вот кто сплетни в мой дом приносит, – подумал я и заходить к ним не стал. Пусть сплетничают.

Зять вместе дочкой «висели» в моем компьютере, и увидев меня, быстро вытащили из USB порта золотистую флэшку с длинной цепочкой, которая неожиданно зацепилась за мой ежедневник, и Катя, смущенно нервничая, тщетно пыталась ее отсоединить. Наверное, они подарком своим любовались: что-нибудь типа коллажа для меня под грустную музыку ушедших годов.

Я снисходительно улыбнулся, поцеловал Катюшку в висок и завалился на кровать.

Мои ушедшие года закружились вокруг меня в своем беспощадном танце, как новогодние снежинки. От кондиционера веяло январским холодом, а я вдруг смертельно захотел спать, успев невразумительно промычать дочке: «Президент выступать будет, разбудите...»

– Какой президент, папочка? – прошептала дочка, укры-

вая меня. – У тебя всего два часа на сон. Скоро гости на твой юбилей начнут собираться. Автобус заказан на 16.30.

Из письма Марии (5 января 2005 г.)

Милый, бесконечно родной мой человек. С Новым годом тебя! С Новым счастьем!

Если бы ты знал, как я по тебе скучаю: по твоим лукавым глазам и манящим губам, по твоим ласковым рукам и чудесным шуточкам в мой адрес.

Произнеси вслух: «Росомаха! Моя любимая девочка, как сильно я тебя люблю! Как сильно я тебя хочу!»

Вот. Уже можно дышать. Ведь с нами осталось самое главное – постоянное ощущение любви. Мы это проверили: наше чувство – глубоко взаимно! Поэтому – вместе мы или нет – теперь абсолютно неважно.

Можно жить дальше: смеяться, слушать музыку, ловить на улице ртом снежинки, и, наконец, научиться кататься на велосипеде!

Для всего этого нужна всего лишь одна уверенность – то, что тебя любят!

Был очень тяжелый год, правда? В какие-то моменты хотелось все бросить и бежать-бежать-бежать. Во мглу и туман, в грозу и темноту, в космическую невесомость, чтобы исчезли звуки, чтобы по венам перестала бежать кровь, чтобы сердце билось тихо-тихо, на цыпочках...

Но наша любовь нас спасла. Уберегла. Я спокойна. Я уве-

рена в тебе. Я чувствую твою любовь! Спасибо тебе за нее. Спасибо, мой единственный и самый лучший человек во всей Вселенной.

В следующий раз обязательно придумаю что-нибудь про себя. Как живу, чем занимаюсь... Тебе будет интересно узнать, как у меня дела? Ведь так?

Счастливого Нового года. Без меня. Со мной.

Твоя Маха.

Юбилей Евгения (15 июля 2014г.)

И все-таки, хорошо, что мы придумали отмечать мой день рождения в ресторане!

Он даже назывался символически – «День рождения буржуя». В очень аристократических тонах, его помещение и вправду напоминало что-то буржуазное, из прошлого века. А кличка «буржуй» в кулуарных разговорах была мне на этот вечер обеспечена.

Я стоял в центре зала, бросая взгляды на белый рояль и благородное убранство зала, и встречал близких, ну, или почти близких людей, которые, в ожидании доступа к моему телу, подходили поочередно. Подарки складывали на специально отведенный для этого стол с шикарной столешницей, а конверты, моя предусмотрительная супруга, прятала себе в клатч, который становился все толще и толще.

Приехала мама, и я торжественно отвел ее на почетное место, чтобы ей было все хорошо видно. Рядом с нашими ме-

стами. Присел рядом, положил свою голову на ее руки, зная, что она сразу начнет меня гладить. И было совсем не стыдно чувствовать себя нашкодившим ребенком, прячущим лицо в маминых руках. Пусть все смотрят и завидуют. Мама – одно из моих драгоценных сокровищ, которые подарила мне судьба.

– Милый мой. Родной мой. Мое счастье. – шептала она. И становилось тепло, и в носу щекотало, и хотелось даже пустить скупую мужскую слезу. Только Машка могла так же искренне, без тени смущения, говорить со мной. Мама, Маша... И дочка Катюшка. Давно, в глубоком детстве.

– Сын, – мама внимательно посмотрела на меня. – Ты почему-то сегодня грустный? Вроде бы, шутишь и улыбаешься, как обычно, а душа твоя не на месте. Я же чувствую.

– Все нормально, мамочка. Устал. Наверное, пора в отпуск.

Ну, не рассказывать же ей, что меня не поздравила любимая женщина, которая умерла десять лет назад.

Хотя мама с Марией были знакомы лично.

В самый разгар нашего романа, нет романом это не называлось, в самый разгар охватившего нас чувства, спустя двенадцать лет после нашей юношеской несостоявшейся любви, будучи уже глубоко женатым, я их познакомил. Ну, не мог не познакомить!

Мы вместе пробыли у мамы на даче до самого вечера, что-то копали, сажали, потом пекли картошку и долго разгова-

ривали.

Перед нашим отъездом мама отозвала меня в сторону:

– Ты знаешь, Женечка, что я категорически не принимаю такие отношения! Но я понимаю тебя, что пройти мимо такой женщины невозможно. Какое доброе у нее сердце, какая чувствительная у нее душа, и, самое главное, – как она на тебя смотрит! А ты – на нее! Я весь день любовалась вами. Так что, пусть Бог рассудит.

Бог рассудил. По-своему. И мы больше не улыбаемся друг другу. Вот уже десять с половиной лет...

Я остановил официанта, предлагавшего гостям шампанское, которое он деликатно разносил на витиеватом подносе, и выпил сразу два бокала, за себя и за Маню. Улыбнулся себе и сразу поймал удивленные взгляды: на меня смотрели жена и мама.

Впрочем, снова начали заходить гости, и я, радостно раскинув руки, бросился встречать прибывшую большую компанию – это были мои коллеги. Тех, которые были выше рангом или наравне со мной, я приглашал с женами или мужьями, если таковые имелись, а подчиненным объявил о банкете в свою честь накануне во время планерки, не акцентируя внимания на их семейном положении.

Собственно, так мне и вручали подарки: от семейных пар по-отдельности, а от подчиненных – один общий. Последние меня удивили особенно. Двое из парней внесли в зал огромного размера картину в дорогой деревянной раме. Поверну-

ли его к свету, и все присутствующие зааплодировали – это был мастерски нарисованный портрет меня молодого с ракеткой на корте в белой майке с надписью СССР. Помню, была у меня в кабинете такая фотография. И, вправду, хороший ракурс и счастливая улыбка победителя.

– Придется освободить для подарка целую стену, – улыбнулся я.

Организатор торжества пригласил нас всех за удобно расставленные столики. Изысканность и оригинальность оформления закусок, расставленных на них, изумляла и манила. Думаю, что даже самым изощренным привередам захотелось их отведать.

Полчаса до первой стопки, как всегда, оказались суетными – рассаживались согласно заранее напечатанным в типографии карточкам, выбирали блюда и спиртное, делали индивидуальные заказы.

Ну, а дальше все потекло слаженно и весело.

Организатора просто тамадой назвать было сложно. Он остроумно, но деликатно предоставлял слово во славу именинника, то есть, меня, очередному гостю, и, хоть и не приставал с конкурсами, но все равно как-то профессионально вызывал на разговоры и воспоминания по группам и столикам, что можно было условно назвать соревнованиями.

Очень теплые слова сказала мама, и в конце выступления, конечно, же расплакалась.

Поразила Ирка – чуть ли ни в ноги поклонилась мне с бла-

годарностью за счастливую жизнь в течение почти тридцати лет. Вспомнился фильм, где главный герой, недопонимая происходящее, спрашивает у собеседника: «Издевается, что ли?»... Эта же мысль мелькнула и у меня, но я поблагодарил жену, поцеловал, и два моих старых друга успели крикнуть. «Горько».

Вообще, дни рождения, я считаю, отмечать нужно: слушать про себя хорошие слова и повышать самооценку, если она понижена. А, если не понижена, то просто наслаждаться!

Как-то потихоньку, с медленных танцев (хороший, кстати, прием) мои гости начали осваивать танцпол. Я был нарасхват: подряд два вальса, танго, а после – нечто вроде гопака под современные поп-мотивы. Гопак, кстати, мне удался лучше всего.

Наблюдая за присутствующими, все ли довольны, никто ли не сбежал, я заметил, что дочка чуть не плачет. Топчется вместе со своим мужем возле музыкальной техники, и виновато поглядывает в мою сторону. Я подошел к ним.

– Папочка, твой подарок не открывается. Он на флэшке записан, – заскулила дочь.

Я успокоил Катерину и позвал своего технического бога Кирилла из IT-отдела, который уже через пару минут загрузил видео в компьютер. На экране возникло название «Давайте, друзья, потолкуем о папе...».

Фильм был сделан, действительно, умело и оригинально: мои многочисленные фотографии под хорошо подобранную

музыку или песню сменялись реальными роликами, затем снова следовали фотографии или коллажи. Все это плавно переходило из одного в другое, наплывало друг на друга или возникало из середины предыдущего сюжета. Чудеса компьютерной техники! Несомненно, моей молодежи помогали профессионалы.

Что удивительно (уж, не знаю, кто это придумал): фильм начинался не с моих детских фотографий, через подростковые и студенческие, к современным. А, наоборот! То есть с моих нынешних лет: я на работе, дома, на даче, на отдыхе – с каждым кадром все моложе и моложе. Вот прошла наша с Ириной свадьба, вот мы с ней же – в Париже возле Эйфелевой башни. Потом целый блок моментов из моей спортивной жизни, дальше – много черно-белых институтских снимков и несколько роликов: я веселый – с друзьями и с пивом; грустный – на занятиях; задумчивый – в институтском дворе, там, где была курилка; в колхозе в обнимку с председателем; еще не знаю где – сразу с пятью девушками.

Катя, видимо, основательно распотрошила семейные альбомы: и дома, и у бабушки. Я уже начал размышлять о детских фотографиях, которые должны были, по идее, сменить институтские и школьные. Интересно, до какой степени незрелости решила выставить меня моя дочь? И есть ли в этом кинофильме моя самая первая фотка, ну, та, совсем самая первая, где я снят голышом?

Как вдруг меня ударило током: на экране появилась еще

одна фотография студенческих лет: я и Маша на фоне строящегося здания. Я совсем забыл про этот снимок! Нас тогда Васька-спецкор для институтской газеты щелкнул. Машуня в строительной каске, смотрит на меня снизу-вверх и улыбается, а моя рука тянется к ней поправить прядку волос. Без комментариев, как говорится!

Никто из окружающих и не заметил бы моего замешательства, если бы не завис компьютер. А он завис! Висит и висит, будто кто-то специально на этом месте его остановил: мол, смотри, Евгений Александрович, на свою любимую. Хотел поздравления? Вот и получай!

Кирилл пытался исправить ситуацию, присутствующие обменивались мнениями, хвалили дочку, а я сидел, как каменный и не отводил от Марии глаз, даже на Ирину не оборачивался: узнала она ее или нет?

И, когда фильм уже продолжился, раздался чей-то голос: – Ирина Васильевна, а это Вы? Такая молоденькая!
– Нет, – резко ответила жена. Но из зала не вышла.

Потому что вышел я.

В холле, изо всех сил сжав кулаки, стукнул ими по глухой стене возле гардеробной комнаты, и слава Богу, что никого в тот момент не было, потому что с потолка посыпалась штукатурка.

Выдохнул. И заставил себя вернуться.

Гости досматривали фильм, закончившийся, кстати, фотографией моих родителей. Все заплодировали и стали пить

за мою талантливую дочь и нашу крепкую семью.

Расходились поздно: после долгих веселых танцев, с непременно Ламбадой в финале, и красивого именинного торта с малюсенькими свечками. Думаю, что абсолютно все присутствующие догадывались, сколько их там было, поэтому задуть их мне удалось только со второго раза.

Держался я изо всех сил: шутил, улыбался и без конца благодарил. По-моему, все остались довольны. Все. Кроме мамы, которая уехала все же расстроенная. И нас с женой, не общавшихся после просмотра посвященного мне фильма.

В зале замелькали официанты.

Ира распорядилась, какие продукты сложить в контейнеры, какие оставить. А я вел расчеты с администратором. У меня не хватило наличных денег, и я попросил у жены ее сумочку-клатч, в которую мы складывали подарочные конверты с деньгами.

Подобных сумочек у нее было, наверное, не меньше дюжины, более новых и дорогих.

Этой же, наверное, лет десять, и носила Ира ее всего несколько раз, потому что она была просто ослепительно белого цвета.

– Возьму все же ее, – сказала жена перед рестораном, отложив бежевую миланскую сумку. – Она хоть и старая, но идеально по стилю сочетается с новыми туфлями. – И она покрутила в воздухе туфелькой.

– Какая разница, – ответил тогда я.

А сейчас, в ресторане, в этой самой сумке, в среднем отделении среди красивых конвертов, увидел обычный почтовый конверт, не очень праздничный, и не очень новый. «Интересно, кто положил деньги в старый конверт?» – успел подумать я и открыл его.

Там лежал листочек бумаги с рукописным текстом и маленькая Машина карточка с выколотыми глазами...

Держа фотографию на ладони, я подошел к жене, и, как во сне, произнес:

– Это ты убила Марию?

Из письма Марии (17 декабря 2005 год)

Привет, любимый!

Нет! Мне не выразить моих чувств! Хотя лучшие слова «любимый» в нашем языке вряд ли найдешь! Но это так ничтожно мало, если речь о моей любви к тебе!

Поэтому просто добавлю местоимение. «Привет, МОЙ любимый!»

Ровно два года, как мы с тобой не виделись... Видишь, я исправилась: пишу не «ровно два года, как мы расстались», а просто, что мы «не виделись»... Потому что мы так и не расстались!

Я знаю, что ты, просыпаясь ночами, вспоминаешь о нас.

По утрам в будни, тебе, конечно, не до меня. Но все воскресные пробуждения, я уверена, мои. Так же, как и твои

бессонницы. Только пусть их будет у тебя совсем немного.

Спасибо тебе за это, родной. Мне так важно знать и чувствовать, что ты меня не забыл!

Я слышу твой голос. Ты говоришь мне: «Привет, моя маленькая!»

И мы снова вместе. Каждой клеточкой нашего общего, единого сознания.

Но ты живешь в реальном мире. И мне есть к тебе просьба.

Речь о твоей жене. Будь с ней, пожалуйста, по-ласковой, по-внимательней. Она всегда дорожила тобой, она многое прощала тебе. Даже нашу любовь!

Я не могу даже на минуту представить, что, если бы ты любил другую женщину, а не меня!

А Ирина справилась. Ведь тяжелее пришлось не мне, всегда знающей, кому принадлежит твое сердце. Думаю, сложнее было ей, понимающей, почему ты остался в семье!

Очень прошу тебя: попробуй наладить отношения с женой. У вас все непременно должно получиться. Постройте свою жизнь на доверии и искреннем уважении. Это может быть достойной заменой любви. Тем более, что Катюшка в ней нуждается – она оказалась такой ранимой! А я буду оберегать вас.

Не распыляйся, потому что такую, как я, ты все равно не встретишь! И вовсе не потому, что я какая-то особенная, просто именно такое сердце, как мое, ты и можешь,

по-настоящему любить. А я, по-настоящему, только твое!

Пожалуй, сегодня я открою тебе великую тайну.

Наше расставание, ты, конечно, не забыл – тот последний день, когда мы были вместе. Ты до сих пор ясно помнишь и те события, которые предшествовали этому.

А вот настоящую причину озвучила моя подруга Наталья позже. И совершенно для меня неожиданную.

Это было после нашего последнего с тобой разговора.

Я не ела потом трое суток. Не могла. В горле, казалось, навсегда застрял какой-то нервный ком. Мама плакала, стоя передо мной на коленях и держа в руках сваренное всмятку куриное яйцо и маленькую детскую ложечку. Натка пугала, что отвезет меня в психушку, где будут кормления через зонд. Даже Толик, простив мое предательство, приносил дефицитные продукты и, молча положив их на стол в кухне, уходил. А ему ведь самому нужно было находиться в больнице!

На четвертые сутки я начала пить воду. И только потом – разговаривать.

Как-то вечером мы с Наташей стояли на балконе, накинув старые куртки Анатолия, и курили.

– Говорят, любовь живет три года, – зачем-то сказала я.

Подруга заспорила:

– Ерунда все это. Но ты, Машка, видимо, подсознательно себе это вбила в голову. Вашему активному, так сказать,

роману с Женькой почти четыре года. И ты решила уйти на пике, на взлете, черт тебя побери. Так, чтоб с мясом и с кровью. Чтобы, не разлюбил! Чтобы не надоела!

– Во первых, это не роман, – перебила я, – это Любовь. А, во-вторых, его слово было решающим.

– Да, не ври! Если бы ты настояла, если бы условия поставила, Женька поступил бы по-другому. Он категорически не хотел расставаться! Но тебе нужно было остаться в его памяти любимой им, обожаемой, а не надоевшей!

Она была права. Я просто боялась себе в этом признаться. Я боялась, что ты меня разлюбишь! Это страшнее, чем остаться без ног, страшнее тюрьмы, страшнее позора. Я бы все смогла пережить, только не твою нелюбовь ко мне!

Сложилось все, конечно, ни так, как мы мечтали. Но зато теперь мы точно знаем, что наши чувства вечны.

Нам повезло, что мы испытали это. Сколько любви было в каждом твоём слове, в каждом моём взгляде, в каждом нашем дыхании, в каждом нашем объятии. Это великое счастье!

С наступающим Новым годом, мой снежный Барс! Целую тебя.

Люблю. Люблю. Люблю.

Твоя Росомаха

Воспоминания Евгения. Москва (1984 – 1987 гг.)

В столицу я приехал, окрыленный великими надеждами.

В голове к месту, и не очень, крутилась одна и та же крылатая фраза Осипа Мандельштама: «... И Дар Богов – великолепный теннис!» Как она запала мне в душу, я уже не помню. Скорее всего, кто-то из девчат читал эти строки на моих проводах в Москву в начале июля по окончании сессии, после которой я оформил академический отпуск.

Гулянка, была, кстати, продолжительная и душевная. Начинали на речке: шашлычок, волейбол, катамараны, пиво. А продолжили на даче у Антона – там уже было, что покрепче. И я наслушался столько хороших тостов, что почему-то засмутился и сбежал в город, хотя народ, оставшийся ночевать, долго потом искал меня по соседним дачным участкам.

Заканчивался целый жизненный этап. Начинался новый, и мне почему-то не хотелось брать туда свою подружку Леночку. Хотя, я понимал, что это было совсем некрасиво, и нужно объясниться. Возможно, от нее я и убежал домой, к маме, как это ни странно.

С ней мы попили чай с печеными пирожками, поболтали на разные темы, стараясь особенно не касаться моего отъезда: как она будет здесь, а я там? Потом я молча смотрел на ее родное лицо, и сильные руки, которые с любовью гладили мои вещи, складывая их возле раскрытого чемодана. Рядом скучала шикарная спортивная сумка и две очень дорогие, по великому благу купленные ракетки – моя великая гордость.

В половине двенадцатого я вдруг сорвался из дома, поймал такси и назвал водителю адрес. Я давно узнал его в де-

канате – это был адрес красивой девушки Маши. Наверное, целый год собирался, но ни разу так и не съездил. Последнее время у меня была Леночка, до Леночки – Вероника, ну, и так далее – в обратном порядке. Барышни, красивые и умные, вешались на меня сами, практически предлагая себя. Это ни я, это они, научили меня любить, ну, или, точнее, влюбляться в них.

Только Мария была другая! Жаль, что она тогда не пришла на свидание. Или, наоборот, хорошо, что не пришла, и у меня не было повода разочароваться.

Я сидел возле ее дома на поваленном дереве, и смотрел на Машины окна. Дом был четырехэтажный, всего с двумя подъездами, поэтому вычислить их было несложно. Тем более, на подоконнике открытого окна, угадывался силуэт девушки. И еле слышно раздавались последние минуты рок-оперы «Юнона и Авось»: «Аллилуйя Любви»...

Стрельнул у запоздалого прохожего сигарету, слегка закашлялся и вдруг понял, что очень хочу, чтобы мое сердце было заполнено одним огромным и всепоглощающим чувством на всю мою жизнь.

– Я вернусь, Машка, – тихо сказал я себе и поехал домой.

Первые полгода я, конечно, ничего и никого не замечая, вкалывал на тренировках до изнеможения. Бывало, что играл по четыре матча за сутки. Очень хотел сразу попасть в классификацию. Грезил Уимблдоном и Кубком Дэвиса. Был

уверен, что смогу дойти до высшей победы.

Это потом я увидел, что таких, как я, десятки. Десятки жаждающих удовлетворения и великой славы. Несмотря на то, что до девяностых годов особого развития тенниса в Советском Союзе не было. Мы в те годы заявляли о себе только единичными рекордами на международных соревнованиях. Но, спорт, который долгое время в нашей стране считался чисто дипломатическим, постепенно набирал силу.

Мы занимались четверками: наигрывали часы, очки, считали победы, как боевые вылеты.

Наш квартет получился интернациональным: белорус Николай Мурашов, на вид – добродушный и щедрый парень; грузин Давид Лалуашвили, признанный покоритель женских сердец; потомок немецких переселенцев Александр Шмидт и я. Из-за него нас все называли братьями лейтенанта Шмидта.

Мы реально проводили вместе двадцать четыре часа в сутки, поскольку даже жили вместе в общежитии Института физкультуры, где как раз открыли кафедру тенниса.

Давид, мы звали его Дато, вносил в нашу жизнь экстремальность и дикий южный позитив. Александр, наоборот, состоял из драматизма и раздражающего порой негатива. Эта особенность его щепетильной природы почти всегда заставляла сомневаться в честности некоторых побед и штрафных очков. Видимо, сказывались немецкие корни. Николай же, как мне казалось, при всей своей общительно-

сти и дружелюбии, постукивал на нас на всех в соответствующие органы, что не мешало, а, наоборот, помогало ему развиваться, как подающему большие надежды, спортсмену.

Таким вот бутербродным составом мы и занимались. Порой до изнеможения, порой до нервных срывов и обращений к медикам. Но пропустить очередные, пусть пока всесоюзные соревнования, было равносильно Вселенскому потопу. Для меня, по крайней мере.

Зато к женщинам в то время не тянуло вообще.

На них оставались силы, пожалуй, только у Давида. У всех остальных негласно существовал все тот же закон истребителей: «...Ну, а девушки? А девушки – потом!».

Мне порой приходили письма из родного города от двух наиболее настойчивых поклонниц. Отвечал я им, к своему стыду, редко. Или вообще не отвечал.

Иногда ярким, но невероятно теплым пятном, проносился в моем сознании образ затронувшей мою душу девушки по имени Мария. Светлая, милая, невероятно нежная. Но несмотря на внешние данные, чувствовалась в ней какая-то сила и необычайное притяжение.

Однако, теперь она осталась в другой жизни.

Наверное, навсегда. Навсегда?

Что касалось наших спортсменов, занимающихся параллельно с нами, то мы с ними просто дружили. Встречались на кортах, до одури болели друг за друга, вечерами собирались на посиделки – разговаривали о насущном: о неожидан-

но удавшихся подачах или необъяснимых промахах, о струнах для ракеток, о покрытиях на кортах, о теннисном этикете, нарушить который считалось дурным тоном. Порой, вместе с ними же, не смущаясь, болтали о диетах и тряпках, разумеется, для тренировок и соревнований.

Хотя романы между спортсменами иногда случались. Но мне кажется, это от безысходности, для экономии времени. «И для здоровья, опять-таки, полезно», – как любил говорить наш друг из солнечной Грузии.

Уроки Национальной сборной, к сожалению или к счастью, усвоились мною на всю жизнь. Я научился ставить перед собой цели и добиваться их не за счет других, а самостоятельно. И отныне всегда к этому стремился!

Порой, весь мокрый от пота, вымотанный до последнего вздоха, я думал, что больше не могу даже пошевелиться. Но тренер объявлял еще одну игру, и неожиданно, как в сказке, открывалось второе дыхание.

Кстати, о тренере. Многие говорили мне, что со временем, я непременно вошел бы в десятку лучших ракеток России. Я был очень близок к этому, если бы...

Если бы не мое природное притяжение женщин!

Нашего тренера звали ее Жанна Александровна. И выбрала она объектом своего внимания меня. Не сразу, правда.

И, хотя она больше походила на Жанну Д, Арк, мы между собой окрестили ее Жанеттой. Скорее, Железной Жанет-

той. Помимо своих спортивных и тренерских успехов, она успевала с лихвой и на любовном поприще. Вот из-за этой женщины, пожалуй, и не сложилась моя спортивная карьера. Хотя случилось это, скорее всего, из-за моей глупости и принципиальности!

Причем, первый год Жанна меня не трогала. Поговаривали, что были у нее любовные отношения с нашим лучшим игроком Григорием Анненковым. Разница в годах, как вы понимаете, лет пятнадцать, но, Жанетту это, видимо, совсем не смущало. Так же, как и огласка их служебного романа, на которое руководство закрывало глаза.

В конце 1985 года, в канун Нового года, парень исчез. Причины мы не знали, но понимали, что дорога на международные турниры ему была закрыта.

И именно с этого периода я стал ловить на себе многозначительные взгляды Жанны Александровны. Видимо, ее тренерское тело желало новую жертву.

– Свят, свят, – надеялся я, – авось, пронесет. Но она начала меня разглядывать уже с пятиминутной разминки перед соревнованиями, не говоря уж о многочасовых тренировках. Я же категорически не смотрел в ее сторону, молча выслушивал бесконечные придирки и никогда не перечил.

Наш Давид давал, в принципе, правильные советы, сочувствовал, видя, что я нервничаю и срываю игру за игрой.

– Ты бы с ней всего один разочек бы замутил, ну, так, чтобы ей очень сильно не понравилось. Ну, там, рыгнул бы

или пукнул. Глядишь, она на кого-нибудь другого бы переключилась. Потому что, я, как грузин, смотрю в самый корень, – при этом, он очаровательно засмеялся. – И вижу на сегодняшний день у тебя всего два пути: или на мировые соревнования, или прочь из спорта!

– Да, ладно тебе пугать меня. Не хочу я с ней. Даже ни разу. Все. Тема закрыта.

Давид в очередной раз с сожалением вздохнул и покачал головой.

А недели через две после тренировки, когда я был в раздевалке один, в комнату бесцеремонно вошла Жанна. Я так и застыл.

Она подошла вплотную, протянула обе руки и с силой сжала мои ягодицы. Меня словно подбросило. Я резко отодвинул тренера от себя. Так и держал руки во время короткого разговора, не подпуская ее ближе.

– Ты хороший мальчик. Все равно полюбишь добрую тетю Жанну, – прошипела она, скользнув глазами по переднему полотнищу моих шорт.

– Сомневаюсь, – выдохнул я.

С тех пор я боялся оставаться с ней наедине, а она, наоборот, постоянно создавала такие ситуации. В глубине души, я, конечно, надеялся, что ей надоест играть в эти детские игры. Главное было для меня – поехать летом в Европу, во Францию. Я очень на это надеялся!

Наступила весна. В первых числах марта мы прилетели

на Всесоюзные соревнования в Ростов. Летели со смехом, на подъеме. И настроение было соответствующее, весеннее. Я уже мысленно выиграл не менее семидесяти пяти процентов всех запланированных согласно сетке встреч, и мечтал съездить в родной город, к маме. Если не на восьмое, так хоть на десятое марта. В этом году как раз выпадали трехдневные выходные.

А при заселении в гостиницу меня ждал сюрприз в виде одноместного полулюкса. Хотя все остальные спортсмены были расселены по-двое в обычные бюджетные номера. Люкс Жанны Александровны, естественно, находился на моем этаже.

– Сегодня совершится набег, – начал нашептывать Давид, а все остальные парни многозначительно посмотрели на меня (кто с пониманием, кто с издевкой) и, позвякивая ключами, стали расходиться по номерам.

Я вошел в шикарно обставленный номер, состоящий из двух комнат, и прямо обутый с разбегу плюхнулся на кровать в спальне. Я был так зол и рассержен, что никак не мог ничего придумать!

Если бы не Ирка, я бы точно провалил все соревнования. Потому что единственная мысль, которая меня посетила спустя полчаса – это выпить и устроить дебош, чтобы меня дисквалифицировали и отправили домой. Совсем недавно я стал играть в одиночном разряде, так что никого бы не подвел.

Ира подрабатывала у нас доктором, ездила с нами почти на все соревнования. Было ей лет двадцать пять-двадцать шесть, но в виду своей миниатюрности, выглядела она, как студентка медицинского ВУЗа. Ее можно было назвать симпатичной. Но, как это принято говорить, без изюминки. А вот Николаше она нравилась – он даже пытался ее как-то склеить, но получил неожиданно жесткий отпор.

Знала ли Ирина про Жанкины домогательства что-то конкретное или просто по-женски догадывалась? Я так и не понял тогда. Только через полчаса моих терзаний на гостиничной кровати в поисках решения, Ирина постучала в дверь моего номера.

– Евгений, простите меня, но на последней тренировке мне совсем не понравилось Ваше колено. Да, и голеностоп вихляет. Думаю, нам нужно срочно поехать в больницу, сделать рентген и показаться травматологу, чтобы завтра не было неожиданностей, – таинственным голосом произнесла молодая докторша.

– Ирина Васильевна, спасительница! – я схватил ее в охапку и закружил по комнате. – Мне самому сказать Жанетте, что мы уезжаем?

– Нет, давайте сделаем так: сначала тренировка, где Вы не особо усердствуете, потом мы ужинаем, тянем время, после чего Вы случайно попадаетесь Жанне Александровне на глаза, и с мученическим лицом направляетесь в свой номер. А я – в ее. Там ближе к ночи решили посидеть тренеры, так

сказать, для творческого настроения, куда я тоже приглашена. Но, естественно, я не останусь, а объявлю всем, что повезу Макарова на рентген в местный травмпункт, где, кстати, работает мой однокурсник. Главное, задержаться там подольше и потом посильнее напугать Жанну.

Все это время я держал Ирину на руках, и, когда она замолчала, мы оба смутились. Я как-то неожиданно быстро опустил ее на пол. Она слегка покраснела и незаметно поправила темно-синюю водолазку:

– Встречаемся в холле в 20.30. Хорошо?

– Хорошо.

– Только, Евгений, прошу Вас, пожалуйста, ни одному человеку не говорите правду. Я просто решила помочь.

– Договорились. У меня тоже есть условие. Давай на ты?

Ира улыбнулась, кивнула головой и вышла из комнаты.

После ужина мы вызвали такси, и под любопытные взгляды спортсменов, быстро покинули гостиницу.

Я прикинул вслух:

– Часа два на дорогу и больницу. И часа два нужно где-то убить. Ты, кстати, откуда узнала, ну, про все это? Женское чутье?

– Да нет у меня никакого чутья, и никогда не будет, видимо, – усмехнулась Ирина. – Парни стояли возле стойки у входа, когда ты ушел, и обсуждали весь процесс до мелочей, даже меня не стеснялись. Один только Николай молчал, потом на них прикрикнул и Григория им напомнил. Тогда я

все поняла. И приняла решение.

– Спасибо, доктор, – поблагодарил ее я. – Уж больно во Франции на «Ролан Гароса» хочется поиграть.

Мы ехали по каким-то полутемным улочкам. Талый снег лежал черно-белыми горками вдоль тротуаров. Весна в этом году была затяжная, и даже здесь, намного южнее, было прохладно. Но запах был уже другой, особенный: весенний и волнующий. Или это просто у меня давно не было женщины?

Я посмотрел на Иру. Она сидела с серьезным лицом, смотрела прямо перед собой и молчала. Странная все же девушка!

«Почему она решила мне помочь? Может быть, сама в меня влюбилась? – размышлял я. – Не поймешь их, этих баб. Но лучше уж с ней, чем с «Жабой-тренершей»!

Водитель резко свернул в совершенно темный переулок, и неожиданно для нас, вынырнул прямо около травматологического отделения городской больницы скорой медицинской помощи. На крыльце отдельного входа толпились люди. Мужчину огромного роста держали под руки две маленькие женщины, а он все норовил от них вырваться. Третья женщина, пытаясь заглянуть ему в глаза, практически умоляла:

– Сергей Степанович, дорогой, давай снимок сделаем! Вдруг у тебя перелом?

Сергей Степанович, был, видимо, крепко выпивший, поэтому боли никакой не чувствовал, и идти в больницу не хо-

тел, активно брыкался больной ногой, занимая все пространство крыльца.

Кое-как протиснувшись в дверь отделения, мы оказались в длинном коридоре, вдоль стен которого стояли кривоногие стулья и старые тележки. Народу видимо-невидимо. «Легко и тяжело раненые», – прямо, как в кинофильме про Великую Отечественную. И откуда их столько? Ирина решительно взяла меня за руку и завела в дверь с табличкой «Ординаторская», посадила на выдавший виды диван, а сама, скинув пальто, отправилась на поиски своего однокурсника.

Вот уж эти медики! Они, по-моему, все однополые и интернациональные, в смысле, братья по духу – в любой стране или городе. И даже в чужом лечебном учреждении чувствуют себя, как в своем собственном. Впрочем, спортсмены – тоже.

Мы с ними очень даже похожи этими качествами. Когда спешка и волнения, все переодеваются в одних раздевалках за приоткрытыми дверцами шкафчиков: и мужчины, и женщины. Никто ни за кем не подглядывает. Ну, или почти, не подглядывает.

Иркин однокурсник, Иван Столяров, мне понравился. Налил нам чая, насыпал баранок на тарелку, даже варенье раздобыл. Но с нами почти не сидел: выслушал проблему, перебросился с Ириной парой медицинских терминов; отпустил пару непристойностей и один анекдот из врачебной практики. И, пока мы хохотали, сбежал к своим страждущим паци-

ентам.

А часа через полтора посадил в подъехавшую машину «Скорой помощи», чтобы нас подбросили до центра. У Иры в руках были какие-то бумаги, рентгеновские снимки, два флакона с прозрачным раствором и какие-то ампулы в коробке из-под витаминов «Ундевит».

– Системы для переливания у меня есть с гостинице, – больше самой себе, чем мне, – говорила она, укладывая все это в свою не очень большую сумку, отчего та раздулась, как круглый коричневый арбуз средних размеров.

– А зачем системы? – удивился я.

– Сегодня, надеюсь, Жанна Александровна поверит в наши рассказы, а завтра, после твоей, я надеюсь, блестящей игры, может усомниться. Поэтому я приду к тебе ставить капельницу. Видимо, ближе к ночи.

– Да, проигрывать завтра мне нельзя! А послезавтра что будем делать? – как послушный пациент, спросил я. – Ведь это как-то нелогично: днем скакать по корту, забивая (тьфу-тьфу) мячи, а по ночам умирать?

Девушка немного помолчала, потом ответила:

– Не знаю, Евгений. Будешь продолжать болеть. Главное, чтобы она не догадалась! Иначе неприятности будут у всех. Но особенно у тебя. Я сюда устроилась по благу – хочется за границу поездить, мир посмотреть. А практики здесь никакой нет. Так что, я здесь ненадолго. А вот тебя Жанна со света сживет – никакого тенниса не захочешь!

– Войду достойно в рейтинг на одиночных соревнованиях во Франции – никто из Национальной теннисной сборной меня не выкинет. Даже она. И, прежде всего, потому, что она сама – классная спортсменка! Этого у нее не отнимешь! – пылко ответил я.

«Скорая помощь» резко затормозила. Рыжеватый доктор в синей курточке обернулся к нам.

– Эй, молодежь, – произнес он, делая ударение на первом слоге, – вам вон туда. – Он протянул руку в сторону. – Пойдете по центральной улице, потом через два квартала, на светофоре – направо. Там ваша гостиница.

– Спасибо. Спокойного вам дежурства, – прокричал я, помогая Ирине спуститься по порожкам машины. Было уже темно и прохладно, и выходить из нагретого салона машины совсем не хотелось.

– Принято желать скучного дежурства, – поправила меня моя спутница.

Мы молча шли по пустынной улице, мимо величественных домов сталинской постройки, разглядывая их фасады. Такое впечатление, что дома слились вместе с весенней природой в один большой организм – серый и сонный. Кое-где за шторами больших оконных проемов мелькали разноцветные блики – люди смотрели вечерние передачи. В кухнях с маленькими бледными занавесками пили чай и вели душевные разговоры. В спальнях горели ночники, – наверное, дети

боялись ложиться спать без света. А, может, там сейчас происходит любовь? – размышлял я. Что-то меня второй раз сегодня на любовь пробивает. Я покосился на Ирину, тихо вздохнул и взял ее под руку. Она вздрогнула, но руку не отняла, а немножечко, как мне показалось, даже придвинулась ко мне.

Подойдя к тому самому светофору, где нам нужно было сворачивать, я вдруг неожиданно для себя сказал:

– Послушай, Ир, рано же еще возвращаться. Давай посидим где-нибудь часочек. В конце концов, очередь в травмпункте была огромная, что является чистой правдой.

Мы огляделись по сторонам, но ничего похожего не увидели, кроме очереди закрытых магазинов.

– Пойдем налево, – предложила она, – вон там, вроде, что-то светится.

И мы отправились в противоположную от гостиницы сторону. Кафе-бар, в который мы уткнулись, спустя какое-то время, назывался «Три пескаря». И, видимо, не зря: людей там практически не было, пахло невкусным пивом и общественной столовой. Но искать что-то другое в незнакомом городе не хотелось, поэтому мы выбрали чистый деревянный столик возле окна подальше от кухни, зато рядом с огромным кувшином.

Ирина, по-моему, первый раз наедине со мной улыбнулась:

– А там они, наверное, прячут Буратино.

– Сейчас узнаем, – тоже улыбнулся я. – Что тебе заказать?

– Да ничего, собственно. Хочется кофе. Но уже поздно, и вряд ли он здесь вкусный. Тебе тоже второй сытный ужин нежелателен. Да?

– Да. Давай попросим чай. И мороженое.

Неожиданно мы просидели в кафе до самого закрытия. Ира сначала молчала и неохотно отвечала на вопросы. Пришлось мне ее развлекать. Не то, чтобы она мне понравилась, хотя, если честно, я несколько раз прислушивался к себе. Нет, никаких флюидов не почувствовал.

Просто нужно уметь быть благодарным – она со мной весь вечер провозилась вместо того, чтобы слушать магистров тенниса об их прошлых победах и наших завтрашних удачах и неудачах в номере-люкс у Жанны Александровны.

Хотя, какие уж там их победы! Последние десять лет никаких выдающихся достижений в советском теннисе не было, кроме пары-тройки единичных случаев. В восьмидесятом году, в связи с Олимпиадой, теннис вообще оттеснили, а некоторые помещения в Москве отобрали, так как большой теннис не относился к олимпийским видам спорта. Остались только преданные тренеры, которые и готовили сейчас новых советских спортсменов.

Мне, лично, повезло, что в моем городе жил и живет один такой теннисист-профессионал, приходящийся мне дальним родственником. Это с его помощью у нас открылся первый корт. Это нас, первую свою команду, он учил постигать азы

достоинейшей из игр. Благодаря ему у меня неплохие результаты! В некоторых турнирах выходил в финал, всего в трех – только в полуфинал. Но по общей сумме баллов я был одним из претендентов на поездку во Францию. По крайней мере, очень на это надеялся!

Обо всем этом я Ирине и рассказал, поскольку она молчала, а эта тема для нас была общей. Она очень внимательно слушала, а потом вдруг неожиданно произнесла:

– Мне все это известно, Евгений, расскажи что-нибудь не про теннис. Про себя. Если хочешь, конечно.

«Ну, точно, влюбилась! – подумал я. – Что, если мне и от нее придется теперь отбиваться?». Не мог же я сказать Ирине, что у меня принцип – вступать в отношения только с теми женщинами, от которых голова кругом, да и не только голова, другие части тела тоже должны откликаться. Просто так и абы с кем я не умею. Пробовал однажды, не получилось!

«Прямо, барышня кисейная», – говорил, бывало, Антон, наблюдая за ежегодной сменой моих поклонниц. А я упрямо отвечал, что каждую из них почти любил.

Вспомнив о былом, я неожиданно подобрел и рассказал своей собеседнице о маме, об отце, который с нами не жил, но иногда принимал участие в моей жизни. О школьном разгильдяйстве, об институтской звездности, о том, что не закончил ВУЗ, как хотели родители, а уехал за славой в Москву, то есть, решил посвятить жизнь теннису. Вот так, кратко, и по кругу.

Ира вопросов не задавала. А потом вдруг спросила:

– У тебя много девушек было?

– Были, – улыбнулся я.

– И со всеми были интимные отношения?

– Ирина Васильевна, ну, об этом как-то неприлично спрашивать? – я аж растерялся.

– Неприлично, наверное, – согласилась она. – Просто у меня еще никого не было.

Я продолжал удивляться, в уме прикидывая: она что, хочет, чтобы я был первым?

Ира раскраснелась, и, видимо, догадавшись о моих мыслях, решила пояснить. Свою историю излагала она, кстати, легко и весело. На нее, серьезную и молчаливую, это было непохоже.

– В нашем обществе принято считать, что если девушка учится в медицинском, то с девственностью она расстанется легко и рано, поскольку, когда ты сидишь в учебном кабинете, увешанном плакатами с интимными органами в разрезе, а потом еще по ним же, в анатомичке, сдаешь зачет, то стесняться уже, вроде как, нечего. И все происходит просто из интереса. Ну, дурь дурью, конечно.

С моими подругами, естественно, было по-разному: кто – по любви, кто – по случайности. Большая часть девчонок вышли замуж, а кто-то, как и я, продолжали ждать принца.

Однажды собрались мы через пару лет после института небольшим девичником, и начали делиться личной жизнью,

ну, так, в рамках дозволенного. А я возьми и брякни: «Я вот до сих пор – ни с кем!». Мои подружки просто обалдели! Посыпались советы и всевозможные предложения помощи. Короче, я их в тот вечер послала. Послать-то послала, а потом задумалась: «Может, со мной что-то ни так?» Был у меня парень одно время; отцу очень даже нравился. Мы встречались, готовились вместе к гоэкзаменам, а как дело совсем уж дошло до интима, я с ним намеренно разругалась.

Короче, год после разговора с подругами, я ходила, как в воду опущенная. Нормальные парни не попадались. Хотя среди вас, спортсменов, конечно, много достойных. И набивались, кстати, ко мне в провожатые – ни раз, и ни два. Но я всегда боялась, что будет не любовь, а сплетни по всему клубу – с кем я сплю. Вы, мужчины, тоже умеете это делать!

А проблему решать было нужно, – так думала я, как медик. Помнишь, мы ездили на открытое первенство Италии, почти все, кроме вас, братьев лейтенанта Шмидта? Ну, вот я там в баре познакомилась с поляком. Приятный такой красавчик, говорит по-русски почти правильно. Посидели с ним, выпили по коктейлю, потом еще по одному. Далее последовали намеки. «Сейчас или никогда», – решила я, заранее купив необходимые средства безопасности.

Целуясь, мы зашли в мой номер, и он первым заскочил в душ, заверив, что через четыре минуты будет абсолютно готов. Увидев меня в кресле в глубоких раздумьях, любезно спросил:

– Что с Вами, пани Ирина?

– Понимаете, Владек, у меня еще никогда ни с кем ничего не было.

– Почему? – удивился он так сильно, что присел от неожиданности на краешек кровати.

Я пожала плечами.

И знаешь, что он сделал? Пан Владек быстро оделся и ушел. Мне до сих пор интересно, почему?

Ирина закончила рассказ и с нетерпением ожидала моей реакции. Мне было смешно, и в то же время, грустно, но я определенно гордился нашими честными девушками. Так я ей и сказал:

– Им не понять нашего менталитета. А ты не волнуйся – встретишь своего принца.

И мы отправились в гостиницу, снова разговаривая о завтрашних соревнованиях.

Просыпаться утром в гостиницах я практически привык. Очень редко теперь бывало, когда, открыв ночью глаза, начинаешь с ужасом оглядываться и задавать себе старый, как мир, вопрос: «Где я?».

Сегодня я проснулся бодрым и отдохнувшим, несмотря на короткий сон, потому что часов до трех ночи прислушивался ко всем шорохам в коридоре.

Мы вернулись с Ирой уже после двенадцати, и моя случайная помощница вызвалась проводить меня до моего но-

мера. Как только повернулся ключ в замке, открылась дверь Жанетты. Она бесцеремонно вслед за нами вошла в мою комнату.

– Как он? – не обращая на меня внимания, спросила железная леди Ирину.

– Конечно, играть Макарову завтра нежелательно. Но вас, спортсменов, может остановить только insult, и то, случается он, как правило, после соревнования. Евгению сделали физиопроцедуры, капельницы. Ему нужно как следует отдохнуть. С утра наколю его препаратами, зафиксирую колено и голеностоп. Думаю, завтрашний день точно выдержит. А дальше будет видно.

Жанна Александровна, ничего не ответив, вышла, закрыв за собой дверь. Мы так и прыснули. Тихо, разумеется. А потом ушла и Ира, выслушав слова моей искренней благодарности в свой адрес.

Поэтому на следующее утро меня тревожил вопрос ни о своем местонахождении, а другой, более древний: «Быть или не быть? То есть, как вести себя на корте?».

Конечно, я ехал сюда за победой, и отступать не намерен. Главное, не забывать в перерывах делать страдальческую мину, якобы от боли.

За завтраком я ловил сочувствующие взгляды своих друзей и торжествующие – тех, с кем мне предстояло играть. Рано радуетесь, товарищи спортсмены! И мысли о Жанне с ее домогательствами сразу отошли на последний план, как

только я вышел на разминку.

В первом матче пришлось тяжело, противник старался меня загонять, надеясь, что сломаюсь, и я никак не мог вырваться вперед. В перерыве подтянул струны у ракетки, поскольку играли на закрытой площадке, грубо ответил Ирине, предупредившей меня об имитации болезни, за что потом дико извинялся, и практически, пошел в атаку. И победил! Мало того, что я орал, как бешеный, со мной такое бывает, когда победа дается тяжело! Я еще и прыгал, как сайгак, без остановки минут пять. Видел потом видеосъемку – какой там мениск и голеностоп?

Перед второй игрой Ира долго делала вид, что обижается, но, поверив мне в очередной раз, простила, и слезно попросила, чтобы после еще одной неминуемой победы, я упал бы, как подкошенный.

На этот раз я выиграл легко, но падать, правда, не стал, а махнул своим братьям лейтенанта Шмидта, чтобы помогли мне дойти до скамейки.

Соревнования, согласно сетке, продлились допоздна, и я, как страстный болельщик, упорно не покидал корт. Меня насильно увела Ира. Принесла в номер кучу медикаментов, капельницу, которую присоединила к флакону с изотоническим раствором, свисающим с люстры на поясе от халата. Так что, когда нас посетила моя тренер, я был прикован к кровати иглой в виде «бабочка». На прикроватной тумбочке разбросаны вскрытые ампулы и перевязка, а в воздухе пах-

ло спиртом от ватного шарика, прикрывающего мою вену. А Ира с невозмутимым видом сидела в кресле и листала журнал «Крестьянка». Станиславский бы поверил! Жанетта, видимо, тоже. Поздравила меня с победами и пожелала скорейшего выздоровления!

– Нам бы только день простоять и ночь продержаться, – процитировал я Мальчиша-Кибальчиша из далекого счастливого детства. Улетали мы послезавтра утром.

– Если будешь думать, что делаешь, продержишься, – съязвила Ирина.

«Ого! – подумал я. – Не такая уж она тихоня, как кажется. Ведет себя со мной, прямо, как со своей собственностью, черт побери!». Очень мне тогда это не понравилось, хотя я начал тут же себя мысленно успокаивать, потому что, если бы ни ее поддержка в этой ситуации, Жанна, конечно, бы ко мне вломилась среди ночи. А я бы, естественно, ее прогнал. И тогда – прощай, моя спортивная карьера! Поэтому вслух я произнес:

– Слушаюсь, военврач третьего, а, может, даже второго ранга!

На следующий день случилась очень некрасивая, по тем временам, история.

Произошло все после награждения победителей. И меня в том числе.

Уже поздно вечером мы сидели с ребятами в дальнем баре

и отмечали наши достижения. Остальные спортсмены и тренеры были в главном ресторане, где специально был накрыт поздний ужин с элементами банкета.

Все, что хотели получить от соревнований, мы получили. Шутили, балагурили и строили планы на будущее. Ира сидела с нами, как всегда почти не разговаривала и периодически делала мне многозначительные взгляды, мол, пора на процедуры. А я усиленно делал вид, что не замечаю – хотелось с парнями посидеть после своего затворничества. Ну, и победа голову немного вскружила!

Тогда Ирина встала, наклонилась к моему уху и начала нашептывать о конспирации. В ответ на это, я резко вскочил, подхватил ее на руки и начал прыгать на «больной ноге» с криками:

– Случилось чудо! Друг спас жизнь друга!

Лучше бы я этого не делал! Жанну Александровну, следящую за мной через стеклянную дверь, я, конечно, не заметил. А жаль! Можно еще было бы, согнуться от боли и упасть! Увидела ее, как потом выяснилось, Ира, но приняла совсем нестандартное решение. Пожелала всем «спокойной ночи» и ушла с гордым видом.

Давид, ушлый в тонких женских душах, спросил напрямую:

– У вас что-то было, пока она тебя лечила? Ведет себя, прости, совсем, как твоя жена.

– Да, нет, парни. Ира не в моем вкусе, – попытался уверить

всех я, – просто она очень ответственная!

Думаю, что они не очень поверили, а Николаша даже слегка опечалился. Видимо, вспомнил свое неудачное ухаживание за нашим доктором. Разговор перевели на другую тему, и просидели еще около часа, уничтожая запасы местного пива.

Подойдя к своему номеру, я с удивлением обнаружил, что ключа у меня нет. Хотел спуститься вниз к дежурному администратору, но почему-то толкнул дверь вперед. Мне показалось, что там разговаривают. Дверь, действительно, открылась.

Я застыл, как вкопанный. То, что посередине спальни стояла разъяренная Жанетта, это удивило меня ни так сильно. В конце концов, сюда она и рвалась. Поразительным было то, что в моей кровати лежала, видимо, абсолютно голая Ира. Она жмурилась от яркого света и душевно зевала.

– Это что? – повернулась ко мне тренер.

Я понимал, что должен как-то объяснить присутствие Ирины в своей спальне, но я тупо молчал.

– Простите, Жанна Александровна, мы с Евгением помолвлены. У нас очень скоро свадьба. Что тут такого? – вместо меня ответила девушка.

– Это не повод разводить на соревнованиях... – тут Жанна на долю секунды замолчала, видимо, подбирая слова, – бордель. Я заказываю своему лучшему спортсмену полулюкс. А он? Он у меня под носом устраивает не понятно что,

притворяясь больным! И шалава-докторша ему помогает!

Мы с Ирой остались одни. Молчали, наверное, минут десять. Девушка продолжала лежать. И даже не плакала после этих обидных слов, видимо, действовала по своему заранее придуманному плану. Поэтому она просто на них не обратила внимания. Я же сидел на краю кровати, спиной к ней. И чувствовал себя очень неловко.

Наконец, я решился:

– Зачем ты так поступила? Хочется верить, что с одной единственной целью – оградить меня от Жанны. Но ты понимаешь, что ты сделала еще хуже?

Ира позади меня зашевелилась. И молча стала подползать ко мне.

– Ты мой, Женечка. Я никому тебя не отдам. Будешь ли ты первой ракеткой или десятой – мне все равно. Я берегла себя для тебя. Иди ко мне, – она обняла меня сзади и стала целовать в шею.

Господи, ты, Боже мой... Я сам! Сам всегда выбирал себе девушек, и ни с одной никогда не заводил интимных отношений, если мне этого не хотелось. А в данный момент, и с этой девушкой мне не хотелось!

– Понимаешь, Ира, в жизни не всегда бывает так, как ты этого хочешь. Если тебе этого не рассказали родители, то это вынужден сказать тебе я! Пожалуйста, покинь мою комнату. – С этими словами я отцепил от себя ее руки, встал и вышел в соседнюю комнату.

Сел в кресло и даже не прислушивался, собирается она или плачет. Мне было все равно. Неловко, но все равно. Ни одна, так другая, насильно влезла в мою жизнь! Вот уж, правда, как у Глеба Жиглова: «... ему надо было вовремя со своими женщинами разбираться, и пистолеты не разбрасывать, где попало!»! Пистолеты не разбрасывал, а влип, как подросток. Мой Антон не поверил бы, что я так вляпался. Я, известный завоеватель женских сердец и великий комбинатор, на этот раз оказался пешкой в двойной игре.

Мама говорила, что я детства был аналитиком; всегда мне нужно было знать предпосылки, причины и следствия. Вот и сейчас я сидел и размышлял, почему так получилось? Почему я не разобрался с Жанной Александровной с самого начала, почему не смог ей объяснить, что я – другой. Видимо, панически боялся такой же судьбы, как у Анненкова. Не хотел вылетать из сборной. «Но ведь это бред! Он – это он! А я – это я! И у каждого своя судьба! Дурак! Балбес! Баран! – ругал я себя последними словами. – Где были мои мозги? Наверное, все ушло в мышечную ткань».

Ирина, наконец, вышла из комнаты, попыталась что-то сказать, но я перебил ее:

– Прости, давай поговорим чуть позже. Пусть пройдет время.

Жанна Александровна, видимо, постаралась на славу: все утреннее время – а его, перед вылетом нашего рейса, ока-

залось достаточно, – наша команда была занята обсуждением моего ночного любовного происшествия. Причем, Ирина Васильевна, неожиданно, выступала в нем жертвой, а я – змеем-искусителем, воспользовавшимся доверием девушки, которая поддерживала меня на соревнованиях и днем, и ночью, поскольку о ночных капельницах тоже стало известно. В то, что жертва сама запрыгнула ко мне в кровать, спланировав так избавиться от соперницы, никто бы даже и не поверил. Поэтому событие я не комментировал.

На душе было паршиво. Но в большей степени я переживал не об амурных делах. Я подозревал, что Жанна мне этого не простит.

Да, я сейчас победитель! На меня обратили внимание серьезные люди, но что-то мне подсказывало, что расслабляться нельзя. Поэтому нужно срочно менять тренера. Я решил отложить поездку домой, и сразу заняться этим вопросом.

В самолете Ира сидела далеко от меня, и, слава Богу, мне не было ее видно. Потому что какое-то чувство вины перед ней все же было. Нужно было поговорить с ней тогда помягче. Я бы так, конечно, и сделал... Мама всегда шуткой мне напоминала: «Не забывай, я тоже была молодой, творила свои маленькие глупости, но всегда ждала, что кто-то сильный меня защитит и спасет. Так что прощай девушкам их слабости. В конце концов, это их главное оружие»!

Но, если бы ночное происшествие случилось просто между нами, пусть неожиданно для меня, но наедине, я бы так

и сделал! А все произошло при участии старшего тренера национальной Сборной. Это уже не маленькая глупость, это большая подстава. Да и слабостью это вряд ли можно назвать.

Интересно, на что она надеялась? Хотела подкупить меня своей девственностью, о которой призналась накануне? Это, конечно, значимо при серьезных отношениях. Но далеко не самое главное. Как они, девушки, этого не понимают?

Короче, мысли мои витали вместе с самолетом на высоте семь тысяч метров, постоянно попадавшего в воздушные ямы. Я то успокаивал себя, то накручивал. Парни пытались разговаривать со мной на отвлеченные темы. Сашка и Николай сидели рядом, а Дато свисал надо мной, перегнувшись через впереди стоящее кресло, рассказывал анекдоты и постоянно косился в сторону своей новой пассии – Оксаны Гурко, бойкой украиночки с сильными, как у мужчины, руками.

Во время приема багажа в аэропорту, Жанна Александровна многозначительно посмотрела в мою сторону. Мне показалось, что с жалостью.

Я с удовольствием не пошел на общественные мероприятия, посвященные Международному женскому дню. Хотя ребята сказали, что было весело и интересно: собрание, концерт, дискотека до ночи. Но ко мне приехал Антон, с которым мы и провели восьмое марта, обойдя, по меньшей мере,

пять московских ресторанов. Поначалу, пока мы были трезвые, он рассказывал институтские новости, кто женился, кого отчислили накануне выпуска. Ко мне на мгновение закралась мысль, что сейчас бы я тоже получил диплом, и не было бы в моей жизни большого тенниса в том объеме, в котором он сейчас занимал мое сознание. Тенниса как смысла жизни. Но нет! Остановившись теперь я не мог!

Потом, чуть подвыпив, я рассказал близкому другу о событиях последних дней.

– Вот ты правда, Женек, как барышня кисейная, – не поленился повторить свою любимую фразу обо мне Антон, и с удовольствием передразнил меня: «Я сам выбираю себе женщину. Я сам ее добиваюсь». Вот мой отец всегда считает, что это они, женщины, нас выбирают и на себе женят. И это истина.

– Значит, я – исключение, – сопротивлялся я. – Женюсь только по собственному желанию. И по любви, кстати!

– Похоже, женишься ты на своем теннисе. Я бы на твоём месте и с одной, и с другой замутил. Вот! Давай за это выпьем.

– Давай! Только на моем месте ты бы не оказался! Потому что ты всем нашим девчонкам всегда был, прежде всего, другом. Настоящим и искренним, а вокруг меня вечно интриги плетутся, и драмы разыгрываются.

Мы выпили, и я вдруг тихо спросил:

– А как там та девушка? Маша. Замуж не выскочила?

– Не знаю, – ответил Антон, – постоянно вижу ее с подружкой и совсем маленькой девочкой. Они ее в институт через день таскают. А чья это дочка, не знаю.

– Узнай, ладно? Хотя, нет! Не стоит.

В голове вспомнились подслушанные слова рок-оперы, раздающиеся поздним вечером из Машиного окна:

«Я люблю твои руки и речи, С твоих ног я усталость разую,

В море общем сливаются реки, Аллилуйя любви, Аллилуйя любви,

Аллилуйя».

Моя просьба о смене тренера была удовлетворена достаточно быстро. За три рабочих дня. Я ожидал, что меня будут ломать, ожидал истерик от Жанны, но все прошло тихо. Правда, в совете Федерации отметили, что так у них не принято, но, учитывая мою перспективность, сделали исключение.

С железной Жанеттой я, собственно, не попрощался. Не решился. Все выглядело бы фальшиво и нелепо. В будние дни мы практически не виделись, встречались только на соревнованиях. А, когда я на кураже, я никого вокруг не видел: только противника и его подачи. Как получилось, так получилось.

Вот с кем хотелось объясниться, так это с Ириной, но она недели три была на больничном, и к нам периодически прибегал Стасик, студент-шестикурсник медицинской Академии. Он сидел в зале на последних рядах и строчил какие-то конспекты. Однажды я подошел к нему, спросил про Черкашину Ирину, это была ее фамилия. Он в ответ пожал плечами и сказал, что не знает, когда она выздоровеет.

И я погрузился в спорт. Мой новый тренер Виктор Евгеньевич оказался не только профессионалом, но и хорошим воспитателем. Ибо воспитание настоящего спортсмена-чемпиона – это по-настоящему большой педагогический труд. Уже во время знакомства он назвал меня тезкой и попросту сказал:

– Слушай сюда. Никакие сплетни, никакие байки про тебя я знать не желаю. И объяснения твои тоже. Мне, дорогой мой, важен спорт. А вот достигнешь ли ты больших побед, это зависит только от тебя. Ну, и от меня тоже. Помогу, чем смогу. Так что, жду завтра в семь часов утра.

Хороший мужик, толковый. Выставлял меня в соревнованиях разного уровня. В Москве, Ленинграде, Донецке, Таллине, Юрмале. Бывало ругал, но за дело. Бывало хвалил – не боялся, что возгоржусь. Короче, типичная политика «кнута и пряника». «Пряники» я лопал, а от «кнута» скакал еще круче, еще увереннее, поднимаясь по рейтингу все выше и выше.

Как-то в самом конце апреля я столкнулся в общем ве-

стибюле с Ириной. Она сделала вид, что меня не видит, а, может, и вправду не видела. Поэтому я схватил ее за руку и развернул к себе:

– Привет. Ты как? Выздоровела?

– Да, спасибо, – тихо ответила она. И попыталась высвободиться.

Но хватка же у меня спортивная – на ракетках натренированная. Я так ей и сказал. И предложил:

– Давай кофе поьем. Ты не спешишь?

– Хорошо. Только недолго. Я подрабатываю по вечерам в поликлинике.

– Тогда лучше где-нибудь возле твоей поликлиники и посидим. Чтобы ты потом не спешила. Я на сегодня отстрелялся. Полдня отдыхаю. Так в каком районе поликлиника?

Ирина назвала станцию метро, и мы вышли со стадиона. Шли молча. А я, разглядывая ее сбоку и сверху, размышлял: «Ну, как в ней совмещаются две такие разные личности: то трепетная лань, то хитрющая лисица? Какая она на самом деле? Когда притворяется, когда – нет?» Может, в этом и есть ее изюминка? Замутить с ней, что ли? Но притяжения к ней я, как и раньше, все равно не испытывал, сколько не прислушивался к себе. Нет! Пусть ее другие разгадывают! Мне хотелось только извиниться, что я оттолкнул ее в тот неловкий момент. Поэтому и пригласил.

Мы расположились в уютном кафе. Как и в прошлый раз, возле окна. Только теперь было тепло и солнечно, а, главное,

легко. Как бывает только в это время года – в самом расцвете весны. Ирина, щурилась на солнце, улыбалась и смотрела на меня.

– Спасибо, – решила она, – что позвал меня. А то уж я совсем комплексовать начала. Полтора месяца дома просидела. Отец думал, что я в положении.

Я начал ее подбадривать, говорить, что все у нее обязательно будет хорошо, что встретит она, наконец, своего единственного! Что он оценит ее невинность и порядочность. Но она перебила меня:

– Знаешь, ты мне очень нравился. Я поняла это еще до поездки – всегда приходила на твои тренировки. Но ты не замечал меня. А тут еще эта Жанна со своей настойчивостью. Прости, не знаю, что на меня нашло! Очень не хотелось тебя ей отдавать. Я слишком долго надеялась, что однажды ты обратишь на меня внимание.

И, помолчав, добавила:

– Это, собственно, все, что я хотела тебе сказать. А о том, что я тебе безразлична, можешь не говорить. Еще тогда было все понятно.

Что тут ответишь, если это правда? Мы пили хороший кофе, говорили о том, что Жанетта мной все-таки подавилась, и что у меня хорошие шансы поехать на соревнования во Францию. Опять обо мне. Видимо, нам обоим это было приятно.

Об Ирине из нашего разговора я узнал только, что воспи-

тал ее отец, а мама умерла, когда ей было восемь лет. «Вот поэтому в ней нет женской притягательности, некому было научить, – подумал я. – Хотя нет, женское – это от природы, это на генетическом уровне». И я все же попытался сделать ей комплимент, сказав, что у нее очень красивые глаза. В этом я не лукавил.

Когда начали прощаться, я, скорее всего из жалости, пригласил ее второго мая на день рождения Давида:

– К Дато приезжают его грузинские родственники. А отмечать решили в Подмоскowie, в доме его двоюродного дяди, который здесь давно живет. Поедешь с нами?

Ира обещала подумать и ответить в четверг.

На следующий день, во время рядовой тренировки, у меня был серьезный разговор с тренером, Виктором Евгеньевичем. Нет, моими способностями он был доволен. И ставил на меня, как на хорошую породистую лошадь. В спорте это явление частое и вполне объяснимое. Я жаждал Ролан Гароса – открытого Чемпионата Франции, а точнее, неофициального первенства мира. И великие надежды, связанные с этой поездкой, ни раз мучили меня по ночам.

Пытаясь восстановить дыхание после жесткой игры, я сел рядом с тренером, уверенный в том, что вопрос о моей поездке решен положительно.

Какого же было мое изумление, когда он произнес:

– В июне во Францию не едешь. – И, чтобы предупредить

мои безумные возгласы, продолжил, – там грунтовые корты – ты на них еще не очень преуспел. Хотя я бы все равно рискнул бы тебя выставить. Просто появилась другая возможность. Более реальная. Французам показалось мало одного чемпионата, поэтому осенью этого года впервые состоится открытый Чемпионат Парижа «Оупен Пари». Игра будет в помещении, на искусственном покрытии во Дворце спорта «Берси». Это тебе ближе, а, значит, и шансов больше. Вознаграждение планируется существенное. Приедут именитые мастера. Так что мероприятие будет не менее значимое! У тебя появляется лишнее время на подготовку. Больше трех месяцев. Твоя главная задача – заявить о своих возможностях!

Если честно, я конечно, расстроился. Но, в конце концов, ему, действительно, видней. А раз появилось дополнительное время, необходимо использовать его по максимуму.

Празднование дня рождения Давида удалось на славу. Его родители, не заезжая в столицу, сразу отправились к дяде Резо, который жил в живописнейшем районе Клязьмы, точнее, рядом с Пироговским водохранилищем, входящим вместе с Клязьминским – в систему канала имени Москвы, в поселке Пирогово. Не знаю, жил там Пирогов или нет, но место дядя Резо выбрал отменное. У него был замечательный дом старой постройки, но весь перестроенный: тут крылечко подстроено, вот там – комнатка, а вот здесь – беседка. И

все строения густо покрыты виноградной лозой. Такие дома обычно в грузинских селениях. Да, что там селениях – в грузинских городах до сих пор такая же колоритная архитектура и море гостеприимства. Мы тоже очень много тепла получили за те два дня, что гостили у родственников Давида!

В электричке все как-то неожиданно расселись по парам: Давид с Оксаной, Николай – с Ириной, а ко мне подседа Ничочка, подруга Оксаны.

– Ну, наконец-то, все решилось само собой – пусть Николаша Иру и обхаживает, – подумал я. – Может, у них и получится. Ведь вздыхал он по ней одно время.

И только Александр ехал всю дорогу стоя. Он, по-моему, был чем-то расстроен. Нет, я даже сказал бы, сосредоточен на решении какого-то вопроса: не замечал наших шуточек и почти не отвечал на вопросы. До самого Пирогово.

Дядя Резо не дал нам всем даже познакомиться, как только мы попали на территорию его дома. Успели расцеловаться только родители и Дато, а хозяин уже энергично приглашал нас к импровизированному столу, накрытому в беседке. Было очень тепло, но, из уважения к гостям, на лавках лежали маленькие подушечки, а стороне расположились стопочкой разноцветные пледы. Видимо, хозяева начали посиживать здесь давненько, как только растаял снег.

– Друзья мои, на столе пока только перекус для знакомства, а все самое вкусное ждет нас еще впереди. Вечером. В честь нашего дорогого мальчика Давида! – не переставал

извиняться перед нами хозяин.

А перекус был знатный: кукурузные лепешки и сулугуни, свежеиспеченные дурманящие хачапури, лобио и пахучая аджика, а также, необыкновенно приготовленный картофель с мясом молодого барашка. Радовала глаз заманчивая чурчхела. Из закровов гостеприимного дома были принесены четыре вида вина в четырех разных бочках.

И дядя Резо произнес свой первый тост: «Гость в грузинском доме начинает с бокала вина, а заканчивает проживанием в Тбилиси». Все засмеялись и выпили, а младший брат хозяина, папа Давида, язвительно прокомментировал: «Тот ты в Подмосковьё обосновался».

На что Резо, не смутившись, ответил:

– Выучим детей, вернемся на Родину. Обязательно!

Мы все, кто приехали, наконец, отведав, грузинских изумительных яств и неповторимого вина, начали знакомиться.

Жену дяди Резо звали Жанна, на что мои друзья тихонько и злорадно захмыкали, когда я подавал ей руку. В их семье было два сына: один жил в Грузии, выращивал виноград на опытном участке; второй – Анзор, проживал в Москве, заканчивал МИФИ. Мы его несколько раз видели у себя в общежитии, когда он приходил проведывать Давида и привозил вкусные подарки.

Родители нашего Дато были очень веселыми и современными людьми: папа Нодари и мама Натела, которая ни в чем не уступала мужу. Когда-то они познакомились в Харь-

ковском автодорожном институте, там же поженились против воли родителей, но жить после окончания ВУЗа уехали в Грузию, в Тбилиси. Кроме Давида, у них были еще две дочки. Похоже, погодки – Мариами и Манана. Обаятельные девчонки-хохотушки беспечного возраста сразу привязались ко мне: наливали по очереди вино, показывали фотографии и рассказывали про свою бесчисленную родню. Под общие разговоры даже спели несколько песен. Очень красиво, кстати сказать. Оказывается, одно время они занимались в детском ансамбле «Мзиури».

Вслед за Мананой с Марьямой стали петь их родители и родственники. Грузинское многоголосие красиво разливалось по русскому деревенскому поселку. Но никто из местных жителей бежать к их воротам не собирался, – видно, привыкли. Только сосед Петрович заглянул на минутку за стопочкой, в которой ему, естественно, отказано не было.

Молодежь потихоньку начала расползаться из-за стола, и тетя Жанна засуетилась: «Нужно же к ужину готовиться!».

– Дато, уводи своих друзей на водохранилище, а мы с Нателой тут поколдуем над праздничными блюдами, о жизни поговорим, друзей и родных вспомним.

– Колдуйте-колдуйте, – перебил ее муж, – но главное блюдо – гранд-шашлык, и готовить его будут настоящие мужчины. – Такой шашлык, такой кебаб сегодня сделаем, что все собаки из Мытищ к нам сбегутся!

Мы собрали плоды, двухкасетник, вкусный домашний

квас, чай в термосе и сладости, подождали, пока наши барышни доделают свои девичьи дела, и отправились к водоему. Шли общей толпой, разговаривали о летних планах, о Москве и, конечно, о теннисе.

Как вдруг невероятная красота открылась нашим глазам. Огромная синяя водная гладь, длинная изогнутая береговая линия с прекрасным песком, и подступающие к самой воде, деревья. Преимущественно, березы, сосны и кустарники. Такое вот красивое бело-зеленое сочетание. А, главное, вокруг была абсолютная чистота. Так местное руководство привлекало сюда жителей столицы, со временем собираясь здесь построить оборудованные места отдыха. Поэтому за прибрежной полосой следили, по крайней мере, в весенне-летний период особенно тщательно.

Расположились на пледах поближе к воде. Купаться, конечно, было еще рано, но, как водится, все сразу же разулись и полезли пробовать воду.

– Загораем, – деловито объявил Дато – Сейчас солнце самое полезное.

Недалеко загорали две девушки. Одна из них была, чудо, как хороша! Смуглая ни от загара, с превосходной фигурой и кудрявыми волосами, собранными в объемный хвост, которым она, периодически поглядывая в нашу сторону, эффектно потряхивала, как породистая лошадка. Наша мужская половина, как по команде, уставились на красивую незнакомку. Меня, вообще, завело: чуть было не пошел знакомиться.

– Так! Стоп! – приказала Ниночка, – хватит пялиться на чужих женщин, – и начала раздеваться. За ней, естественно, Оксана. Нет! Наши девушки, конечно, тоже не уступали. И купальники у них стильные, импортные. Но при интенсивных тренировках, ежедневных нагрузках в спортсменках пропадает какая-то едва уловимая часть женщины: ее нежность, ее воздушность, что ли? Или все-таки все индивидуально, на биохимическом уровне?

Марьяма и Манана в маечках и шортиках устроили беготню вдоль берега, поднимая брызги на всю округу.

– Эй, мелочь, правее возьмите. Весь плед намочили. А то сладкого вас лишу! – прикрикнул на них старший брат.

– А ты догони, – звонко засмеялась то ли Манана, то ли Марьяма.

Я улегся без пледа прямо на свежую, вкусно пахнущую, еще не пыльную траву. И сразу был атакован тружениками-муравьями и бездельниками-букашками. Земля оказалась еще холодной, не прогретой, и, подстелив ветровку, я решил сразу две проблемы: температурную и животноводческую. И неожиданно заснул. То ли на пять минут, то ли на тридцать, не знаю. Не думаю, что кто-то оберегал мой сон, все так и продолжали галдеть, просто было так спокойно у меня на душе, так тепло, что я абсолютно расслабился.

Когда очнулся, Дато и Оксаны видно не было, видимо, решили прогуляться. Исчезла и моя красивая девушка – я так и не успел с ней познакомиться! Ниночка, сестры ЭМ, как я

их прозвал, и Шмидт играли в карты, поедали сладости и, естественно, жульничали. А Ирина сидела с Николаем, обхватив руками колени. Она все-таки решилась раздеться, и теперь ее ухажеру нашлась работа – он травинкой отгонял от нее мошкарку. И, по-моему, он был счастлив! «А фигурка у нее тоже ничего, – успел разглядеть я докторшу. – Тогда в гостинице я этого не заметил».

– Выспался? – спросил меня Александр. – Сейчас доиграю, пойдем пройдемся. Поговорить нужно.

Он ловко вышел из игры и позвал меня:

– Нет! Пойдем налево, туда – Дато с Оксаной ушли.

– Налево, так налево, – промычал я себе под нос. «Что у него за секреты?»»

Мы присели на импровизированную лавочку, сделанную из половины большого ствола березы. Саша долго молчал. Сидел, ковырял бересту, кидал ее в воду и не решался начать разговор. Я взмолился:

– Да, не тяни ты, Шмидт. Хочешь уйти из спорта?

– Нет.

– Влюбился?

– Нет.

– Может, убить кого нужно?

Он помотал головой: «Нет».

– Да, говори ты уже! А то я уйду, – пришлось мне его припугнуть.

– Жень, это очень откровенный разговор. Просто у меня

и друзей, как оказалось, нет. Детдомовские – не в счет. Они, конечно, за меня на куски порвут любого, если нужно. Но в данном деле они мне не помощники, и даже не советчики. Короче, я хочу перебраться на Запад, а точнее, в Германию.

Я так и врос в березу, на которой сидел! Любой из нас мог вляпаться, и ни раз вляпывался в самую дурацкую ситуацию: чаще всех – я, реже – Николаша. Мы всегда старались друг другу помогать. Я так и думал, что у Александра неприятности такого типа. А он на Запад, оказывается, собрался. Может, поэтому и теннисом активно заниматься начал, чтобы возможность выезда была?

Во мне бушевала вдолбленная незыблемая любовь к социалистической Родине, членом которой я являлся. Как у любого парня моего возраста. Это чувство заполняло каждого из нас с раннего детства, можно сказать, с детского сада, через школу, ВУЗ и партию КПСС, куда каждый стремился вступить!

Да! Сейчас мы носили и скупали у спекулянтов импортные вещи; счастливичики отоваривались ими по блату. Нам нравилась иностранная музыка, мы мечтали о японской технике. Но уехать?

Я рвался на Запад, прежде всего, поиграть на именитых чемпионатах, попытаться выиграть. Главное, определенно, был теннис.

Хотя, мне, конечно, хотелось бы сфотографироваться на фоне известной башни Эйфеля, выпить вкусного пива, вдох-

нуть воздуха свободы, посмотреть на иностранную молодежь и необычные здания. И вернуться! Вернуться и рассказывать о Париже своим друзьям и случайным знакомым. Но остаться там навсегда?

– Саня, ты что? Тебе побед мало? Тебя зажимают? Засушивают?

– Причем тут теннис? Мне нравится заниматься теннисом. И тоже, бывает, греются мои победы. Но ни это главное! Понимаешь, Женька, я хочу обрести потерянную родню. Я же из потомственных поволжских переселенцев. Семью моего деда в двадцать четыре часа эвакуировали в Сибирь в 1941 году. А два других его брата перешли линию фронта, воевали на стороне немцев, и после нашей победы остались в Германии, в ФРГ. Деда потом расстреляли, родители погибли, а вырос я, как тебе известно, в детском доме. Потом была Москва, Институт физкультуры, теннис.

Я плохо слушал его. В голове прочно уселась мысль: «Шмидт собирается в фашистскую Германию!». Бред какой-то.

Откуда-то издали доносился его голос:

– Понимаешь, я тоже хочу родственников, их дни рождения, дни свадеб, и даже, дни похорон родных мне людей. Я хочу все узнать о своих предках.

– Да, все у тебя будет! Женишься, квартиру, как чемпион, получишь, детей нарожаешь.

– А предки, Женя? Я вырван из летописи. Мне нечего бу-

дет рассказать детям!

– Расскажешь им о Ленине, о Сталине, о Хрущеве, – связ-вил я. Ко мне начало потихоньку возвращаться ощущение реальности. – Не ты один вырос в детдоме. Подумаешь, по-томок великого немецкого рода!

Но Шмидт был серьезен, и не ответил на мою колкость. По-моему, ему надоело носить в себе это выстраданное им решение, так что мои комментарии в данный момент его не волновали. Он не советовался. Он просто посвящал меня в свою тайну.

– Ко мне зимой приезжали родственники из Германии. Долго искали меня. И нашли. Представляешь? Сами нашли! Кстати, благодаря теннису.

– И куда только смотрят наши спецслужбы? – размышлял я еле слышно.

– Я познакомился с дядей и братом. Это такое счастье! Мы встречались в Третьяковской галерее. А потом на Красной площади в Новый год. Ты ж знаешь, какая там суета! В гостиницу я к ним не ходил, хотя так хотелось увидеть фотографии.

– Слава Богу! – сказал я и насторожился. Мне послышался в кустах шорох. Бегло осмотрев окрестности, я вернулся к Александру.

– И как ты себе представляешь свое бегство? – спросил я его, хотя мой внутренний голос протестовал и советовал: «Лучше ничего не знать».

– Осенью. Когда поедем на Оупен Пари. Договорились на третий день от официального начала чемпионата. Брат меня заберет. Моя задача – вовремя и незаметно покинуть отель. Ты поможешь мне?

– Ага, щас, – вырвалось у меня. – Ты поедешь к своим фашистам жить, а я на Колыму. Хорошо, что расстрельную статью за измену Родины отменили!

– Это не измена Родине! И не продажа моего спортивно-го таланта! Я хочу воссоединиться с семьей. Если у меня будет возможность и дальше заниматься теннисом в Германии, здорово, если нет – пойду работать на АЗС.

Я все же не сдержался:

– Шмидт – ты предатель! За все время невозвращенцев среди теннисистов не было! Никто не оставался на Западе!

– Значит, не поможешь мне?

– Нет!

– Тогда, как друга тебя прошу, никому не говори об этом разговоре.

Мне показалось, что несмотря на результат, Сашке стало легче. И мы пошли назад к нашей разновозрастной компании.

Шли мимо играющих в мяч ребяташек и наблюдающих за ними двух пожилых женщин. Одна из них что-то энергично рассказывала, а другая сочувственно ей кивала: «Да. Да. Да».

Когда мы уже совсем приблизились, и сестры ЭМ бросились нам навстречу наперегонки, я тронул Шмидта за рукав:

– Можешь рассчитывать на меня.

Мы обнялись.

Подбежавшие девчонки повисли на мне, как на дереве, вернее, на моих руках, которые я предварительно поднял вверх. Пришлось их покружить, как на карусели. Тяжеленькие такие грузиночки, но столько было визга и радости, что на душе снова стало тепло. А Дато успел нас сфотографировать.

Ирина сидела одна с травинкой во рту, наблюдая мечтательным взглядом за одиноким серфингом. Серф скользил по водной глади, как неземное, но очень элегантное существо. Ира не сводила с него глаз. Или делала вид.

– Ты как? – спросил я ее, присаживаясь рядом.

– Замечательно. Спасибо, что пригласил меня.

– Скажи, а где Николай? – огляделся я по сторонам в поисках друга.

– Ушел вскоре после вас. Сказал, что ненадолго. Да вон он идет!

Николаша шел приблизительно с той же стороны, откуда пришли мы с Сашей. «Неужели пытался подслушивать?» – ужаснулся я. А у Ирины спросил:

– Как он тебе?

– Обычный парень. Очень начитанный. С ним интересно. Только он мутный какой-то, – дала характеристику моему другу девушка.

«Да, уж! Мутноват!» – согласился я с ней.

Вечер в Пирогово оказался таким же душевным и веселым, как и утро. Гранд-шашлык, получился действительно, сочный и неповторимо вкусный. Хинкали, долма, многочисленные закуски, наверное, вызвали бы проблемы с пищеварением, если бы не обильная винная дегустация. Дядя Резо не унимался, предлагая вина разных урожаев, нахваливая свои собственные способности винодела. Отойти от праздничного стола было практически невозможно.

Большинство тостов были посвящены, конечно, Давиду: его здоровью, спортивным победам, верным друзьям, семейным традициям и, желательно, скорой свадьбе. Но находились у хозяина и другие поговорки. После одной из них мы окончательно разуверились, что сможем отсюда уехать: «Приход в дом ко мне – это твоя воля, дорогой гость, а вот твой уход – моя!». Тетя Жанна, как могла, его останавливала: «Да, успокойся ты, Резо, дети же – настоящие спортсмены. У них диета и тренировки!»

Но во всей их милой перебранке чувствовались радушие, сердечное тепло и искренняя любовь не только к своим родственникам, но и к нам, тем, кто впервые переступил порог их дома.

Среди ночи я вдруг проснулся и вышел на улицу. Наверное, подсознательно обдумывал во сне то, что рассказал мне Шмидт. Вот уж никак не ожидал! «Сколько таких бессонных ночей было у него, пока он окончательно решился», – подумал.

мал я. Повисел на турнике, прошелся по большому участку, прислушался к ночным звукам и забрел в беседку.

Там, на подушках, закутанная в плед, сидела Ниночка. Пила вино и смотрела на звезды.

– Ты чего не спишь? – удивился я.

– Тебя жду, – просто ответила она.

Я внутренне содрогнулся, по телу пробежала знакомая волна, и думать расхотелось совсем. Я подсел к девушке и стал жадно ее целовать. Она отвечала страстно и нежно одновременно. Почувствовав ее возбуждение, я легонько толкнул ее на разложенные на лавке подушки и опустил бретельки девичьего сарафана. Нина выгнулась навстречу мне. Стараясь не издавать громких звуков, мы словно приросли друг к другу, жадно соприкасаясь телами, и дважды, во время обладания друг другом, чуть не свалились на бревенчатый пол. Это было чудесное завершение дня!

Москва встретила шумом, свойственной ей суетливостью и, лично для меня, ужесточением и без того тяжелых тренировок. Виктор Евгеньевич поставил меня этим летом всего на два Всесоюзных Чемпионата, объяснив это тем, что те, кому нужно, обо мне уже наслышаны, и ждут от меня результатов в Париже.

– Поэтому отвлекаться и разбрасываться теперь не будем, следуем расписаниям тренировок. Извини, на каникулы дам всего неделю.

Я стал уделять больше внимания общей подготовке и выносливости в различных ситуациях. Но главное, конечно, была игра. В тренировочных матчах проигрышей у меня практически не было. Но, помимо победной эйфории, происходило со мной что-то еще, на каком-то духовном уровне. у меня изменилось отношение к игре, я стал по-другому понимать, как бы читать теннис. Я почувствовал его философию!

В связи с изменением расписания, стал чаще видеть Жанну Александровну. Мы начали здороваться, и даже пару раз разговаривали. Мне показалось, что она стала на меня смотреть совершенно по-другому. «Может быть, стала уважать за спортивные достижения? – думал я.

Возможно, ее спокойствие и объективное ко мне отношение было связано с тем, что совсем недавно появился новый, молодой и одаренный спортсмен, который с удовольствием прыгнул к ней в кровать. Он приехал из Киева, долго в иерархиях не разбирался, но, прослышав про ее пристрастия, по-моему, сам явился инициатором их романа. По крайней мере, так говорили. Но меня это, естественно, никак не волновало.

Несколько раз мы пили кофе с Ириной Черкашиной. Все в том же кафе возле ее поликлиники. Надеюсь, что просто, как друзья. Обменивались спортивными новостями и разговаривали на разные темы.

Как-то во время наших с Ириной посиделок, я спросил

про Николая, про их отношения. Она неожиданно покраснела, но ответила:

– Мы встречались после той поездки ровно три недели. А теперь он куда-то исчез. Не звонит. А, если звоню я, ссылается на занятость.

– Хочешь, я с ним поговорю? – проявил я участие.

– Нет. Я почти не переживаю. Потому что с самого начала знала, что так получится. Ведь я отказывала ему в течение полутора лет. Видимо, Николаю нужно было удовлетворение своих амбиций.

– Тогда почему ты пошла на это?

– А потому, Евгений Александрович, что очень знатный пикник был у дяди Резо. Особенно его ночное завершение! – как-то слишком многозначительно произнесла девушка.

В тот момент я, по-моему, покраснел.

Николай сам стал от нас отдаляться, вечно куда-то исчезал, и явно не на свидания. Физиономия для свидания бывает обычно другая – предвкушающая, что ли? Не могу сказать, что он блистал на кортах. Брал свои победы точной техникой, не вкладывая душу. Но тем не менее, по рейтингу постепенно поднимался вверх: то с соперниками ему везло, то с расписанием матчей. Не то, что у меня: противники всегда сильнейшие; сетка на соревнованиях расписана непредсказуемо – то три матча в день, то ни одного! Наверное, все же Николая наверху поддерживали. За определенную работу, конечно. Мы давно с ребятами догадывались, что он сли-

вает информацию. И не только непосредственному руководству.

Короче, в то лето мы с ним мало виделись и мало общались.

Ушел в себя окончательно и Александр. Часто думая о его сложном решении, я смотрел на календарь, не только подсчитывая дни до Чемпионата, но и размышляя о последние днях моего друга на Родине, в СССР.

Лишившись Николая и Александра, лето 1986 года мы проводили с Давидом. Вернее, с ним и нашими девушками – Оксаной и Ниночкой. Мы вместе гуляли, больше посещали общественных культурных мероприятий, куда за полтора года ни разу не сходили, и не собрались бы никогда: театры, оперетта, премьеры кинофильмов. Все-таки женщины весьма обогащают мужской досуг.

После гуляний иногда разделялись на пары: по-очереди в съемной квартире девчонок оттачивали интимную сторону жизни. Не знаю, насколько серьезными были отношения у моего друга, но о свадьбе с Оксаной они разговаривали все чаще. Никаких конкретных дат пока не называлось, – думаю, это было связано с семьей Давида. Было еще совсем непонятно, получит ли он родительское благословение на брак с русской, точнее, украинской девушкой?

Что касается нас с Ниной, то, думаю, никто ни в кого не был пылко влюблен. Мы с удовольствием встречались, в том числе, наедине. Бывало, подшучивали друг над другом, ба-

ловались. В общем, хорошие были отношения. Но, прежде всего, мы оставались спортсменами, и у каждого из нас на ближайшие пять лет были свои собственные планы. Скорее всего, эту авантюру, чтобы мы с Ниночкой подружились, придумала Оксана и выгодно пристроила подружку в общество своего любимого. Было удобно и приятно проводить время вчетвером. Мы даже рискнули на совместный вояж к Черному морю в ту обещанную мне тренером неделю отдыха, выпросив у него еще два дня, предполагаемые на дорогу, поскольку ехать решили на одолженной у дяди Резо машине.

– Прости, дорогой, – говорил он Давиду, – «Волгу» дать не могу, самому нужна. А вот «Москвича» забирай, для племянника ничего не жалко!

«Москвичок», конечно, по дороге нервы нам немного подпортил своей древностью. Но мы справились. Вместо семи получилось шесть полноценных дней в чудесной бухточке под Гурзуфом в палатках, практически, как в кино «Три плюс два». Только Сундукова с нами не было.

Рассветы, закаты, рыбалка, купание нагишом, песни у костра, волейбол вместо тенниса, и милые утехы по ночам в палатках, обдуманно поставленных на разных концах нашего временного поселения. Кстати, Дато с Оксаной собирались в конце сентября в Грузию. Дело, видимо, все же шло к свадьбе. Было решено, что свидетелями у них, естественно, будем мы с Ниной, даже, если ради этого придется ехать в Тбилиси.

– Тем более, если в Тбилиси, – смеялась Ниночка.

Но об этом думать было пока рано. Все чаще я стал просыпаться по ночам от диких снов, в которых я пропускаю мяч за мячом. Или от снов, в которых Сашка Шмидт уходит с какими-то незнакомыми мне людьми. Потом оборачивается, и взгляд у него такой грустный и несчастный.

В августе оформили загранпаспорта, подали документы на визу, прослушали ни одну лекцию, организованную спецслужбами по идейно-политической стороне поездки: как вести себя в чуждой капиталистической стране; куда обратиться, если возникнет чрезвычайная ситуация. А также, о необходимости обязательно сообщить сотруднику КГБ, если кто-то из спортсменов будет проявлять прозападнические настроения и инакомыслия. Нам, как под наркозом, внушался основной главный постулат: «Сбежать за рубеж к идеологическому противнику – это предательство! Это измена Родине!»

Перед отъездом я всего на один денечек съездил в родной город. Посидел с мамой, которая очень по мне скучала, встретился с отцом, съездил поблагодарить своего первого тренера и вдоволь расслабился с ребятами, теми, кто не уехал по распределению. Но таких было мало, потому что в городе был свой фармацевтический завод и завод «Химволокно», и большинство выпускников трудоустроились туда.

Собирались опять у Антона на даче, где был знаком каждый кирпичик, каждый кустик и каждый шампур. Пили за

мои будущие победы, хотя, я изо всех сил сопротивлялся, говоря, что заранее за это никогда не пьют. Но никто не слушал, и все продолжали желать мне «показать этим французам».

– Мужики, – смеялся я, – да там ни одни французы, это же мировой чемпионат.

– Все равно, – кричал Тихон, – французам в первую очередь. Откуда у него такой шовинизм в отношении жителей Франции, мы так и не узнали.

Я предложил тост за наш выпуск в этом году. И спросил:

– Ну, что, орлы, а вы-то довольны? Как вам работается?

Ответы, совсем неожиданно для меня, были серьезные. Хотя поработать они успели всего лишь по два с небольшим месяца. Парни сразу заговорили о своих заводских проблемах: о сбыте, о недостатке, о браке, который не списывают, о несоблюдении техники безопасности, о тупом руководстве. Мне даже показалось, что мои успехи и проблемы – это всего лишь детские игры, а у них там настоящая мужская жизнь! Но я подключил философию, решив, что жизнь все и всех расставит по своим местам.

Неожиданно задержали визы. Тренеры нервничали больше нас, они прекрасно знали, что времени на тренировки получится меньше. Поэтому переживали за нас. Мы сидели на чемоданах на низком старте. Я заметил, чем ближе к вылету, тем больше уверенности появлялось во мне, тем мень-

ше волнующих снов было по ночам. Если бы ни этот упрямый Шмидт, пожелавший великого воссоединения со своей семьей! Официально чемпионат должен был открыться двадцать седьмого октября. Значит, на третий день, двадцать девятого октября, он должен просить политического убежища. Отговаривать я его уже не собирался. Меня тревожило только то, что я обещал ему свою помощь. В чем она будет заключаться, я еще не знал, и, в тайне от самого себя, надеялся на чудо. Что Сашка в последний момент передумает!

Мы прилетели в Париж поздно вечером. Было какое-то резкое похолодание, шел дождь, слегка истерил ветер. Поэтому особенной красоты я не успел заметить. Серый город, скучная Сена. Наверное, спецслужбы нарочно сдвинули наш рейс на более позднее время, чтобы вечером мы никуда не разбрелись. Правда, экскурсия по Парижу запланирована все же была. Естественно, на арендованном автобусе, чтобы мы не отбивались друг от друга, и, особенно от наших осведомителей. Но это должно состояться завтра или послезавтра, после серии тренировок.

Поездка из аэропорта Орли до гостиницы в квартале Берси заняла не более тридцати минут. Мы даже не успели прослушать всех инструкций. Одноименный Дворец спорта располагался тут же, на левом берегу Сены, в двенадцатом округе Парижа, между Министерством финансов и красивейшим парком, носящим такое же название Берси, с ударением на

последний слог. Говорили, что министры частенько ездят на работу на катере. Увидеть бы это зрелище – высадка министров на работу!

Стадион был открыт совсем недавно, пару лет назад, и его сразу облюбовали теннисисты, которые предпочитают корты закрытого типа с хардовым покрытием. Что ж, уже завтра мы это почувствуем сами! «И покажем этим французам», – вспомнил я слова своего однокурсника.

Меня поселили в номере с Николаем, а Давид составил компанию Шмидту. «Слава Богу, – подумал я, – хоть выплусь спокойно. – Не буду детали его побега слушать». Мы поужинали и разошлись по своим номерам. Настроение было, конечно, боевое, но шутить и разговаривать особенно не хотелось. Даже Дато не причмокивал языком, когда мимо проходили француженки.

Женщин, вообще, было мало. А из нашей делегации – все те же достопочтенные барышни: Жанна Александровна, доктор Черкашина Ирина и еще одна тренер, Маргарита Вячеславовна. В этой гостинице, в основном, селились спортсмены – мужчины, так же, как и мы, прилетевшие в первый раз на Чемпионат «Оупен Пари». Настроены все были доброжелательно, никаких выпадов в сторону советских спортсменов мы не ощущали. Все спокойно и по-деловому.

На следующий день была проведена жеребьевка, вывешена основное расписание Чемпионата. У меня в первые два дня соревнований, при хорошем раскладе, должно было

быть четыре матча, а первым противником – достаточно известный португалец. Именно этот первый матч мне и запомнился больше всего. Был настолько безнадежный для меня первый сет, что тренер мой, Виктор Евгеньевич, в отчаянии махнул рукой и сел. Хотя до этого он стоял, даже бегал, подавал мне какие-то знаки и что-то кричал. И так меня это разозлило, что сыграл я в итоге 2:1 в свою пользу! Это была первая победа! Я сразу заявил о себе и своих возможностях!

Следующая победа получилась уже практически сама собой – я вошел в кураж! Меня поздравляли окружавшие меня спортсмены. И свои, и незнакомые.

«Неизвестный новичок из глубин мировой классификации одержал две блистательные победы», – слышалось от комментаторов. В общем, в первый день я отличился! А после второго уже было понятно, что я прохожу в 1/8 финала. И это было очень перспективно. Я был удовлетворен собой. Впереди были еще пять дней соревнований.

Мы посидели с парнями в местном баре, поделились первыми впечатлениями. Уйти далеко от гостиницы или тренировочного центра нам не разрешали. Повсюду шныряли наши сопровождающие. О каждом шаге, о каждом разговоре было известно в стране в тот же час, а, может быть, даже в ту же минуту. Может быть, их опасения были и не напрасными, потому что пару раз возле гостиницы я видел подозрительных личностей, которые так и вертелись возле советских спортсменов. В руках у них были, по-видимому, бумажки

с телефонами иммиграционных служб. Удивительным было то, что великих спортсменов среди нашей Сборной еще не было, но желание кого-нибудь переманить все равно не покидало западные спецслужбы. Наверное, в идеологической борьбе я ничего не понимал.

А вот экскурсия мне понравилась, хотя мы выходили из автобуса всего на несколько минут, только, чтобы сфотографироваться. Но даже через окна нашего «Икаруса» мне удалось почувствовать, что каждая улочка, каждый дворик пропитан чарующей французской романтикой, особенным шармом и гордостью. Недаром Париж всегда привлекал художников и поэтов, музыкантов и писателей. И безумно счастливых влюбленных всех времен и народов!

Мы увидели знаменитые символы Франции: Эйфелеву башню, Наполеоновскую Триумфальную арку и, полные величия, Елисейские поля. Оставили свой след возле восхитительного собора Нотр-Дам де Пари и на широкой многоярусной лестнице, ведущей с вершины Монмартра. Но больше всего меня поразили люди: медлительные, спокойные, очень приветливые. Со всех сторон только и слышалось «бонжур, мадам» и «бонжур, месье». Они неторопливо ходили по улицам родного города, выгуливая маленьких собачек, сидели за нарядными столиками в бесконечной череде кафе и ресторанов прямо на улицах. Девушки подолгу что-то обсуждали, стоя у витрин магазинов и обсуждая манекенов в изысканных нарядах, а мужчины небрежно облакачивались о свои

дорогие яркие машины и придирчиво разглядывали проходящих женщин, причем, всех возрастов.

Когда я в очередной раз вместе со всеми вышел для фотосессии из автобуса, а было это на смотровой площадке перед Эйфелевой башней, ко мне вдруг подошла Ирина и попросила:

– Жень, давай вместе сфотографируемся.

Я обнял ее, подозвав Давида на помощь. И получилась очень неплохая фотография. Практически, влюбленная пара. Париж как-то неуловимо призывал к любви, к романтике, к поэзии и цветам. И все это непременно должно разбавляться кофе, ароматом которого пропахла даже набережная реки Сена.

Обо всех впечатлениях мы с ребятами и разговаривали во второй вечер после открытия Чемпионата. Сетовали, что не было возможности купить сувениры и хоть что-то из вещей. Досмотр спортсменов у нас на таможне оставался пристрастным, но для себя импортные товары провезти было можно.

– Рядом с гостиницей, между двумя станциями метро, есть неплохой торговый центр, там все есть, – уверенно сказал Николаша. – Минут десять пешком. Давайте завтра вечером сходим.

С его предложением согласились все.

Сидеть сегодня решили недолго. Пиво и кофе оставили на потом, а чокались бокалами с газировкой и соком. Гости были за нашу команду, за дружбу, за женщин.

– А давайте за нашу Родину, – вдруг слишком пафосно произнес Шмидт, да еще и встал. Я похолодел. Ребята, конечно, тост его поддержали, кто-то даже тихонько начал первые строки гимна напевать «Союз нерушимый...», а вот Николай очень подозрительно посмотрел сначала на меня, потом на Сашку. Или мне показалось?

После этого, сидевший за соседним столом Виктор Евгеньевич, менее торжественно закрыл наше собрание и разогнал всех по номерам. Мы с Александром переглянулись и вышли на веранду. Она была просторная, без диванов и кресел. По периметру очень оригинально были расставлены большие напольные вазы с осенними цветами. Свежий ветер трепал наши волосы и заглушал слова. «Для шпионских переговоров – самое лучшее место», – подумал я про себя, а вслух произнес:

– Ну, что, ты не передумал? Завтра отчаливаешь?

После майского разговора на водохранилище мы ни разу не говорили на эту тему. Сашка ответил, не задумываясь:

– Да. Брат будет ждать меня на станции метро. Не Берси, а чуть дальше – на Кур-Сент-Эмильон, как раз рядом с супермаркетом. Давай держаться вместе. Зайдем в магазин, а оттуда я как-нибудь скроюсь. Надзиратель наш тоже, наверное, отовариваться будет. Но, думаю, он там не один будет. Нас пасут. И конкретно. Главное, если к тебе вдруг потом подойдут и спросят, где я? Ты должен направить их в другую сторону. Мне нужно будет буквально десять минут.

– Ты же меня подставляешь?

– Жень, никто и никогда не докажет, что ты что-то знал.

Мы друзья, мы просто вместе шли. На твоём месте мог быть и Давид, и Николай. И любой другой парень из сборной. Ведь так?

У меня не было для него слов. Я не знал, что ещё ему можно сказать?

– Только десять минут, – повторил Александр. – Прикрой, пожалуйста.

Мы молча поднялись на лифте на двенадцатый этаж и отправились по номерам. Руки почему-то я ему не подал.

А ночью мне неожиданно приснилась Мария Агеева. Она подбежала ко мне очень взволнованная и, задыхающимся от быстрого бега голосом, прошептала: «Евгений, не нужно!»

– Что? Что не нужно? – спрашивал я.

– Ничего, – вдруг ответила она, – уже поздно. – И медленно, не оглядываясь, пошла прочь. Между прочим, к Эйфелевой башне, вдоль моста, мимо смотровой площадки, на которой я вчера фотографировался с Ириной.

«Мое сердце жаждет любви, – решил я. – А, может быть, девочка Маша тоже меня вспоминает»? Во сне она была очень красивая: в белоснежной блузке, голубых джинсах и с ярко-красной сумкой с золотыми замочками в виде сердечек. Я очень явственно запомнил эти сердечки, сверкающие на солнце.

Третий день чемпионата я немного завалил. Все же пре-

ступное предприятие Шмидта на меня подсознательно действовало. Я остался в одной восьмой, и на следующий день был уверен, что войду в четвертьфинал. Пока все спортсмены будут ошарашены мотивами Сашкиного поступка, – все-таки не рядовой случай, – я «под шумок» всех, кого нужно, обставлю. Для меня-то его побег новостью не будет! Главное, чтобы все прошло гладко и правдоподобно.

Вечером мы с ребятами отправились в торговый центр. Дорога заняла совсем немного времени, и была бы скучной, потому что шли мы по обычной, ничем не привлекательной улице с частными домами. Но парни прямо возле гостиницы увидели на земле в пожухлой траве теннисный мячик. Как он сюда попал, было известно, но маленький тугой шарик скрасил нам путь. Мы, как дети, пасовали его, естественно, ногами, друг другу, стараясь, чтобы не упустить на дорогу. Талантливый человек талантлив во всем!

– Может, на Чемпионат мира по футболу потом махнем? – пошутил Дато.

– Первый класс, вторая четверть, – съехидничала Жанна, которая вместе с Маргаритой тоже увязалась с нами. Ирины, почему-то не было.

В магазине далеко друг от друга мы не отходили, советовались в выборе джинсов, французских духов и мелких сувениров. Сашка, оглядевшись по сторонам, тоже совершал какие-то покупки. Мне казалось, что он не соображает, что

делает. Ведь собирался же уходить налегке! Или от избытка голова поехала? В его пакете уже были джинсы, куртка, электробритва, мужской парфюм. Потом он зачем-то купил шарф, красивый пушистый, из альпака. Я купил только духи для мамы и джинсы для себя.

Расплатившись, мы стояли в холле, ожидая других, а Шмидт одновременно пытался сориентироваться в выходах торгового центра. Потом, Саша вдруг толкнул меня локтем и кивнул на туалет, обозначенный буквами WC . Зашли. Он, весь нервный и взмокший, говорит:

– Слушай, по-моему, два мужика, что на нас смотрели, – из Москвы. Они были на последней лекции по безопасности, когда мы бумаги подписывали.

– Да, не придумывай, – успокоил я его. – Откуда им здесь быть?

– Жень, положи все мое барахло в свою сумку – не буду ничего брать. Я первым сейчас выйду и пойду к правому выходу. Если что, скажешь, что я на лифте на второй этаж поднялся – купить спортивный костюм. Пока подождете, пока поищите, время и пройдет.

Мы обнялись. Но выйти он никуда не успел. Потому что в туалет вломились сразу четыре человека. И тех двух из Москвы я сразу узнал.

«Ошибка резидента», – почему-то всплыло в сознании. – Кто нас сдал? Что будет Сашке? Не затронет ли эта история меня? Но еще раньше я однозначно для себя решил, в случае

его провала, ни в чем не сознаваться! На первый взгляд все реально: откуда мне знать, что в голове у Шмидта? Какие планы? Просто случайно оказался рядом.

Я еще не осознавал той ситуации, куда влип по милости своего друга. Упирающегося Сашку вывели в коридор. Ребята потом рассказывали, что он вырвался и пытался убежать, махал своему брату, спешащему ему навстречу. Это, конечно, было его ошибкой.

Больше я Шмидта никогда не видел.

Один из оставшихся в помещении соотечественников обратился ко мне:

– Сумка Ваша? Берите. Выходим.

Парни из Сборной в недоумении следили за нашими передвижениями. Нас посадили в разные машины, и допрашивать повезли, как я понимаю, тоже в разные номера. Сколько же их здесь было зарезервировано, этих номеров, для наблюдателей?

Со мной беседовали трое. На протяжении, наверное, пяти часов. Это были и угрозы, и просьбы, и шантаж, и деловые предложения. Я не знаю, как бы я себя повел, если бы они с самого начала вели честную игру, а то одни уловки, хитрости, и, притянутые «за уши» факты.

Пожилой седой подполковник, как только мы зашли в номер и расселись согласно рангам и их удобству разглядывания меня со всех сторон, наглым утверждающим тоном

заявил, что я хотел остаться во Франции вместе со своим инакомыслящим дружкой Шмидтом! Недаром в моей сумке столько личных вещей.

От такой наглости, не то, что адвоката потребуешь, Все-вышнего в свидетели попросишь явиться. И он, Бог, слава Ему, меня не забыл: через час препирательств, сверки фактов и свидетельских показаний, эти обвинения с меня были сняты. Видимо, это была инсценировка – напугать меня, чтобы я, расслабившись, дал показания против Александра.

И на повестку дня уже «под протокол» вышел другой пункт этой же статьи №64 УК РСФСР – о пособничестве изменнику Родины. Поэтому следующие три с половиной часа мы о этом и вели беседу всеми выше названными способами. Я категорически стоял на своем: «О замыслах Шмидта мне ничего не известно! Мы дружили вчетвером».

И периодически добавлял: «Это провокация: как против меня, так и против него. Решили убрать сильных спортсменов с Чемпионата!»

Я был достаточно спокоен. Говорил, глядя прямо в глаза старшему по званию. Вернее, не говорил, а постоянно повторял одно и то же. Только раз сжалось сердце, уже в самом конце разговора, когда тот, кто представился мне подполковником Миркиным, пренебрежительно сказал:

– Ваш вчерашний разговор с Александром Шмидтом на веранде был услышан бдительными гражданами. Хорошо, что вовремя. И мы успели не позволить вам осрамить имя

нашей Родины и честь советского спортсмена!

«Вот Николай стукач! Еще другом назывался! Убью!» – подумал я и вслух произнес:

– Попрошу очную ставку: кто и что слышал? Мы, действительно, выходили с Александром на веранду, полюбоваться стадионом – уж очень он напоминает гору.

– Будет Вам очная ставка, – пообещал седой. И обращаясь к подчиненным, добавил: «Все. Уводите. Пусть собирает вещи. Для него соревнования закончились!»

В сопровождении белобрысого парня Степана, который был с нами с самого первого дня поездки, мы спустились на мой этаж. Он заглянул в номер, и, увидев, там Николая, сказал ему:

– Хорошо, что ты здесь. Пусть этот, – он кивнул в мою сторону, – собирается, я найду за ним через пятнадцать минут. Только дверь запру снаружи, чтобы не сбежал.

Как только повернулся в замке ключ, и затихли шаги моего сопровождающего, я набросился на Николая:

– Ах, ты, Иуда! Как только тебя земля носит, – кричал я, избивая его. Ел-пил из одной тарелки, в глаза, юродивый, заглядывал! Другом себя называл!

Если честно, я никогда не умел драться. Просто я всегда был выше сверстников, и никто ко мне обычно не приставал. Дрался я только однажды, лет в семь-восемь, когда старшие ребята разломали из зависти мой новенький велосипед. Я накинулся на них с такой силой и злостью, держа в руках

руль от велика, что взрослые еле оттащили меня от них. И досталось пацанам тогда серьезно: все в травмпункт ездили раны залечивать. А причина моего бешенства была в несправедливости!

То же испытывал я и сейчас! Ну, почему? Почему? Если он все знал, почему не помог убедить друга не делать этого шага? Почему главным для него оказалось – вовремя наступать?

Николай пытался что-то сказать, практически не защищаясь, но я не останавливался и не слушал его. На мой крик прибежали Степан и Ирина, и еле оттащили меня. На Николашу было страшно смотреть – он был весь в крови. Помогая, я сломал, ему нос. Но мне не было его жалко.

Измазанными руками я собирал свои вещи, пока Ира перевязывала моего теперь уже бывшего друга. Потом повернулась ко мне:

– Давай руки обработаю, – а затем, низко склонившись над ними, еле слышно сказала, – это не он. На тебя Жанна донесла. Сказала, что вы со Шмидтом задумали побег. Ты под раздачу бы не попал, если бы ни ее донос. Следили только за Сашкой. Давно. Я не знаю, в курсе ли был Николай.

Ах, вот оно что! Месть тренера догнала меня спустя полгода. Что ж, как говорится, это блюдо должно подаваться холодным. Чемпионаты, и, по всей вероятности, спорт – для меня закончились!

В Москве все то время, что продолжались допросы, я находился в следственном изоляторе. Не очень элитное место. Но со стороны сокамерников, по крайней мере, прессинга не было. Его хватало на допросах.

Прилетели наши спортсмены с Чемпионата. Их вызывали по одному в качестве свидетелей. Судя по нарастающей недоброжелательности следователя, ребята говорили обо мне хорошо. Да потом еще пришла положительная характеристика от главного тренера нашей Сборной. Всеобщее мнение было однозначное: «Не мог Макаров помогать Шмидту в его желании остаться на Западе! Шмидт всегда темной лошадкой был! А Макаров – свой, простой, советский. И к маме очень привязан».

И вот настал светлый час и последний козырь – Жанна Александровна. Не знаю, какие она раньше давала показания, но очная ставка решила все. Когда меня привели, она уже сидела в кабинете, в ее глазах замелькали злорадные огоньки, едва она меня увидела. Она торжествовала.

Думаю, что там, в отеле, все было следующим образом. Ее удивил последний тост Шмидта о Родине, никогда до этого особенным патриотизмом не отличавшегося. Может, увидела наши взгляды и то, что мы уединились на веранде. Рядом ее однозначно быть не могло – одни цветочные вазы стояли вокруг.

Следователю она рассказывала, конечно, полную ересь о том, как на ее глазах зрело наше антисоветское решение, как

она слышала прозападную пропаганду из моих уст. Выслушав ее, подполковник кивнул и спросил у меня, есть ли вопросы к свидетелю?

– Да, – твердо ответил я. – Есть один вопрос и несколько комментариев.

– Говорите, – кивнул тот.

– Скажите, Жанна Александровна, а кто еще слышал о моих антисоветских разговорах в Москве и о конкретных намерениях остаться в Париже?

– Не знаю, – вызывающе ответила она. – Нужно поспрашивать. Наверняка, слышали!

Тогда я объяснил следователю о предвзятом ко мне отношении тренера Гончаренко Ж.А. с конца 1985 года, когда ее бывшего любовника Григория Анненкова ни за что выгнали из Сборной, а я в течение полугода категорически отказывался занять его место в ее постели.

– Это, – завершил я свою унижительную тираду, – могут подтвердить десятки человек. – Поэтому все, рассказанное этой женщиной, – ложь от начала и до конца. Сочинив донос, она хотела мне таким образом отомстить. И запутать следствие.

Думаю, что Жанетта не ждала такого ответа. Что ж, спорт – есть, спорт. В данном случае получился бокс. Нокаут.

Отпустили меня еще через два дня. Но, предварительно, собирались передать дело в другие органы правопорядка.

Мне вменялась спекуляция (в сумке было много иностранных вещей – мои и Сашкины – те, которые он мне отдал в туалете). И, кроме того, я должен был ответить за жестокое избиение Николая.

На этот раз разобрались быстрее: то, что вещи покупал Шмидт, подтвердили несколько человек, а Николаша почему-то вдруг в последний момент забрал заявление. Так что состава преступления не было.

Но и желания жить дальше тоже: я прямым ходом, на сверхзвуковом самолете совершил беспосадочный перелет с небес на землю!

– Ничего, Жень, – успокаивал меня тренер, – скажи спасибо, что все так закончилось! Вон у Шмидта все еще в разгаре! Говорят, суд все же будет. За попытку. Ну, и дисквалифицируют, конечно. Показательно. На всю страну. О твоей дисквалификации никто не заикался, но пару лет о международных Чемпионатах придется забыть! Не выпустят, хоть первой ракеткой СССР станешь! А я что? Я от тебя не отказываюсь, – продолжал он, разминая плечи. – Тренируйся. Жди. Все забудется. Но как ты португальца порвал – это было красиво, ей, Богу!

Я слушал его не очень последовательную речь и хотел верить, что все забудется. Но на тренировках не игралось, а после них хотелось выпить все чаще и чаще. Я ушел из общежития, тем более, что Шмидта там теперь не было, Ни-

колай тоже куда-то съехал, а Дато и Оксана без моего, к сожалению, участия справили шикарную грузинскую свадьбу на благословенной земле. И проживали теперь временно в малосемейном общежитии. Ниночка, за мое такое короткое отсутствие, нашла себе нового кавалера и сожительствовала с ним в их с Оксаной старой квартире. При встрече со мной совершенно спокойно сказала, что встречаться мы больше не будем, поскольку, когда она ехала из Тбилиси со свадьбы молодой семьи Лалуашвили, она познакомилась с потрясающим мальчиком.

Увидев, что я не расстроился, она чмокнула меня в щеку и исчезла из моей жизни. А я остался один во всей Москве. Снял квартиру в отдаленном районе, специально, чтобы тратить на дорогу, как можно больше времени. Жутко захотелось бросить все и вернуться домой. Но каждый понедельник я собирался и упорно ехал на тренировку.

Накануне Нового года было несколько соревнований. «Вот он – шанс, используй его, начинай все сначала. Ты же сильный, упрямый! Докажи всем, кого они потеряли», – твердил я себе. Но не шло! Никак не получалось! Во мне самом пропал азарт, исчезла легкость. Я впал в ступор. Пару раз заявлялся на тренировки пьяным. Предупредили, что третий раз будет последним.

Шел разгар Горбачевской антиалкогольной кампании, принимались жёсткие меры против распития спиртных напитков в общественных местах. А пойманные в пьяном виде

граждане имели серьёзные неприятности на работе. За употребление спиртного на рабочем месте – увольняли с работы и исключали из партии. Ну, я и попал «под раздачу» в середине января 1987 года. А, может, я этого добивался?

«Национальная сборная СССР навсегда лишилась перспективного теннисиста – одноразрядника Макарова Евгения», – сказал я, подписывая заготовленное заранее заявление. Главный тренер молчал, и я понял, что от меня все равно бы избавились, бил бы я или не бил. Мое парижское происшествие забыто не было.

Но уйти из спорта сразу было невозможно. Физически. Организм привык к нагрузкам и определенному режиму. Поэтому я устроился преподавать в Детскую юношескую спортивную школу. Зарплата была небольшая, но я вел сразу несколько групп, и был занят все дни, даже выходные. Думаю, что именно мальчишки меня и спасли. Их огоньки в глазах, азарт и рвение, их ежедневное сравнение «Евгений Александрович, а кто лучше?», их детские разборки в раздевалке – все возвращало меня к жизни.

Однажды, в начале марта, они напросились со мной сходить посмотреть, как тренируются спортсмены Сборной. Я договорился с Евгеньевичем на несколько человек, а притащил с собой целую ораву мелюзги – никому не смог отказать. Их радости не было предела!

И вот, когда я сидел и смотрел на бывших коллег, а на душе было тихо и спокойно, я понял: «Прошло. Боль отступи-

ла». Уход из большого спорта оказался благом. Иначе я бы всю оставшуюся спортивную жизнь стремился бы не к победам и медалям, а старался бы доказать свою невиновность. Останусь ли я тренером, я еще до конца не решил.

Мы так разбаловались с ребятами возле стадиона, что я поскользнулся и упал прямо на порожках. Первые несколько минут ничего не чувствовал. Дети, смеясь, поднимали меня, как могли. Да я и сам смеялся над собой. А потом вдруг такая боль прострелила, что я чуть не заорал на всю улицу. И, стиснув зубы, снова упал. Кто-то вызвал «Скорую». Знакомые парни помогли вернуться в вестибюль. А со второго этажа по главной лестнице уже неслась ко мне Ирина Черкашина.

– Давай посмотрю, – не здороваясь, приказала она. Закачала мне брючину, осмотрела голень, под мои, уже нестерпимые крики, – и констатировала. – Перелом, Женька. Однозначно.

Два с половиной месяца... Два с половиной месяца моей жизни стоила мне возня с моими подопечными около стадиона. Только, пройдя через сложную операцию, бесконечные процедуры, растяжки и обучение ходьбе заново, – сначала с двумя костылями, потом с одним, – я вернулся к нормальной ходячей жизни.

Когда меня выписывали из больницы, идти мне было

некуда – от съемной квартиры, пока лечился, я отказался, и Давид перетащил мои вещи к себе в общежитие под недовольные возгласы Оксаны, которая уже ждала ребенка, и была всегда «не в духе». Но не из-за беременности, как говорил Дато, а из-за спортивной карьеры.

Выписали меня так неожиданно, что к ним в малосемейку я даже проситься не стал. Квартиру на костылях быстро не снимешь. А уезжать из Москвы пока не советовали. Наблюдаться нужно было у оперирующего меня хирурга. Вот тут на помощь неожиданно пришла Ирина. Она часто проводывала меня в больнице. Пыталась приносить домашнюю еду, но я отказывался.

– Приноси, приноси, хорошая, – хохотал мой сосед по палате, – мы здесь все употребим.

Я очень хотел держать дистанцию с ней, но не получилось.

– Жень, поживи у нас. Комната свободная есть. Да, не волнуйся ты. Отец сейчас в отпуске, все время дома. Так что все будет прилично.

– Прилично что?

– Ну, в смысле, никто никого компрометировать не будет.

– А! – протянул я. – Ну, тогда поехали.

А про себя добавил: «Все равно другого варианта нет».

Кстати, отец Ирины мне очень понравился. Я мог быть его коллегой, если бы свой ВУЗ закончил, а не поехал в Москву за славой.

Мы сразу с ним подружились. Работал Василий Алексеевич главным инженером фармацевтического завода, расположенного в ближнем Подмосковье. И, первый раз, как он объяснил, за последние пять лет, действительно, находился в отпуске. Но не в санатории, а дома, под присмотром.

– Дочка настояла, – сетовал он. – Решила подлечить мое сердце. А у меня его и нет, сердца-то!

– Как это нет? – удивился я.

Василий Алексеевич встал, сходил в свою спальню и принес портрет очень приятной молодой женщины.

– Вот, как Валюши не стало, так и мое сердце перестало биться, – грустно произнес он. – Не дай Вам, Бог, Женечка, встретить такую любовь – одну единственную на всю жизнь. Не дай, Бог, – повторил он, качая головой. – Все лучшее в нашей жизни покупается ценой великих страданий!

– Пойдемте ужинать, мужчины, – позвала нас из кухни Ирина. – Рыба получилась изумительная!

Кроме физиопроцедур и массажа, я придумал свой комплекс упражнений. А, когда врачи разрешили наступать на больную ногу, добавил полноценную нагрузку. Поначалу было больно до слез, потом – ничего, втянулся. Занимался по пять часов в день. Уж очень костыли надоели, хотелось быстрее вернуться к нормальной жизни. «А к спорту?» – спрашивал я себя. И не отвечал.

Ира, нужно отдать ей должное, помогала мне, как могла.

Во время болезни пришлось рассказать маме, что ушел из Сборной, что сломал ногу. Она, конечно, сразу же приехала, привезла деньги, которые они собрали с отцом, потому что мои сбережения совсем закончились, а жить за счет приютивших меня людей, я не мог.

С Василием Алексеевичем они быстро нашли общий язык, вспоминали шестидесятые годы и свою молодость. Мама провела в Москве три дня, а потом, выманив меня на улицу, устроила серьезный допрос. И мне пришлось рассказать про историю со Шмидтом, о том, что назад в спорт мне дороги не было. Ни возможности, ни желания, ни, теперь вот, здоровья!

– Ну, значит, так тому и быть, – констатировала мама. – Возвращайся в институт, доучись. Сразу после получения диплома Василий Алексеевич возьмет тебя к себе на завод. Мы с ним уже об этом поговорили.

– А еще о чем Вы с ним поговорили? – ехидно спросил я ее. – Уж не поженить ли нас решили?

– И решили! Чем вы друг другу не пара? Ирочка – прекрасная девушка, специалист хороший. И хозяйка неплохая.

– Мам, я не люблю ее!

– Много толку от той любви! Вот у нас с твоим отцом тоже любовь была...

– Ой, не начинай, пожалуйста. – Мне не нравились темы про их развод. Я очень тогда переживал. – Но первая часть разговора принимается. Я возвращаюсь домой!

1 мая мы с Ириной решили сходить на демонстрацию. Гуляли, в общей сложности, часа четыре. Москва была празднично украшена. На улицах полно народа: ветераны при полном параде; веселые компании с транспарантами и шариками; дети с родителями; одинокие парочки. И все это время я обходился без костыля. Шел обратно, правда, сильно хромая, но был жутко собой доволен! Настроение было прекрасное.

Я уже мысленно рисовал себе возвращение в свой город. Я, оказывается, очень скучал, по нему. По всей вероятности, я свернул на своем жизненном перекрестке ни в ту сторону. А Всевышний вовремя меня остановил. Хотя с ним у меня отношения были сложные. Но они точно были! Я это ни раз чувствовал.

Незаметно подошли к дому. Настроение было чудесное – давно я не был на таком подъеме! А около подъезда вдруг накатило основательно. Я схватил Ирину на руки и немного покружил.

– Спасибо тебе за все. Я – твой должник навеки.

Мимо проковыляли две бабульки-соседки. Одна другой сказала достаточно громко: «Квартирант! Квартирант! А оно, вон, что делается!»

Мы понимались на лифте и хохотали. Потом Ира неожиданно меня поцеловала. Все бы, наверное, этим и закончилось, но Василия Алексеевича, как на грех, не оказалось до-

ма.

Поэтому продолжение последовало незамедлительно. Что мне в голову ударило? Не знаю! Но Ирка в тот день была такая милая, такая весенняя, что стало мне с ней так легко и хорошо, как давно уже не бывало! Когда мы ввалились домой, она налила мне прохладного вина, включила музыку, слегка толкнула в кресло и уселась на мои колени. С ней было очень приятно целоваться. И я не остановился. Если честно, даже и не попытался! Мы перешли в спальню, на ходу раздевая друг друга. И все произошло так быстро и без прелюдий, что, отдышавшись, Ира засмушалась и быстро оделась. Вслед за ней я тоже натянул джинсы.

Чтобы скрыть неловкость, мы неожиданно разговорились: о детстве, о друзьях, и, конечно, о теннисе. Но второго порыва навстречу друг другу больше не возникло.

Ближе к вечеру вернулся от родственников Василий Алексеевич. Пока он разувался и шуршал в коридоре газетами, мы успели разбежаться по комнатам.

– Эй, молодежь, – зашумел он, – почему меня никто не встречает?

Ирина вышла ему навстречу, потягиваясь, будто только проснулась:

– Привет, папочка. Я заснула после прогулки, а Женя, наверное, занимается. Сейчас посмотрим. – Она постучала ко мне в комнату, где я, опустошенный физически и эмоционально, лежал на диване. – Нет. Евгений тоже, оказывается,

задремал.

– Я принес нам торт. Любимый «Ленинградский», – сказал Василий Алексеевич, – давайте поьем чайку. А нам с Женей можно и по рюмашке за праздник!

– Даже нужно, – я с удовольствием присоединился к чаепитию.

Был первый час ночи. Я лежал у себя в комнате и явственно ощущал, что Ирина не спит, а ждет меня. Я давно понимал, что нравлюсь ей. Одно только ее противостояние железной Жанетте многого стоило. Ведь не побоялась стать у нее на пути! Я замечал вспыхивающий свет в Иркиных глазах, как только я выходил по утрам из своей комнаты, как ловила она каждое мое слово и оправдывала каждый поступок. Мне нужно было бежать отсюда раньше! Не надо было давать ей надежду. Как же я сегодня не сдержался?

Если б это был просто случайный роман, я бы не переживал: встретились, переспали, разошлись – бывало у меня и так. И не раз. Но Ира столько для меня сделала! Не хочется ее обижать. Поиграть и бросить, как поступил с ней Николай? Не могу! Кстати, он и оказался ее первым суженым-ряженым!

У нас, определенно, не может быть будущего. Я не вижу ее в качестве своей спутницы жизни. А мой сегодняшний порыв был очень большой ошибкой! Она и сама, наверное, это поняла – ничего не сказала о своих чувствах, как будто понимала, что мне нечем ей ответить.

Но я все же встал, походил по комнате, посмотрел на звездное небо через балконную дверь. Даже подошел к двери и дотронулся до ручки. Но не вышел. Вернулся на диван, стараясь не издавать никаких звуков.

Хотелось бы, конечно, очень хотелось сейчас держать в своих объятиях женщину – единственную, любимую, желанную. Но ею не могла быть Ирина!

Через неделю я вышел на работу и сразу написал заявление. Меня попросили доработать май, чтобы дать замещающему меня сотруднику отгулять отпуск. Пацаны из моих групп так обрадовались моему возвращению, что я не мог сразу им признаться, что скоро их бросаю насовсем. Было, конечно, немного грустно, но уже не больно. Я смотрел, как они повзрослели за полгода и во многих видел потенциальных победителей. Пусть у них все получится! И пусть их игра будет честной и правильной!

С Ириной мы вернулись к прежним отношениям, делали вид, что ничего не произошло между нами. Переживали, конечно, оба. Я чувствовал себя скотиной, а она, наверное, страдала. Поэтому я решился с ней поговорить откровенно о том, что сожалею о случившемся, но не могу предложить ей больше ничего. И чтобы не смущать ее, я решил, на этот, мой последний месяц в Москве, снять другую квартиру. В июне я уеду домой.

Мы сидели с ней на уютном балкончике, куда вытащили маленький столик с табуретками. Пили кофе, разговаривали, смотрели сверху на их очень уютный двор – в меру тенистый и солнечный одновременно. Цветочные клумбы, лавочки и красиво разрисованная детская площадка. Как будто это не центр Москвы, а дворик провинциального городка.

– Я не сожалею, – просто ответила Ирина. – Только прошу – поживи с нами до отъезда. А то отец не поймет, обидится.

– Хорошо. А ты – не кисни, пожалуйста. И, вообще, пойдем вечером куда-нибудь ходим. В кино, что ли?

Месяц пролетел очень быстро. Я много работал, и только за три дня до окончательного увольнения объявил ребятам, что покидаю спорт навсегда! Потом, правда, пожалел. Не нужно было им знать подробности. Такое глубокое разочарование я прочел на их лицах! Как будто мгновенно из кумира я превратился в обыкновенного учителя физкультуры. Или у меня мания? Но не хотелось их обманывать. Правда всегда лучше, какой бы горькой и неожиданной она не была! Пусть будут готовы к жизни и ее судьбоносным поворотам.

Съездил проститься в Сборную. Встретили, на удивление, тепло. Несколько раз услышав слово «зря», чуть было не пустился в самобичевание! Но потом лицом к лицу столкнулся с Жанной, издали увидел Николая – и «как рукой сняло». Пусть я сам виноват в истории со Шмидтом. Не смог отка-

зять ему в помощи. Но для Родины я хотел завоевывать медали и Кубки, и ни в коем случае не предавать ее! А меня выставили Иудой!

Вместо спорта, по существу, получилось, как на базаре: доносы, наветы, да еще половые принуждения! Эта грязь не для меня! Я всегда за честные отношения: и в общественной, и в личной жизни!

Ирине я тоже не оставлял надежды. Хотя видел, что она до сих пор надеется. И всегда надеялась, что мы будем вместе. Чувствуя себя виноватым, я старался подарить ей немного тепла в этот месяц. Мы много гуляли, ходили на выставки, в театр, ездили в Царицыно, встречались с Дато и Оксаной. Но в интимные отношения больше ни разу не вступали, какой бы милой она вдруг мне не казалась. Ну, не мог я с ней не по-честному!

На один из субботних вечеров я купил билет на поезд. Хотел, чтобы Василий Алексеевич был дома, и мы все вместе отметили мой отъезд. Так мы и сделали: выпили его элитного коньячку, поговорили о грядущих переменах в экономике, о развитии фармацевтической промышленности в России и ее соответствии Западным стандартам.

– Ты, давай, заканчивай побыстрее, – напутствовал он меня, – и возвращайся. К этому времени мне будут нужны достойные проверенные кадры.

– Спасибо за предложение, – искренне поблагодарил я его. – Только, – я немного помедлил, – мы с Ириной реши-

ли остаться просто друзьями. – Вы, наверное, мне это, как будущему зятю, предлагаете?

Алексеевич покачал головой, потом на мгновение погрузился в свои мысли. Наверное, жену, как обычно, вспомнил. Тяжело вздохнул и ответил:

– Скажу честно, я, конечно, надеялся. Тем более, что она к тебе, по-моему, весьма расположена. Но раз с твоей стороны любви нет, на «стерпится-слюбится» лучше не рассчитывать. Только жизнь друг другу переломаете! Как решили, так решили. На мое предложение о работе это никак не влияет.

Мы еще раз выпили уже без тоста – каждый о своем, и я отправился в комнату к Ирине попрощаться. Она лежала на кровати на животе, подняв ноги вверх, что-то увлеченно читала и улыбалась. Увидев меня, резко захлопнула книгу и спрятала ее под подушку. Села и смотрит, вроде, на меня, а сама где-то витает.

– Что читаешь? – спросил я.

В ответ она каким-то необычным жестом пожала плечами. Мне бы попрощаться и уйти. Ну, далась мне эта книга? Какой Ангел с небес толкнул меня силком вытащить ее из-под подушки? Вот не верь после этого в судьбу, которая в очередной раз совершила «двойной тулуп» через мою бедную голову.

Взял я книгу в руки и произнес вслух название: «В ожидании малыша».

– Что это? – тупо спросил я Иру, практические догадыва-

ясь о том, что я могу услышать.

– Это книга.

– Я вижу, что книга. Тебе она зачем?

– У меня будет ребенок. В конце января, наверное. На будущий год. Я очень хочу этого ребенка, – прошептала Ира.

– Это же мой ребенок! Так? Почему ты решаешь за нас обоих?

– Тем более, что он твой.

– О, Господи! – практически застонал я и вышел из комнаты, а затем – на улицу.

Какая сила вершит наши судьбы? Всегда ли все происходит «во благо»?

Я еще не знал, что я буду делать с этой новостью. Но в глубине души уже понимал, что я должен признать ребенка. Иначе мир, мой личный мир, такой, каким я его осознаю и вижу, рухнет и похоронит меня под своими обломками.

Мне двадцать три года. Через месяц будет двадцать четыре. С десяти лет я жил в неполной семье, с мамой, родной, любимой и надежной. Жить без отца не было страшно или одиноко. Это было стыдно. Для меня, по крайней мере. Не знаю, почему у меня сложилось такое мнение. Ведь многих детей в классе воспитывали только матери. Но мне всегда были неприятны разговоры об этом – до тошноты и головокружения.

Однажды к нам в класс в начале года зашла завуч, разда-

ла листочки с небольшими анкетами и попросила их тут же быстро заполнить. Они с нашей учительницей стояли возле окна и разговаривали о каком-то открытом уроке, решая, кого из практикантов можно выдвинуть, а кого – не стоит? Мы в это время писали состав семьи, адрес, места работы родителей и прочие, известные ребенку, данные. Я сидел и раздумывал, что писать про отца? Вписывать его в состав семьи или нет? Ведь семья у него другая!

Мой одноклассник, видимо, менее чувствительный, чем я, так напрямую и спросил у завуча: «А, если папы нет?».

Татьяна Ильинична ответила:

– Все те, у кого нет отца, напишите: «Отец с семьей не проживает».

Я густо покраснел и склонился над анкетой.

Моя мама создала мне прекрасные условия в детстве. Я беспрепятственно встречался с папой. Имел те же вещи и игрушки, которые были у большинства одноклассников. В общем, ничем не отличался от сверстников. Но эта строка в анкете «отец с семьей не проживает» – была моим личным внутренним клеймом, душевной раной, которая тогда так и не заросла.

Если Ирина решила оставить ребенка, значит, он тоже всегда будет испытывать чувство незащищенности, называемое безотцовщиной. А, если это будет мальчик?

– Стоп, – остановил я себя. Сел на лавочку, вытянул ноги и закрыл глаза. – Давай-ка, Евгений Александрович, все

по-порядку: первое, ребенок, однозначно, мой. Второе, третье, четвертое – перебирал я в голове факты и противоречия. Пятое, – вздохнул я, закончив свои размышления, – имя ему (ей) я обязан дать.

И поехал на вокзал менять билет. Сегодня уезжать, в любом случае, было нельзя.

Через два дня мы с Ириной подали заявление в ЗАГС, где нам назначили дату свадьбы, а вечером по-семейному обмыли с Алексеевичем это событие. Он изредка поглядывал на дочь, иногда вздыхал, но, все же, мне показалось, был рад. Планов пока никаких не строили, вернее, не меняли. Сначала, в любом случае, мне нужно было подать документы на восстановление в своем ВУЗе. Поэтому ночью я уехал домой. Один.

Лежа на верхней полке, под стук колес, долго раздумывал о будущем. «Вот у меня жена почти появилась, и ребенок на подходе – да здравствует семейная жизнь!». Представил рядом с собой Иру: уважает меня, заботится. Ребенок... Захотелось вдруг девочку – бантики, рюшечки. Тянет ко мне пухлые ручки: «Папулечка».

– Хорошо, – решил я. – Семья – это хорошо! Это свое! Это родное! Это то, ради чего можно жить! Это навсегда! Это нерушимо! Это...

«Аллилуйя Любви» – мелодия вдруг зазвучала в голове так пронзительно, так тонко.

...Теплый летний вечер, девушка, сидящая на подоконнике, давнее внезапно испытанное чувство необыкновенной нежности.

Любовь? Да, где она? Разве что, в кинотеатре, на белом, как снег, матовом экране? Или между страниц пожелтевших книг?

– Не хандри, – убеждал я себя. Миллионы людей живут без любви. И хорошо живут – спокойно и стабильно. Ну, не взлетит душа от прикосновений к любимому человеку! Ну, не будет немать сердце в его отсутствие! Ну, не будет смотрящих на тебя глаз, в которых ты сам отражаешься до самого доньшка. Смотреть бы и смотреть бы в такие глаза – чтобы в животе бабочки или стрекозы! Хотелось бы? Да. Но не будет такого! Зато не будет и противоположного – охлаждающего страха от возможной потери любимого человека! Не будет его измены или смерти! Взаимная любовь – это лучшее, что могут подарить Боги, и просто так она не дается! Обязательно придется платить!

А мама – это мама. Ранним утром обрадовалась всем моим новостям и, как всегда, вернула уверенность в себя: что я лучший из лучших. Да, еще честный, порядочный, и умный! Постелила мне постель, сверху положила последний номер журнала «Юность», поцеловала и ушла на работу:

– Отдохни, сыночек. Все будет хорошо!

Ближе к обеду я пошел в институт с документами на вос-

становление. Мой курс уже закончил обучение. Так что меня вряд ли кто помнит, – думал я. Разве что одна милая девочка Росомаха. Вот бы увидеть ее сегодня! Я улыбнулся себе, открывая дверь деканата – было легкое ощущение возвращения в родной дом.

Встретили меня со всеми почестями, декан похлопал по плечу, то ли радуясь за себя, то ли утешая меня. «Видали-видали твои кульбиты», – произнес он мне. Какие кульбиты? Что он имел в виду? Уточнять я не стал. Забрал подписанное заявление, пожал руки известным мне преподавателям, присутствующим в кабинете декана, да и неизвестным тоже. И пошел в канцелярию.

Милая секретарша Анечка принесла из архива мое личное дело, и, не переставая улыбаться, кокетливо промолвила:

– Хорошо, что ты вернулся, Евгений! От большого спорта – большие разочарования.

– С чего это ты взяла, милая? Все идет по плану.

Анечка недоуменно посмотрела мне в след.

А я направился сначала к расписанию консультаций пятикурсников, затем в их лекционный зал. Как раз закончился перерыв, и студенты шумной толпой вывалились из аудитории: покурить, перекусить и обсудить последние новости.

Меня окружили знакомые ребята, спрашивали о теннисе, совсем ли я вернулся, буду ли восстанавливаться? Я отвечал просто, без высокомерия, в чем-то с ними советовался, о чем-то расспрашивал. Вспомнили моих однокурсников и

общих преподавателей. Я немного рассказал о Парижском Чемпионате.

И вот на циферблате 11:47, и по коридору, запыхавшись, быстро идет Маша. Я застыл, как вкопанный: она была одета точно так же, как в том моем сне, накануне парижских неприятностей, когда пыталась меня остановить – джинсы и белая блузка! Даже красная сумочка с замочками в виде сердечек была у нее в руке. Бывают же такие совпадения! Или не совпадения?

Я видел, что она меня заметила, и вслух громко отметил ее красоту. В этот момент замолчали все. Но Машка, упрямая девчонка, на меня даже не взглянула!

Не помню, как вышло, что я поздно вечером оказался возле ее дома. Но почему-то был уверен, что увижу ее.

И она пришла. Милая, зареванная, и, почему-то, такая родная. Если бы я только знал, что она меня ждала! Если бы только знал!

– Одно твое слово, и никакой свадьбы не будет!

– Нет! Нет! Нет!

Из письма Марии (15 июля 2009 г.)

Здравствуй, любимый человек! Привет тебе, мой снежный Барс!

Сегодня, в день твоего рождения, я настроена тебя бесконечно благодарить. Потому что это ты подарил мне возможность узнать Любовь, понять Любовь. Только благода-

ря тебе я познала абсолютное счастье!

Ведь так удивительно менялись мое отношение к тебе. Я, романтическая девочка, интуитивно почувствовала в тебе чрезвычайно родную душу. Думаю, что дело не в твоей знаменитости! Это было «притяжение Любви». А я почему-то сопротивлялась! Скорее всего, меня страшила взаимность!

Любовь зародилась уже тогда, но была незрелой, необъяснимой! И я не чувствовала себя от нее счастливой.

Потом долгие двенадцать лет после окончания института мои воспоминания о тебе хранились в закоулках сердца, и, казалось, были заперты на ключ. Но даже закрытое сердце порой давало столько тепла и энергии, что помогало жить, дышать и радоваться. Наверное, наша любовь ждала своего часа. Нам не суждено было быть вместе в юности, но она все равно удивительным образом нас обогревала. Это происходило биохимически, ты так любил говорить. Мы не искали встреч, но иногда откуда-то из глубины меня вылезало маленькое пушистое существо – фантом Любви. Оно усаживалось на руку, и сонно хлопая глазками, спрашивало: «Я есть. Ты про меня не забыла?». И я была удивлена тем, что это чувство во мне до сих пор живо!

Мы не знали, что каждый из нас вспоминает друг друга с нежностью. И твоя душа также скучала по моей!

Душа скучала по Душе! Эта строчка прямо просится в начало стихотворения...

Поэтому к 1999 году мы, практически, не пришли, а при-

летели на крыльях наших Ангелов. Нас столкнули небеса и бросили друг другу в объятия, мол, делайте, что хотите: ведь ваши жизни проходят, и, в конце концов, когда-нибудь закончатся, а вы так и не познаете счастье! Вы – избранные! Сумейте принять этот дар!

Вот тогда-то мы стали единым целым, каждый день и час, каждую минуту отдавая друг другу себя без остатка. И получилось, в конце концов, одно счастливое «Я». Очень-очень счастливое. Так, как бывает только в кино!

Выражалось это, прежде всего, в том, что было совершенно невозможно расстаться. Ни на день, ни на час! Ты помнишь это чувство?

Я бы сказала, что невозможность расставания – новый вид физиологических реакций. Как будто кто-то сразу перекрывал кислород – дышать по-одиночке не получалось. В отсутствие тебя у меня начиналась паника, практически, паническая атака! Я постоянно тогда твердила себе: «Так не бывает». Но ведь было! И, если ты уезжал далеко, я теряла себя совсем. Все это удваивалось и несло огромную разрушающую силу, потому что ты чувствовал то же самое. Наши временные разлуки энергетически наносили вред не только нам, но и нашим близким. Но это уже физика.

Помнишь, ты говорил мне о своем желании, чтобы я была маленькая-маленькая, и ты мог бы посадить меня в спичечный коробок и всегда носить с собой. Это важный этап наших отношений – невозможность быть вдали друг от

друга! Но, как ни странно, он оказался не главным.

И только теперь мы достигли наивысшего проявления великого чувства. Мы любим друг друга, мы до сих пор это чувствуем! А наша Любовь – это Свет. Это – Воздух. Это – Вода. Наша Любовь просто растворилась в них. И по всей Вселенной летают ее крошечные частички!

Как у Владимира Высоцкого: «... растворилась в воздухе до срока...» в его легендарной «Балладе о Любви».

Говорят, что, когда кто-то кого-то бросает, то тот, кто остается один, переживает ни от одиночества. Он сожалеет о том, что у него отняли возможность любить! Но это главная ошибка, потому что любить можно долго. Всегда! Вечно! И боль отступит. Отступит непременно, если душу заполнит Любовь, а ни страдания и ненависть.

Наша Любовь оказалась сильнее смерти!

Теперь мы познали и это! Мы прошли этот путь вместе, и продолжаем идти дальше!

Вот такие у меня «рассуждалки»? А ты тоже так думаешь?

Не забываю поздравить тебя с 45-летием! Цвети, вернее, зрей, моя Ягодка, хотя мужчинам так не говорят! Ну и пусть! Сладкий мой, спасибо тебе за все!

Спасибо! Люблю тебя искренне и навсегда. Маша твоя.

Евгений. После юбилея (июль 2014 г.)

– Это ты убила Марию? – я держал на ладони Машину

изуродованную фотографию и во все глаза смотрел на жену.

Она закрыла лицо руками:

– Женья! Я тогда была в жутком отчаянии! Этот ритуал – ерунда. Неужели ты в это веришь?

– Но ее не стало!

– Да мало ли, почему ее не стало! Ты сам не знаешь до сих пор, почему она умерла! – У Иры начиналась истерика, – ты со своей Машей всю жизнь мне сломал! И до сих пор издеваешься! Ты – чокнутый! И место тебе – в психушке!

Официанты замерли, на мгновение перестав шуршать пакетами и звякать приборами, но, видимо, по знаку администратора, как по команде, продолжили свои занятия, отвернувшись от нас.

Зарыдав, жена скрылась в туалете. Я набрал номер телефона дочки и попросил ее вернуться вместе с Мишей за мамой.

– А что с ней?

– Немного расстроена.

– А ты?

– Мне нужно отъехать, – ответил я и нажал «отбой».

Вышел из ресторана и какое-то время шел пешком, не очень разбирая дорогу. Было пустынно, не встретился ни один прохожий, только машины изредка проносились мимо меня. Успокоился, сел на лавочку на остановочном комплексе. Остановка называлась «Педагогический колледж». Огляделся, действительно, старый корпус, который я знал с дет-

ства, теперь соединялся стеклянным переходом с новой многоэтажкой. Два совершенно разных здания были выкрашены в одинаковый светло-зеленый цвет, чтобы вместе составлять единый комплекс. Когда-то моя мама заканчивала это учебное заведение. Называлось оно тогда педагогическим училищем.

Я представил, как бегала она, молодой шестнадцатилетней девчонкой, по этажам учебного корпуса, как сдавала зачеты и отбивалась от ухаживаний сокурсников, чтобы однажды на Новогоднем вечере в Политехническом институте встретить моего отца, выйти за него замуж, а через девять лет брака, неожиданно для всех, развестись.

Вроде бы, любили друг друга... А потом – разлюбили! Так всегда говорила мама. А на самом деле, отец полюбил другую женщину. И ушел от нас. И живет с ней до сих пор. То есть больше, чем три раза по девять. Интересно, он, действительно, нашел ту единственную, ради которой бросил меня? Или ему просто не хотелось уходить во второй, третий, в четвертый раз? А, если, нашел, то я ему завидую. И почти оправдываю! Может быть, он, в свои семьдесят семь лет, обнимая по утрам несравненную Виолетту, закрывает от счастья глаза и благодарит небеса за бесценный дар любви?

Машка, любимая моя, где ты? Моя родная! Моя маленькая! Как бы мы жили с тобой сейчас? Замирали бы от восторга при встрече, как раньше? Старались бы предугадать желания друг друга? Ссорились бы? Ведь за четыре года на-

шего близкого общения мы ни разу не поругались, ни разу не возникло даже небольшого недопонимания между нами. Я даже минуту не мог на тебя обижаться! Это просто удивительно: в нашей любви растворялись все проблемы, все тревоги, все волнения!

Сколько лет максимально мы могли бы быть вместе? Те двенадцать, которые мы не виделись после института, и жили отдельно друг от друга. Плюс четыре счастливых года, которые никак не стираются из памяти. Итого получается шестнадцать лет! Шестнадцать лет мы были бы вместе, если б я тогда поступил по-другому, и не женился на нелюбимой женщине. Мы не испортили бы жизнь себе и нашим близким – Ирине и Анатолию. У нас могли быть свои дети. И ты бы могла не умереть десять лет назад.

Тогда наше счастье длилось бы двадцать шесть лет.

Как там жена сказала? Что я чокнутый? Что мое место в психушке?

Да, я чокнутый, и мое место именно там. Я сам это понимаю. Я десять лет не нахожу покоя.

Я десять лет мечтаю увидеть свою любимую, обнять ее и заплакать от счастья!

– Вам плохо? – услышал я взволнованный голос. До моего плеча дотронулась девушка. Она, видимо, только что вышла из легковой машины, которая стояла рядом, моргая аварийной световой сигнализацией.

Хлопнула вторая дверца, и к нам подошел молодой чело-

век.

– Мне плохо, – честно ответил я, а сам подумал: «Я, что, действительно, заплакал?»

– Может, Вам «Скорую» вызвать?

– Может.

– Или лучше Вас подвезти?

– Лучше подвезти.

– А куда Вам нужно? – уточняла милая, но настойчивая девушка.

– Да в психушку мне нужно, – ответил я.

После этих слов они явно захотели уйти, но я их остановил:

– Я шучу. Просто там рядом – дачный поселок, и у меня там дача. Подвезете?

– Подвезем. Почти по пути. Садитесь. Но только до трассы, – решил я юноша.

Дача принадлежала Антону. Я знал, как свои пять пальцев, все тропинки, ведущие к ней от дороги, или через лесок – от электрички, и даже от, действительно, располагавшейся вдоль озера Областной психиатрической больницы.

Антон уже пять лет жил со своей ненаглядной Люси в Германии, а ключ от его, завещанной мне на время дачи, находился в условленном месте, которое со времен нашей молодости, было известно только мне одному. Родители Антохи давно умерли. Сначала от рака скончался отец. Потом, че-

рез пару лет, от сердечного приступа, мама. Мой друг удачно, как он говорил, развелся, пожил какое-то время один, а, когда новая великая любовь унесла его за пределы нашей Родины, он продал все, что нажил к тому времени: квартиру, машину и гараж. А вот дачу продавать не стал. Приезжал каждое лето на недельку, ностальгировал, посещал места захоронения своих родных и непременно пару раз до беспамятства напивался с нами, друзьями юности. Он должен приехать через два дня, восемнадцатого июля. Мы собирались отметить мой юбилей в теплой душевной компании, как всегда, здесь, на даче.

Я перелез через забор. По заросшей тропинке подошел к домику. Вроде, совсем недавно нанимал людей подстричь траву, а она опять так быстро выросла. «Завтра нужно самому здесь убратся», – подумал я. Нашел свои старые вещи (их здесь видимо-невидимо), выключил телефон, который хоть и стоял уже пару часов на беззвучном режиме, но периодически пытался подавать признаки жизни в моем кармане.

Разговаривать с женой не хотелось.

Успокоившись, я уже жалел о том, что устроил скандал. Нужно было перетерпеть совсем-совсем немного. И все бы прошло – душа перестала бы кровоточить старыми ранами. Такое бывало ни раз, и я всегда сдерживался. Но вот сегодня не смог. Как-то все с утра началось: отсутствие Машиного письма; Катькино видео-поздравление с «зависшей» на ком-

пьютере старой фотографией; раскрывшаяся тайна Иркиной черной магии. И я не выдержал! Сорвался!

Ключ был на месте – висел на шпагате между двумя досками с задней стороны домика. С трудом повернув в замке ключ, я переступил высокий порог, включил электричество, пару раз чихнул от пыли и, оглядев нехитрое Антошкино имущество, состоявшее из перевезенной от всех знакомых старой мебели, отправился спать на второй этаж по скрипучей лестнице.

Раскрыв окна, посмотрел на луну. Хотелось завывать.

Стрекотала внизу какая-то живность, шуршали под крышей ласточки, которые каждый год прилетали на одно и то же место растить новое поколение птенцов. Широко раскинув крылья, мелькнула тень летучей мыши. Я посидел на подоконнике, как любила сидеть Машка, прислушался к ночным звукам природы, и на душе стало почти спокойно.

Ночи в июле короткие. Нужно поспать. Выбрав из трех диванов, менее скрипучий, о чем я знал наверняка, постелил белье и, наконец, улегся. Потом снова подскочил, достал из портмоне обезображенную карточку Марии, поцеловал, и положил между левой ладонью и щекой. Заснул быстро. Скорее, забылся.

Проснулся в той же позе. От того, что кто-то теребил меня за плечо. Открыл глаза. Передо мной стоял Антоха, такой розовощекий и заметно пополневший.

– Сегодня уже восемнадцатое? – испуганно спросил я его. – Я, что, двое суток проспал?

– Нет! – засмеялся Тоха. – Шестнадцатое.

И на всякий случай добавил:

– Год две тысячи четырнадцатый от рождества Христова.

– Ты же восемнадцатого должен прилететь?

– А прилетел шестнадцатого. Скучал по тебе очень, – заржал мой друг.

Я встал, мы обнялись, похлопали друг друга по спинам. Еще раз обнялись. Он посмотрел на меня и с удивлением спросил:

– А это что?

Я провел по лицу. К левой щеке приклеилась Машкина фотка. Еле отодрал.

Антон взял ее в руки:

– Ни фиги себе! У вас до сих пор разборки по поводу Агевой? Ну, брат, ты даешь! Уважаю! Теперь понятны Иркины звонки. Как только сел самолет, первый звонок был от нее. Такое впечатление, что других друзей, кроме меня, у тебя нет.

– А что ей было нужно?

– Спрашивала, где ты?

– Она, что, думала, что я в Германию ночью улечу?

– Она думала, – вздохнул мой друг, – что ты на даче, и не ошиблась. – Пойдем пить кофе.

Мы усадились на веранде рядом с разросшимися кустами шиповника. Они, к сожалению, уже перестали цвести, и усеяли своими лепестками землю. Но, рядом до сих пор чувствовался их необычайный аромат. Ягод тоже, естественно, еще не было. А как я любил чай из плодов шиповника! В сентябре всегда приезжал сюда и сам их собирал. Потом раскладывал на столе и забирал уже высушенными. Хотя Ирина много раз говорила мне, купить электросушилку и не создавать себе лишних проблем. Но было в этой процедуре что-то из детства, от дедушки и бабушки. И каждый год я упорно собирал ягоды и раскладывал их на старую простынь.

Жена, вообще, всегда плохо понимала меня. Не чувствовала. А мне не хотелось объяснять. Я до сих пор удивлялся, как мы так долго прожили вместе. И столько всего пережили! Можно было не только развестись, но и убить друг друга по два-три раза. Не убили. Живем. Может быть, мы садисты? «Господи, прости! Что за дурь лезет в голову!» – я откусил кусок от целого батона.

– Дикарь ты, Женька! Нож ведь есть. Вот ведь вы, русские! – одернул меня Антон.

– Скажите, пожалуйста. Мистер Фреккен Бок. – Давно ли сам из этих краев?

– Фреккен Бок живет (если живет) в Швеции. А я живу в Германии, – не обиделся на меня друг. – Что с тобой происходит? Опять затосковал?

– Опять, – кивнул я. – Вчера в первый раз от нее не было

письма.

– Какого письма? От кого?

Я осекся. Ведь никто не знал о Машиных письмах. Все эти долгие десять лет я никому ничего не рассказывал.

– Сказал «а», говори «б», – настаивал Антоха.

– Я получал письма от Маши. Десять лет подряд. До вчерашнего дня, – произнес я медленно. И отвел глаза в сторону, уставившись на шиповник.

– Старик, ты ничего не путаешь? Это точно от нее?

– Точно! Вчера в первый раз не было письма!

– Но, как это может быть? Когда она их успела написать? И кто их отправлял? – Антон явно был ошарашен. – Слушай, Жень. А как ты с этим живешь столько лет? И зачем ты их вообще читал? Зачем тебе это нужно?

– Эх, ты – Антоша Чехонте. Если бы ты знал, что это за письма! Без них, наверное, меня и самого давно уже не было. Я ведь до сих пор люблю ее. Ни чуть не меньше, чем тогда.

– Дела! – только и смог сказать мой друг. Встал, порылся в своем чемодане и извлек из него бутылку ирландского виски. – По-моему, без этого, я не осознаю твои новости полноценно. Хотя только десятый час. Будешь?

Я кивнул. Три раза выпили молча. Не чокаясь.

Потом вдруг Антон заверещал:

– Я все понял. Это Машикин муж, как его там – Толик! Это он все время отправлял ее письма тебе. Только не понимаю, зачем ему это нужно?

– Может, поклялся перед ее смертью? – предположил я. – Хотя, это мой бред.

– Слушай, а я ведь его в Дрездене видел! Когда ж это было? – он поморщился, напрягаясь. – Год назад, в начале лета. Точно.

Я аж подскочил:

– Что ж ты не расспросил его о Маше? Хотя бы, где она похоронена?

– Да он шаррахнулся от меня в сторону, как будто привидение увидел. Очень спешил, на вагон поезда все оглядывался. Я успел спросил его только, где живет?

– А он? Он что?

– Не помню. По-моему, сказал, в Стамбуле временно работает. А! И еще – что он недавно развелся!

Я подскочил еще раз и, потеряв равновесие, свалился прямо в куст своего любимого шиповника. Антон хохотал и сочувствовал одновременно, пока меня вытаскивал. А, когда увидел мою белую, как мел, физиономию, спросил почему-то шепотом:

– Что?

– Антоха, год назад Маша тоже мне написала письмо, что развелась. Ну, она, как бы всегда придумывала, как она живет... Как будто куда-то ездит, что-то делает... Я ничего не понимаю. Странное совпадение!

Я метался по веранде, как бешеный, сметая все на своем пути. Уронил дачное кресло, пнул ногой лавку, рубанул по

перилам.

– Может, она жива? – каким-то чужим голосом спросил я своего друга.

Он обнял меня, усадил, налил еще виски и совершенно спокойно произнес:

– Жень, нет Маши. Нет! Он мог развестись уже со второй или третьей женой! А письма? Он же компьютерщик, мог сразу поставить «на поток», чтобы сами уходили. Он мог даже при ней этот график составить. Давай, не дрыгайся, черт тебя подери. Просто они, письма, закончились!

Мы покурили его кубинскую сигару. Одну на двоих, как в молодости. Доели сыр и помидоры, еще раз выпили. Мой юбилей продолжался.

– Может, сегодня всех соберем? Ты народ обзванивал, именинник? – спросил Антон.

– Да, конечно, приглашал, на пятницу. Как всегда сюда, тем более, что все жаждали тебя увидеть! Человек десять, не считая нас.

– Давай сегодня. В воскресенье. Раньше сядем, раньше выйдем. Поехали затариваться! Нечего время тянуть. Уже одиннадцать. Давай, к двум всех собирать!

Антон еще что-то бормотал себе под нос, что нужно закупить, что нужно убрать, что нужно помыть посуду или купить одноразовую. А я слушал его и думал о странном совпадении. Как такое могло получиться? Чудеса! Да, что удивляться, с Росомахой вечно чудеса какие-то происходили!

Включил телефон, и он прямо в руках сразу же зазвонил.

– Папулечка, ты где? – раздался Катькин голос. Мама всю ночь не спала, ничего не рассказывает. У тебя все в порядке?

– В порядке. Не волнуйтесь. Передай, что я у Антона на даче.

– Ой, дядя Антон приехал! – обрадовалась дочь. – Передай ему привет.

– Тебе тоже. Отдыхайте, – сказал я, нажав кнопку. И продолжил, обращаясь уже к другу. – Ну, вот, видишь, практически, я уже вернулся в семью. Как всегда.

Он не ответил.

– Как всегда! – со всей дури закричал я.

– Бешеный. В дурдом сдам, – прокомментировал Антоха. – Тут как раз рядом.

У нас был очень дружный курс. Тот, с которого я уходил в академический отпуск в погоню за счастьем! Счастья как-то не получилось. Но из приобретений получились: жена, дочь и укрепившееся чувство дружбы с институтскими товарищами молодости!

Полным курсом, конечно, собирались раз в пять лет. Как и полагается. Но у нас, кроме этого, ежегодные летние посиделки на Антоновой даче стали, своего рода, традицией. Жен и мужей, как правило, не приводили, но и вольностей не допускали. Когда-то давно эта дача, конечно, многое повидала. А теперь встречи проводились исключительно для

души, расслабления и, если, кому уж совсем припекло, – для «напиться» и «побыть».

Сегодня собралось пятнадцать человек. Четверо – из группы Антохи, включая его. Шесть человек – моя группа. И пятеро – друзья друзей, причем, не все были с нашего курса. Но те, которые ни раз посещали наши мероприятия. Короче, все свои.

Последним пришел Михаил, веселый парень с Машкин одноклассник. Мишку знал весь факультет, потому что большего балагура и трепача трудно было сыскать. Его друг, Никитос, в свое время рассказывал про него столько историй, что мы уставали смеяться. Но Никита живет теперь в Питере, и приезжает раз в пять лет. А мы всех историй с участием Михаила, конечно, не знаем.

Я посмотрел на Мишку. Конечно, в нем мало, что осталось от любимчика факультета, худого и длинного парнишки с вечно взлохмаченными волосами. Теперь это солидный мужчина. Вроде, и не улыбается, и остатки волос приглажены, а в глазах все равно огоньки озорные скачут. Наверное, это здорово – воспринимать все с юмором. Я бы тоже хотел так относиться к жизни. Хотя, кто знает, как он самом деле живет?

Вспомнилось, как давал ему характеристику его друг:

– Если мы без Мишки и пьяные, менты нас не забирают. А, если мы трезвые, но с Мишей, то обязательно окажемся в отделении!

Но это было очень давно, еще во время учебы.

Как только он сегодня появился, сразу поднялся такой шум и гам, как будто все артисты разговорного жанра, вместе с передачей «Аншлаг» приехали в дачный поселок Общества «Родники».

Ну, и пусть все радуются! Пусть отвлекутся от своих детей и их проблем. Потому что, в основном, все уже решали проблемы своих потомков. Это я застрял в две тысячи четвертом году... И дальше – ни с места!

Вдруг раздался шум подъезжающего такси. Михаил бросился к калитке, объявляя всем, прежде, всего, конечно, нам с Антоном:

– Я к вам еще гостью пригласил. А то у вас тут некомплект – девушек не хватает!

– Кто приехал? – спросил Антон.

Я пожал плечами, пытаюсь разглядеть выходящую из такси пассажирку. Мелькнула нелепая мысль: «Может, это Мария»?

Но навстречу Михаил тащил за руку Натку, лучшую подругу моей любимой женщины. Она бывала здесь с Машей очень часто. А мы с ней виделись в последний раз в 2004 году, когда я получил то самое первое письмо, от которого остановилось и мое сердце.

Тогда, отлежавшись неделю у мамы, я поехал к Наташе, тряс ее, как умалишенный, за плечи, чтобы она хоть что-нибудь мне объяснила. А она плакала навзрыд. И говорила, что

ничего не знает. Потом мы обнялись и заплакали вместе. Десять лет назад...

– Привет, Макаров, – просто сказала она и прильнула ко мне.

Я почувствовал, как сильно у нее бьется сердце.

– Здравствуй. Как живешь?

– Да вот, дочку Аленку замуж, наконец, выдала, – улыбнулась она. – Теперь скучновато жить стало.

– А наш любимый преподаватель и, одновременно, твой муж, скучать разрешает?

– Разрешает. Четыре года назад он нашел себе молодую жену. Хобби у него такое оказалось – жениться на молоденьких! И чем дальше, тем, моложе должна быть невеста!

– Ох, Господи, что же это происходит на свете? Он же тебя лет на пять-семь был старше! Да, неутомим. Неутомим оказался наш Алексей Николаевич! Пойдем что-нибудь выпьем. Но ни за него, а за меня.

– Конечно, за тебя, Женечка, – Натка протянула мне подарок. – Держи, юбиляр!

Обнявшись, мы пошли по тропинке к дому. Я уверен, что Наталья в данный момент вспоминала свою подругу. И мне это было так неожиданно приятно, как-будто кто-то смазал мои раны чудодейственным бальзамом.

На веранде наш массовик-затейник Михаил держал в руках пластиковый стакан и рассказывал о своей дочери, которую, кстати, назвал Марией. Почему, лично для меня, было

непонятно до сих пор. Может быть, тоже был тайно влюблен в Машку? Ее многие любили.

Дочка Михаила работала медицинским представителем – информировала врачей о новинках фармацевтической индустрии.

– Так вот, приходит она, значит, ко мне и восторженно делится своими познаниями о новом препарате от алкоголизма, – продолжил свой рассказ наш друг.

– Представляешь, папа, нужно делать всего одну инъекцию в месяц. И человек весь месяц не пьет! Такая длительная лекарственная форма – «пролонг» называется, от слова пролонгировать.

А я ей отвечаю:

– Милая! Я знаю, что должен выпускать ваш завод специально для России. Востребованность будет бешеной.

Смотрю, она заинтересовалась:

– Что?

– «Пролонг настойки Боярышника». Выпил раз в месяц, и ходи себе удовлетворенный целых тридцать дней!

– Фу, папа, ты, как всегда!

Мы дружным хохотом оценили эту историю и подняли стаканчики.

– Шашлык готов, забирайте первую партию, – оповестил нас Антон.

Как всегда все засуетились, искали чистую посуду, помо-

гали друг другу снимать мясо, чтобы освободить шампура. А самые нетерпеливые, конечно же, бросились пробовать, чтобы, не переставая жевать, промычать слова восхищения:

– Антоха, вкусно, как всегда! Твой секретный рецепт неповторим.

– Когда-нибудь я вам его открою, – отвечал, довольный похвалой, мой самый лучший друг.

Я очень трогательно к нему отношусь. Доверие, надежность, искренность – это у нас с ним с молодости. Хотя мы всегда были разные: я болтал, а он молчал. Я делал всякие глупые поступки, он их сглаживал. Зато я за него мог, как говорится, и в огонь, и в воду. Да и сейчас тоже. Даже труп, наверное, помог бы спрятать, если б он кого-нибудь убил. Наверное.

Мы всегда много спорили, потому что категорически не совпадали во мнениях, пару раз даже дрались. Но недолго. Так, чтобы пар выпустить. Он меня называл «баловнем судьбы», а я его «неуверенным интеллигентиком». Хотя он сильно изменился, с тех пор, как женился второй раз на своей обожаемой Люси из Германии.

К сожалению, он оказался пророком в наших с Машей отношениях:

– Говорю тебе, Женька, это добром не закончится. Вы ведете себя, как ненормальные уже который год. Это энергетическая перегрузка. Когда-нибудь все это рванет!

– Не каркай.

– Это не я. Это закон Ньютона. Кажется.

И все же его слова сбылись. Но он искренне мне сочувствовал и пытался помочь вернуться к жизни. Всеми возможными способами. Однажды даже двух элитных проституток притащил на эту дачу, чтобы меня подбодрить. И оставил меня с ними наедине до утра. Это тогда обошлось ему «в копейчку».

Вот и сейчас Антон колдовал над своим шашлыком, а сам в мою сторону поглядывал, отпустило меня или нет? Машкины письма, по-моему, снесли ему крышу. Вернее, даже ни столько ее письма, сколько мое к этому отношение. Я открылся ему, что тоже устно ей отвечал. И это его добило окончательно!

Вообще, все присутствующие сегодня друзья, мне очень дороги. В равной степени, я бросался на помощь к любому из них, если это требовалось. И это было взаимно. Мы передавали друг другу блатные связи в ЖКХ, в больницах, в паспортно-визовой службе и прочих государственных институтах власти. Одалживали друг другу деньги, пристраивали на работу многочисленных родственников, с кем-то ездили отдыхать, собираясь семьями. Начали помогать хоронить родителей. К горькому сожалению.

Я посмотрел на них. Конечно, все изменились. Особенно, девчонки за последние два-три года. Из-за своих, наверное, физиологических особенностей, набрали с десятков лишних

килограммов и постарели как-то резко и сразу. Парни еще ничего, хотя кто-то полысел, кто-то поседел, а некоторые – тоже заметно потолстели. Но в каждом из них я видел тех, молодых и красивых друзей своей ушедшей молодости. Я заметил, что с ними можно встречаться хоть раз в три года. А при встрече разговор продолжается так, как будто только вчера закончился: с того же слова, с той же буквы. Не нужно притворяться и пыжиться – все знают тебя, как облупленного. Это и было здорово!

Подошел Антон, присел рядом и тихонько спросил:

– У тебя на Наташку виды? Она глаз с тебя не сводит!

– Да, ну! Ты придумываешь. Я не заметил.

– А я заметил. Хочу попросить тебя... Оставь ее мне на эту неделю.

– Опа! Хороший левак укрепляет брак? – пошутил я. – А как же Люси? И твои нравы?

– Нравы с годами меняются. Люси я люблю. Но, понимаешь, она как-то давит на меня периодически. А хочется иногда тепла. Простого и человеческого. Хочешь скажу, пока я пьяный? Вам с Машей все завидовали! Все! Осуждали и завидовали! Вы так смотрели друг на друга, что хотелось хоть на минуту, хоть на мгновение испытать подобные чувства!

– Чувак, не бери раны. Я только успокоился. А насчет Натальи... – Я хлопнул друга по плечу, – я, думаю, что она просто хочет со мной поговорить. Впрочем, как и я с ней. У нас с ней на двоих – одно общее горе, которое нас и объ-

единяет.

Мы вернулись к столу, где Михаил продолжал свои концертные выступления. На этот раз я успел услышать окончание свежей истории о его отдыхе в Турции, откуда он недавно прилетел. Это было видно по его средиземноморскому оттенку загара.

Я понял, что у них в номере отеля, где они отдыхали, что-то случилось с сантехникой. Жена с дочкой ушли на пляж, а ему, естественно, поручили во всем разобраться. Он вышел из душа, замотанный полотенцем, уселся в удобное кресло с баночкой пива и позвонил на ресепшн. Английский язык, конечно, со времен школьной скамьи, им не обновлялся. Но слово «boy», видимо, прозвучало, и нашло теплый отклик в душе портье. Через несколько минут в номер постучали. Михаил крикнул по-русски: «Заходи» и продолжил смотреть первый канал – единственный российский канал, представленный в отеле.

Мы все уже хохотали в предвкушении финала.

Мишка продолжил:

– Поднимаю глаза. Стоит загорелый турок в черных выглаженных брюках, в белоснежной легкой рубашке, расстегнутой практически до пояса. Волосы напомажены, а на груди, среди буйной растительности, капли аромомасел, изображающие пот. От нетерпения, как бы. Я так с банкой пива в руке и застыл, не зная, что сказать. Парень, видимо, решив,

что сразил меня своей красотой наповал, перешел к решительным действиям. А, именно, с загадочным взглядом начал разматывать на мне полотенце!

Когда мы перестали смеяться, Серега спросил:

– Чем же все закончилось?

– Сначала я, голый, гнал его по коридору полотенцем вплоть до лестницы. А потом от хозяина отеля нам прислали Мартини и фрукты. Мартини, правда, турецкого производства, но все же приятно.

– Мишка, ты по-прежнему притягиваешь к себе все нелепые случаи. Я до сих пор вспоминаю, как тебе вместо «Технологии» выдали в библиотеке «Пособие по борьбе с импотенцией», – обняла и чмокнула его в щеку Наталья.

– Эх, зря не взял. Сейчас пригодилось бы, – сдохмил Миша, и мы снова засмеялись.

Доели шашлык и печеную картошку. Сели вокруг Сережки, нашего музыканта, который без гитары на подобные мероприятия, не приходил. Он чуть настроил инструмент, и сразу над всеми дачными участками понеслись песни нашей молодости: «Мы себе давали слово, не сходить с пути прямого...» И еще громче – все вместе: «Вот! Новый поворот! Что он нам несет? Пропась или взлет? Омут или брод?...»

Я предложил Наталье прогуляться. Взял ее под руку, уловив вопрошающий взгляд Антона. Чуть заметно, отрицательно покачал другу головой, и мы с Наткой вышли за ка-

литку. Было уже не жарко, комфортно. Тем более, что комаров в этом году было не очень много. Не приходилось каждую минуту хлопать себя по разным частям тела с последующим методичным расчесыванием мест укусов.

Через небольшую посадку вышли к искусственному озеру, на другой стороне которого, серым монументом советской постройки, маячила психбольница.

– Привет, психушка. Давно не виделись, – проговорила Наташа. – Жень, давай тут посидим.

И мы уселись на спиленное дерево. На таком же я сидел когда-то с Машей возле ее дома, в первый день своего возвращения из Москвы. И с Александром Шмидтом на водохранилище, когда тот решил доверить мне свои политические решения. Не думал я, что разговор с Наткой тоже будет значимым, и посещает в моей, и без того мятежной душе, новую череду мыслей и метаний.

– Ты часто вспоминаешь Машу? – спросила она, потрянув, как в молодости, своими рыжеватыми волосами.

– Часто.

– Знаешь, мне иногда кажется, что она жива.

– Это объяснимо, – я старался быть спокойным. – Ты очень любила ее, и до сих пор скучаешь.

– Да. Скучаю. Но, знаешь, я кое-то от тебя скрыла.

– Ты же клялась мне, что был всего лишь один звонок от Анатолия, рассказавшем тебе о смерти Маши. Ты что-то утаила?

– Да нет! Тогда я сообщила тебе все, что знала сама. Речь о настоящем.

– Нат, не тяни, а, – взмолился я. – Меня и так второй день накрывает!

Она продолжила:

– Когда от нас четыре года назад ушел Лешик, Алена, наша дочь, сильно заболела. Помнишь, вы собирали нам деньги на консультацию в Израиле?

Я кивнул. Было такое, действительно. Но потом никаких плохих вестей не было, и само собой в голове решилось, что все нормально.

– Ей нужна была дорогостоящая операция. Очень дорогостоящая. Таких денег вы собрать бы не смогли. Поэтому я и не просила. Мы вернулись в Россию, я оценивала движимое и недвижимое имущество. Лешка обещал продать машину. Но этого все равно было мало! И, когда совсем опустились руки, мне позвонили из европейского банка, филиал которого был только в Питере, и сказали, что на мое имя открыт счет, и на него поступила необходимая сумма. Тогда я была озадачена только здоровьем дочери, сняла деньги и отвезла Алену на операцию. Слава Богу, что все закончилось хорошо!

Откуда поступили деньги, я начала размышлять чуть позже. Если честно, думала на одного знакомого миллионера, что это его жест доброй воли. Имел он ко мне когда-то пылкие чувства, да я не ответила. Дура, кстати. Но он при

встрече сказал, что ничего не перечислял. Врал, не врал? Не знаю... И я поехала в Питер. В банк.

– Как я когда-то, когда искал Марию, – вставил я.

– Я помню. Антон рассказывал, как из КПЗ тебя забирал за хулиганство. Так вот. В банке мне сказали, что деньги поступили из Испанского частного фонда помощи большим редкими орфанными заболеваниями. Я не могла понять, почему именно нам они помогли, и долго переписывалась с этим фондом, но все равно все было непонятно. Они отписывались стандартными фразами. Пока, наконец, полтора месяца назад не попала в Мадрид. Нашла этот фонд – он, действительно, существует. Поговорила с его председателем. Тот меня уверил, что все оформлено юридически законно, через нотариуса, и, если мадам его в чем-то подозревает, он может показать документы! А что именно оформлено, я не смогла у него добиться. Он улыбался и кланялся, как марионетка.

Может, это все-таки миллионер мой знакомый деньги перечислил, Жень?

Только я вот что подумала: вдруг это Машка? Что она жива! Ведь она крестная моей дочери. Узнала и помогла анонимно. Мысли меня одолели. Не сплю целый месяц. Поэтому я и увязалась с Мишаней к тебе. Помоги мне, пожалуйста. Я схожу с ума! Скажи мне, что это не Маша! Ведь она не объявлялась, не звонила?

Я почему-то начал хохотать и нести чушь – какая-то

необъяснимая реакция случилась со мной:

– Знаешь, в том обезьяннике в Питере, тогда, в две тысяча четвертом году, я подружился со славным бандитом Печеным. Нас с ним когда-то подставила одна и та же тетка!

Натка смотрела на меня, а я продолжал смеяться. Хотел остановиться, но не мог, пока она не спихнула меня на землю, а потом села рядом и обняла.

– Не переживай, моя хорошая, – таинственно прошептал я ей. – Давай, поплывем с тобой на тот берег. И нас там вылечат. И тебя. И меня. Как в кино!

«И всё же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,

Чьи имена, как раны, на сердце запеклись,

Мечтами их и песнями мы каждый вздох наполним.

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!» – доносились с Антохиной дачи слова известной песни Олега Митяева.

Из письма Марии (31 декабря 2007 г.)

Привет, мой милый! Давно не говорила тебе, что люблю тебя – бесконечно и искренне! Говорю снова и снова: «Женька! Люблю тебя! Люблю-ю-ю!»

С наступающим Новым годом тебя, твою семью, друзей и близких!

Как бы хотелось сейчас хоть на пять минут попасть в твою нелепую квартирку на Майском бульваре... Открываю дверь, а на пороге – ты! С шампанским и мандаринами. Начинаем целоваться прямо у входа, и мне кажется, что на миг мы отрываемся от земли и куда-то летим... Мандаринами усеян весь коридор: один из них попал в мой ботиночек; другой – пристроился на комнатном тапке вместо помпона.

Твои руки вокруг меня. Везде. Ты – многорукая Богиня Кали. Нет, по-моему, она злая! Ты – многорукий Барс, который забирает мою Душу себе. И мне это так приятно.

Мы пьем шампанское с тропическими фруктами и слушаем трескучую пластинку рок-оперы «Юнона и Авось» на старом проигрывателе, который не успела выбросить моя мама. Мы разговариваем о графе Николае Резанове и юной Кончите. Об их Любви и Смерти. Что-то я смерть написала с большой буквы? Не так уж она и сильна, как оказалось.

Ты называешь меня «маленькая моя», и это так мило. Хотя, казалось бы, какая я маленькая? Я излишне сентиментальная барышня средних лет. Но так здорово это слышать, утыкаясь носом тебе в плечо. Вдыхаю твой запах. Родной. Слишком родной.

Целую тебя, любимый. Счастливого Нового года. Люблю. Твоя маленькая Росомаха. Маленькая-маленькая.

P.S. У меня все хорошо: работа, забота... Жду Нового года, и, как всегда, Чудес!

P.P.S. Ты помнишь рассказ Джека Лондона «Когда Боги

смеются»... Мы обманули их? Как думаешь?

Евгений. Поиски Марии (март-апрель 2004 г.)

Те три месяца, после того, как мы с Машей расстались, я помню плохо. Я постоянно думал о ней, мысленно разговаривал, и ни с кем не хотел общаться. Перед глазами все время стояло ее лицо, я чувствовал прикосновение ее рук, ощущал ее аромат, в голове звучал ее голос: «Барсик, я люблю тебя!»

Ко мне переехала из Москвы семья. В связи с их приездом завод предоставил нам шикарную трехкомнатную квартиру, обставленную недорогой, но совершенно новой мебелью.

Я объяснился с Ириной, заверил, что мои отношения с другой женщиной, остались в прошлом, и, что самое главное сейчас – помочь дочери реабилитироваться после испытанного ею потрясения. Ирина, забрав Катю прямо из больницы, привезла ее из Москвы в мой родной город. Нужно было сменить обстановку. Мне бы уделить Катюке внимание, а я сам такой же, как она – серый и прозрачный. Выгоревший. Я сажал дочь в машину, и мы постоянно куда-нибудь уезжали. Могли часами ехать и не разговаривать. Ни ей, ни мне разговоры тогда были не нужны. Заходили в придорожные кафе, пили невкусный кофе с холодными пирожками. Она прижималась ко мне: «Папулечка...», а я только шептал ей в ответ: «Ничего, Катюша. Все будет хорошо! Все уже хорошо!»

Постепенно девочка начала оттаивать. Познакомилась в

школе с новыми подругами. Стала ходить с ними на каток и в кино. Согласилась на репетиторов, чтобы хорошо закончить девятый класс. Мы с женой перевели дух, а я, осознав, что моему ребенку ничего больше не угрожает, еще глубже погрузился в депрессию.

До жути, до внутренней дрожи хотелось увидеть Машу, сжать ее в своих объятьях и никогда больше не отпускать! Я тысячу раз в телефоне находил ее имя, гладил номер, но кнопку «вызова» так ни разу и не нажал. Только один раз смог написать грустное sms-сообщение, но оно осталось без ответа. Распечатал, наверное, две сотни ее фотографий. И по пол-дня сидел на работе, постоянно их перебирая. Или, закрывшись в кабинете, смотрел одни и те же короткие видео, чтобы не забыть ее голос.

Через три месяца не стало легче. Нисколько. Стало, наоборот, еще хуже и безнадежнее. Я смотрел вглубь себя и не видел ничего. Только пустоту. Вакуум.

А семнадцатого марта на мой электронный адрес пришло первое Машкино сообщение: «Если ты получил это письмо, значит, меня уже нет».

Как я ни умер сразу, я не знаю. Вызвали «Скорую помощь»: «Кардиограмма... пульс 120... давление 180... магnezия... прединфарктное состояние». Все слова проходили как-будто сквозь меня. Явственно я себя ощутил только в больнице под капельницей. Рядом ворочался и кряхтел какой-то дед, рядом сидела санитарка.

Я попросил ее позвать врача.

– Мне нужно уйти, – решительно объявил я ему, когда тот переступил порог нашей палаты.

Молодой худощавый доктор в бело-зеленом хирургическом костюме спокойно произнес:

– Евгений Александрович, я бы Вам рекомендовал недельку побыть под нашим наблюдением.

– Я хочу уйти. Это мое право. Мне его дает Конституция моей страны, – я начал нести какую-то чушь.

– Давайтеждемся Вашу жену. Она обещала подъехать в течение часа.

– Неси бумаги, доктор. Я подпишу отказ от лечения!

Вызвал такси и приехал к маме, купив по дороге коньяка. Лег на свой старый диван, на котором спал до отъезда в Москву, попросил ее, чтобы не пускала Ирину, и забылся.

Мама, узнав причину, ни о чем больше не расспрашивала. Так и просидела со мной почти неделю. Поила травяными отварами и куриным бульоном, когда я просыпался, и тихонько гладила, как в детстве. Появлялся Антон, приносил коньяк. Садился рядом, молча выпивал пару стопок и уходил. Два раза заходила дочка. Я заверил ее, что так нужно, что я вернусь домой через пару дней. И просил ее не расстраиваться самой и беречь маму. Но жену я видеть не мог: скрывать боль было бы просто невыносимо!

Двадцать четвертого марта я смог встать. Посмотрел на себя в зеркало, когда брился, и ужаснулся! На меня смотрел

совершенно чужой человек – с отекавшим лицом и бездонными пустыми глазами.

Алексей, Наткин муж, сразу меня не узнал, когда открыл дверь своей квартиры:

– Вы к кому?

– Алексей Николаевич, я Женя Макаров. Мне нужно поговорить с Вашей женой.

Он отошел в сторону и жестом показал на дверь спальни. Я зашел. Наталья сидела в кресле перед беззвучно работающим телевизором, а рядом сидела ее дочка Алена и держала в руках поднос с чаем и бутербродами.

– Не ест ничего, – прокомментировал ситуацию Леша. – Может, ты на нее повлияешь?

– Выйдете, пожалуйста, я попробую.

Попробовал, называется! Как только они вышли, Наталья вскочила из кресла и бросилась на меня с кулаками:

– Это все из-за тебя! Откуда ты только взялся со своей любовью?

Я спросил:

– Наташа, как это случилось?

– Не знаю! Не знаю я!

Пришла моя очередь психовать. Я схватил ее за плечи, встряхнул пару раз:

– Как и когда умерла Мария? Говори. – И уже спокойнее добавил. – Пожалуйста.

Она прильнула ко мне и заплакала. По-моему, я тоже.

В дверь заглянул Лешик, но я махнул на него рукой.

– Натка, когда ты видела Машу в последний раз? И откуда ты узнала?

Хлюпая носом, она начала рассказывать:

– Весь декабрь, после вашего расставания, я ее выхаживала. Она не могла даже разговаривать поначалу, силилась сказать что-то, но не получалось. Целыми днями плакала. Девчонка знакомая, невролог, осмотрела ее, назначила какие-то капельницы для мозговой циркуляции. И выписала рецепт на сильнодействующий препарат. Сказала, что поможет. И, действительно, потихоньку Машка ожила.

Потом мы много разговаривали с ней обо всем. Мама переживала, но не вмешивалась. Приезжал ее Анатолий, привозил продукты.

А после Нового года Мария неожиданно позвонила с вокзала и объявила, что они уезжают в Санкт-Петербург втроем, с Толиком и с мамой. Риэлторы будут заниматься продажей двух квартир и маминой дачи. А, как будут готовы бумаги, их семья покинет Россию. Добавила, что у нее все хорошо, и, что она объявится, как только сможет.

– И что?

– Через два месяца, тринадцатого марта, позвонил ее муж, сказал, что Мария умерла и положил трубку. Номер не определился, так что перезвонить я не смогла. Вот взяла отпуск без содержания и сижу с тех пор дома. Никак не могу собрать себя в кучку.

Я сел в кресло и обхватил голову руками.

– Жень, а ты откуда узнал? – спросила Натка.

– Она прислала мне письмо семнадцатого марта.

– Как так?

– Там было написано, что, если я его получу, значит, ее больше нет! Про то, что она обещала мне писать письма, я Наташе не сказал, потому что сам в это плохо верил тогда. – Значит, Машки не стало тринадцатого. Или раньше, если Сергеев позвонил не сразу.

– Значит, так.

– Как бы его найти? А ты не знаешь, где его родители?

– Они где-то на Севере живут уже давно. Сразу после их свадьбы уехали, а молодоженам квартиру оставили, в которой те потом лет семь жили, пока Сергеев своими компьютерами не начал заниматься. Родители каждый год обещали вернуться, но так и застряли то ли в Мурманске, то ли в Архангельске. Толик за них очень переживал.

Я выглянул в коридор и попросил у Аленки листок и ручку.

– Садись ешь, – приказал Наташе, а я буду писать план действий. Ты что-нибудь сможешь вспомнить. Неужели он так бесследно исчез со своими секретными заданиями государственной важности?

Удивительно, но она послушалась.

– Значит, так. – И я начал писать: обзвонить всех знакомых, найти риэлторов, попытаться связаться с родителями

мужа Марии. Потом – Питер.

– А что в Питере?

– Кладбища, – мрачно сказал я. – Узнаю, где они проживали, пока он не уехал. И где ее мама? Что, она с ним поехала за границу? Хотя у нее там была родная сестра, вроде?

– Жень, а, если Маня знала, что умрет, значит это самоубийство?

– Нет! Я в это не могу поверить! Маша никогда бы этого не сделала.

– Тогда что?

– Может быть, узнала о какой-нибудь болезни. И поэтому уехала отсюда. Чтобы мы не плакали над ее могилой. Это в ее стиле. Она всегда боялась причинить боль близким людям.

Теперь у меня появилось дело. Очень важное для меня. У меня был план действий, и я знал, для чего жить дальше. Стало немного легче. Еще бы на улице не попадались похожие на Машку женщины, и я не вздрагивал бы от этого сходства! Да Ирина не смотрела бы на меня укоряющим взглядом. А ко мне не подкрадывались бы в ночи жуткие мысли: «Почему именно Маша, а не она?»

Я обзвонил всех наших общих знакомых, к некоторым съездил. Задавал одни и те же вопросы: «Когда последний раз виделись?», «Не говорила ли, куда уезжает?» и «Как найти Сергеева?». Никакой информации от этих переговоров я не получил. Больше расспрашивали меня. А я на вопросы не

отвечал. И среди знакомых поползли слухи, что Мария лишила себя жизни. Но Наташа кому-то однажды намекнула, что у подружки обнаружили острый лейкоз, и оба эти варианта Машкиной смерти так и не слетали с болтливых языков.

Риэлторы перечислили деньги за продажу на указанные счета, поскольку у них была генеральная доверенность, и где находятся их клиенты, они не знали.

Родители Толика тоже не нашлись.

Жизнь продолжалась. Но без Марии.

А я продолжал безмерно тосковать. И винить себя во всем. Она всегда говорила, что не сможет без меня жить! Неужели все-таки суицид? И я начинал рисовать страшные картины: ночь, подоконник, мгновенная смерть...

В конце апреля я не выдержал, взял неделю без содержания и поехал в Питер. Хорошо, что меня поддержал мой друг Антон, и тоже увязался за мной. Иначе я бы оттуда не вернулся! Кроме того, еще в поезде он отнял у меня бутылку конька и спрятал в свою сумку:

– Все, Жень, хорош. Выпито достаточно. Включай мозги, начинай думать. Ты же профессиональный спортсмен. Где твое второе дыхание? Привыкай жить без Маши. Ее не вернешь, сколько бы ты не выпил!

Хорошо, что остановил, потому что я, действительно, увлекся. После пары стопок меня немного отпустило, и я мог работать. И жить.

Такое уже было со мной, когда я вылетел из Сборной. То-

гда я остановился сам. А сейчас никак не мог. Так что на Антона рыкать не стал, а заказал у проводницы чай.

Ночью не спалось. Я думал о Марии. Вспоминал наш последний месяц, совместное решение продолжить жизненный путь вместе. «И умереть! Умереть тоже вместе – в один час. Непременно! Ну, на крайний случай, если ты тут будешь еще нужен, я должна уйти первой. Слышишь, первой! Без тебя не смогу, милый», – шептала счастливая Машка, положив голову на мое плечо.

В открытую форточку залетали снежинки, а мы только ближе прижимались друг к другу. И было столько любви, столько нежности в этих ночных разговорах – не измерить никакими земными приборами. Но, вспоминая сейчас последний месяц, я понял, что в воздухе витало что-то неуловимое. И Маша это чувствовала больше, чем я. Она иногда вдруг замолкала и смотрела немигающим взглядом куда-то вдаль. «Мань, что?» – сразу тревожно спрашивал я. «Ничего», – она ласково улыбалась мне в ответ. Или вдруг, когда каждый занимался своим делом, она неожиданно все бросала, подбегала ко мне и крепко-крепко обнимала. А я целовал ее и гладил, как маленького ребенка.

Наверное, она предчувствовала наше расставание.

Опять защекотало в горле, заныло в сердце. Я повернулся к стенке и постарался заснуть. Ехать оставалось чуть больше двух часов.

Питер, как всегда, приветствовал мелким дождем. Прак-

тически не разговаривая, мы добрались до гостиницы за 15 минут.

Свеженькая и бодрая в столь ранний час молодая девушка в униформе вручила нам ключ от двухместного номера и выдала по нашей просьбе все имеющиеся у нее справочники города.

– Вот, возьмите еще, – протянула она стопку буклетов, – здесь описания всех экскурсионных туров.

– Спасибо. Нет, – резко ответил я ей.

– Мы по работе, – скорректировал мои слова Антон. И, дай Бог, ему здоровья за это.

Попросив завтрак в номер, Антоха пошел в душ, а я уселся в продавленное кресло и начал листать справочники. Выписал адреса нескольких архивов, адреса ЗАГСов. Последних было предостаточно. Много жителей было, видимо, в Санкт-Петербурге, раз столько актов гражданского состояния на них составлялось. Но получалось, что больше всего петербуржцы любили умирать. «Черный юмор, – вздохнул я, – мое позитивное отношение к жизни закончилось.» В справочнике оказалось больше восьмидесяти кладбищ, действующих и закрытых.

Антон вышел из ванной комнаты как раз тогда, когда принесли наш заказ. Мне и вставать не пришлось – он рассчитался за него сам. Это был стандартный набор: «овсянка,

сэр», бутерброды с очень грустной колбасой, холодный кислый кофе и булочки.

– Туристическая гостиница, что ты хочешь, – прокомментировал мой друг, – но мы же не развлекаться сюда приехали? Не развлекаться.

Его аппетиту можно было позавидовать! Я съел только несколько ложек каши, оставив Антохе разбираться с психическим состоянием колбасы. Ему она показалась очень даже веселой, и он, довольный, съел обе порции.

Тем не менее, завтрак есть завтрак. После него я обрел твердую уверенность найти в Питере хоть какую-то информацию о своей исчезнувшей любимой. Хотелось опять погрузиться в себя, погоревать, что совсем недавно мы были вместе, но я решил действовать.

– Если Маша умерла здесь, значит, она должна была быть временно зарегистрирована. Давай начнем с ЗАГСов или с адресного бюро на Литейном, – предложил я. – Антон, попроси барышню с ресепшн, которая так мило тебе улыбалась, пусть найдет нам такси с адекватным водителем. Мы его найдем на весь день. Или на два. У них тут все должно быть налажено. Только предупреди, что экскурсия нам не нужна.

– Не язви, сам знаю, – доедая мои бутерброды, ответил Антон, набирая по внутреннему телефону цифру 0.

– Меня зовут Андрей, – пожимая нам руки, представил-

ся водитель довольно приличного автомобиля, хотя и старой модели. Это была Ауди 100, ярко-красного цвета – сигара, селедка или, как там ее еще называют?

Глаза водителя поблескивали от удачного заказа, и он, видимо, уже подсчитывал, каким наваром обернется наша поездка лично для него. Я привык пользоваться услугами только государственных таксопарков, и с частниками практически никогда не связывался. Это, конечно, не значит, что там только хорошо проверенные специалисты, но все же, хочется верить, что существует хоть какой-то отбор кадров при найме на работу и, главное, предрейсовый осмотр вместе с автомобилем.

Я без лишних выяснений уселся на заднее сидение – сработала недавняя привычка, с тех пор, как стал коммерческим директором. Мой друг сел рядом с водителем и назвал первый адрес: Литейный проспект, дом шесть.

Пока мы ехали, они успели обсудить все последние новости, начиная с конца две тысячи третьего года по апрель две тысячи четвертого: от нового губернатора Валентины Матвиенко и ареста Ходорковского до выборов Саакашвили и второго срока Путина. Не остались без внимания футбол, охота и женщины. Разговор про теннис Андрей не поддержал, а Антон, обернувшись на меня, не настаивал.

Я в их дебатах не участвовал, пейзажи за окнами тоже не рассматривал. Я разговаривал с Богом. Вот так это и произошло в первый раз в моей жизни: в Санкт-Петербургском

такси, в возрасте, практически, сорока лет от роду.

Мария всегда мне говорила, что настанет день и час, когда я к этому приду. Когда, будет некого просить, и не на что надеяться. Тогда и появится твоя вера.

Мой монолог был скудным. Я обращался с просьбой: «Мне так плохо, Господи. Я потерял любимую женщину. Тебе, наверное, лучше знать, как и с кем мне дальше жить. Но, умоляю тебя, помоги мне хоть что-нибудь узнать о Марии. Мне так горько и одиноко, мне так нестерпимо больно! И еще мне очень страшно, что я узнаю правду. Но я желаю ее знать. Я готов! Помоги мне, Господи!»

Дальше я начал с ним торговаться: обещал не приносить неприятностей своим близким людям, не обижать жену обманом и невниманием, заботиться о родителях, с достоинством относиться к подчиненным, не льстить руководству ради материальных благ. И пообещал отныне быть верующим. Все это – в ответ на хоть какую-то информацию о Марии. Мне до слез хотелось просить его, чтобы она оказалась жива, но я понимал, что это невозможно!

Монолог мой был прерван водителем:

– Ну, вот, господа, приехали. Я сейчас развернусь и буду вас ждать на парковке возле моста. Если что, созвонимся.

Мы отстояли часовую очередь, наслушались ленинградских новостей и душещипательных историй. Большинство посетителей были, конечно, приезжие, но местных тоже хватало. Одна молодая женщина разыскивала мужа, который

бросил ее с месячным ребенком – тайком выписался из квартиры и уехал. Она хотела узнать, в какой город? Чтобы подать на алименты. Очень тоскливо было смотреть на совсем пожилую женщину, искавшую своего сына.

– Уехал, и три года нет ни письма, ни весточки. Хоть бы перед смертью узнать, что он жив, – говорила она.

Вспомнился эпизод из «Калины красной», когда герой Василия Шукшина бил по земле кулаками и плакал: «Это ведь мать моя!» На мой взгляд, самый тяжелый момент в этом фильме, ну, кроме финала, конечно.

Вот и сын этой женщины тоже где-то живет, а о матери не вспоминает. Какие там деньги? Хоть бы письмо написал, что жив-здоров! А ей бы радость была на старости лет. Не понимаю я этого. И никогда не пойму.

Наконец, настала наша очередь.

– Ну, что же вы? Говорите, – возмущенно удивлялась работница бюро, – стояли-стояли, а теперь молчите.

Я толкнул Антона. У меня, как ком к горлу подкатил, не могу и слова сказать. Только деньги на госпошлину молча ей протянул. Тоха продиктовал фамилию, имя и отчество Маши, дату и место рождения.

– По базе не проходит, – ответила сотрудница. – Подходите после пятнадцати часов, сделаем телефонные запросы.

– Что так поздно? – прорвался, наконец, мой голос после первой волны переживаний.

– Вы, что, гражданин, порядки здесь устанавливать буде-

те?

Антон пнул меня по правой почке в сторону выхода. С трудом пробрались через толпу посетителей и вышли на проспект. После духоты и шума это оказалось спасением.

– Жень, ну, что ты на всех бросаешься? Разве кто-то виноват в твоих неприятностях?

– Неприятностях? – я аж поперхнулся. – Тебе ты такие неприятности!

– Прости. Успокоить тебя хочу. Неловко получилось, – извинился мой интеллигентный друг и махнул Андрею.

А он сразу с вопросом:

– Куда дальше, братки?

– Нашел братков! – опять начал заводиться я. Но, перехватив взгляд Антохи, просто назвал адрес ближайшего архива.

– Да не обижайтесь. А в жизни чего не бывает. Вот мой сосед, Вовчик, спал дома, никого не трогал. А в его квартиру два вора забрались и шуршат в соседней комнате. Он встал, спросонья двинул одного из них со всей силы. Кулак у него тяжелый был. Ну, и насмерть того воругу порешил. Полгода в СИЗО провел, пока на условный срок его адвокат вывел. Так что, от тюрьмы и от сумы, как говорят, не зарекайся.

– Андрей, хватит, а? – не выдержал Антон. – У моего друга горе, а ты тут со своими страшилками.

– Хорошо, тогда анекдот расскажу. Вчера услышал.

– Вот этого тоже не надо, – возмутился я. – Ты можешь

помолчать?

– Могу, – похоже, наш водитель на нас обиделся.

В архиве мы узнали о существовании «Закона об архивах» 2002 года, в котором говорилось, что личные данные о гражданах предоставляются только близким родственникам при подтверждении их родства.

– Что-то подобное я ожидал, – сказал на это Антон, – боюсь, что в ЗАГСсах действует та же самая система.

Система там, действительно, оказалась такая же, только называлась по-другому – «Закон об актах гражданского состояния» 1997 года, где отмечалось, что конфиденциальная информация посторонним лицам не выдается.

– Тупик! – мрачно произнес я, постороннее для Марии лицо.

Сидевшая у входа вахтерша, увидев мою печальную физиономию, подозвала нас и попыталась утешить своими советами:

– Законы, конечно, обойти сложно. Но можно. Вот, если у вас будет бумага от серьезной организации, которая подтвердит, что вы пришли сюда не ради праздного любопытства, а ради научной или исследовательской цели.

«Только где ее взять, такую бумагу?» – подумал я, вспоминая, кто из однокурсников может быть в Питере.

– Вот раньше хорошо было, – не унималась бабуля. – по всему городу были киоски «Ленсправка», потом все их за-

крыли. Последний совсем недавно возле Московского вокзала прикрыли, и возле Витебского, по-моему, тоже. Может, съездите, посмотрите? Он был с правой стороны от выхода, рядом с цветочным киоском.

– Спасибо Вам за советы, – раскланялся с ней Антон. А потом уже, обращаясь ко мне, когда вышли на улицу. – Наверное, блокаду пережила, а жажду жизни не потеряла. Ей же лет восемьдесят, и она работает. Только позавидовать можно этому поколению.

Андрей, глядя на наши кислые физиономии, услужливо предложил:

– А в детективное агентство обратиться не хотите? У нас уже несколько подобных заведений работает в полную силу. Не знаю, как результаты, но людей туда вожу постоянно.

– Успеем. – Ответил я. – Давай пока на кладбище.

– На какое?

– На любое. Северное, Южное – какое ближе? Сверху вниз по области или слева направо. Все равно. Думаю, там мы быстрее договоримся. Безо всякого предоставления родства.

И началась наша кладбищенская эпопея. Труднее всего мне было зайти на территорию в первый раз. Перед самыми воротами застучало сердце «Вдруг здесь?».

Я схватил друга за локоть:

– Дай закурить.

Хотя курил очень редко.

Постояли, покурили. Пошли искать правление. Вопросы,

конечно, были: «А вы кто? А вам зачем?», но Антон протянул купюру, и регистрационная книга сразу появлялась на столе.

– Как, говорите, фамилия? А точная дата?

– Смотрите с первого по пятнадцатое марта этого года, – поразмыслив, попросил мой друг, тоже склонившись над документами.

– Антон, давай числа с двадцать пятого февраля. Этот Сергеев всегда был странный. Может, он позвонил Натке только спустя пару недель. – Я стоял возле окна и наблюдал траурную процессию: венки, гроб с телом покойного, плачущие родственники, разговаривающие между собой прочие люди, присутствующие на церемонии.

Все относительно: и в жизни, и в смерти. Нам больно, если это касается лично нас. Искренне соболезновать и сопереживать чужому горю могут немногие. Вот Машка могла! Умела принять боль практически любого человека. Пропускала через себя, и всегда пыталась помочь!

Эх, Маха-Росомаха. Неужели ты теперь здесь – среди крестов, венков и памятников? Среди этого вечного покоя, так бередящего мою душу! И что со мной будет, когда я воочию увижу твою могилу?

– Здесь нет, – толкнул меня Антон, – поехали дальше.

В этот день мы посетили три кладбища. Грустно, прискорбно, но в груди зашевелилась надежда, что Машиной могилы вообще нет! Может быть, то письмо написал Анато-

лий из мести. И сообщил, что она умерла, тоже, чтобы мне отомстить. По его логике, я только в этом случае, не буду домогаться его жены.

Я еще не догадывался, что письма еще будут приходить и дальше.

И мне так вдруг захотелось, чтобы она была жива! Даже, если мы не будем вместе!

Но в том, что письмо было написано самой Машей, я, к сожалению, был абсолютно уверен!

«...Мы вместе! Мы – одно целое, мы неделимые, мы – ощущение вселенского счастья и полноценной любви! Со мной навсегда остаются эти чувства», – так могла написать только она!

Водителя отпустили, договорившись встретиться с ним завтра в девять часов утра, и зашли поужинать в уютный ресторанчик на Невском, причем, даже Антоха не отказался выпить. После наших сегодняшних поисков среди мест вечного упокоения, разговаривать не хотелось. Мне казалось, что от меня за версту пахнет кладбищем.

Играл легкий джаз. Возле бара сидели две молоденькие проститутки и бесцеремонно нас разглядывали. Но, в конце концов, так и не подошли. Мы молча слушали саксофон и пили текилу. Пару раз Антон выходил в холл поругаться со своей женой. Они были в стадии развода. Собирались разойтись интеллигентно, но, видимо, не получалось. Каждому хотелось переложить вину за несбывшиеся надежды – на дру-

гого. Впрочем, так бывает почти всегда.

Мне не звонил никто. Только мама вчера поинтересовалась, как доехал. Ира вряд ли поверила, что мы едем к однокурснику. Слухи, что Мария перед смертью уезжала в Питер, наверняка, докатились и до нее. Но высказывать мне, слава Богу, перед дорогой ничего не стала. И хорошо, что сейчас не звонит. Что бы я ей сказал? Что ходил в Мариинский театр? А что? Ходил к Марии... Мариинский театр ведь тоже назван в честь Марии. Только императрицы, – супруги, по моему, Александра второго. Все в своей жизни я ассоциировал с дорогим мне именем. Как долго это будет? Год? Два? Всю жизнь?

– Пошли? – спросил Антон, заметив, что я снова погружаюсь в себя. – Спать хочу!

Мы решили пройти пешком по ночному городу, красивому и величественному, со своей неповторимой трехсотлетней историей. Мосты, каналы, исторические Храмы, Соборы, восхитительные произведения архитектуры. Приветливые люди и практически ручные дворовые собаки, встречающиеся нам на пути. Все вдохновляло бы меня, если бы не глубокая свежая рана на моем сердце.

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» – где-то здесь жил и творил господин Блок.

И другой, еще более великий Александр Сергеевич.

– Жень, – засыпая позвал меня Тоха, – у меня перед глазами могилы и кресты.

Я не ответил. У меня были те же самые видения...

С утра заехали на Литейный. Поинтересовались без очереди о нашей справке. Результатов никаких не было.

Поэтому снова отправились по кладбищам.

Ближе к вечеру, на Волковском, недалеко от Обводного канала, застряли надолго, контора была закрыта. И, где находится управляющий, никто не знал.

– Может, дальше поедем?– предложил Антон. – Потом вернемся.

– Нет, дружище, давай подождем.

Мы посидели на облезлой лавочке возле правления, потом почитали на стенде новости, расценки ритуальных услуг и историю этого некрополя, где нашли покой многие литературные деятели. Оказывается, кладбище было очень старым, захоронений долго не было. Теперь его снова открыли. Условно оно делилось на две части: православную и лютеранскую. На ее территории находилась церковь святого Иова, купола которой посверкивали в голубом небе среди огромных деревьев. Правда, еще без листвы. Рядом бегали бездомные собаки, грелись на солнце ленивые кошки. Одна такая лежала рядом со мной, периодически поглядывала на меня своим загадочным взглядом.

Управляющий приехал на новеньком черном «Форде» и припарковался почти вплоты с полуразрушенным крыльцом своей конторы.

– Вы ко мне? – вежливо поинтересовался он.

– Да, – ответил я. – Будем очень признательны за помощь.

Он подозрительно оглядел нас сверху вниз, ухмыльнулся и пригласил в свой кабинет.

– Слушаю вас.

– Мы разыскиваем могилу одной молодой женщины. Захоронена она могла быть с конца февраля этого года до середины марта.

– А вы ей кто? – спросил он меня.

– Я люблю ее, – неожиданно ответил я. Не в прошедшем времени, а в настоящем. – Ее имя Сергеева Мария Михайловна.

Антон, порылся по карманам, протянул мужчине нужную купюру, но управляющий резко отодвинул его руку. Мы с другом молча переглянулись, и синхронно присели возле его стола.

– Как Вас зовут? – спросил я.

– Владимир.

– Меня Евгений. А это мой друг Антон.

– Что ж, давайте искать Вашу любимую, Евгений, – просто сказал директор кладбища.

Он открыл регистрационную книгу на дате двадцать пятое февраля и начал читать вслух фамилии: Пятницкая, Хомченко, Бабанин, Косаткин... Он перелистывал страницы, каждый раз сообщая нам о новой дате. Первое марта, пятое марта...

– Шестое марта. Поехали: Ноздрачева, Савченко, Рукин, Агеева, Иванов...

– Подождите, – воскликнули в один голос мы с Антоном. – Вы сказали, Агеева? А имя?

– Мы ищем Сергееву или Агееву? – удивился Владимир.

– Агеева – ее девичья фамилия, – пояснил я. – Позвольте, – и взял из его рук книгу.

Там была следующая запись, сделанная шестого марта 2004 года, то есть в день захоронения:

Агеева Анна Александровна, дата рождения 25 сентября 1940 года, дата смерти 4 марта 2004 года, место смерти Санкт-Петербург, отдел ЗАГС Фрунзенского района и номер свидетельства. У меня опустились руки. Я не помнил точную дату рождения Машиной мамы, но знал, что родилась она перед самой войной, а поздравляли мы ее всегда в конце сентября. Это, без сомнения, была она.

Антон узнал номер квартала и могилы, легонько пнул меня к выходу.

– Владимир, спасибо Вам, – сказал он.

– Налево от храма, в дальний конец кладбища, – управляющий вежливо поклонился.

– Антон, как же так? Как Машка смогла это пережить? Наше расставание, а через три месяца смерть мамы. Это какая-то чудовищная несправедливость. Вот поэтому она и не выдержала! Вот поэтому ее не стало!

Мой друг шел впереди меня. Постоянно курил, огляды-

вался, прислушиваясь к моим стенаниям, и качал головой.

С кварталом мы немного заблудились, а могилу нашли быстро. По свежей земле. Вокруг были, в основном, старые захоронения, огороженные металлическими с облезшей краской оградками, с полуразвалившимися лавочками. А один участок был совсем новый. И судя по могилам, хоронили тут всего несколько месяцев.

Вот здесь нашла покой Машина мама: невысокий холм, два венка и свежие гвоздики в баночке, врытой прямо в землю. Я вдруг представил рыдающую Машку, и мне стало совсем худо. Так бывает с очень близкими людьми: передаются все тревоги и волнения, а в данном случае – весь ужас происходящего. Я представил расширенные от горя глаза своей любимой, и явственно почувствовал, как застывала кровь в моих сосудах.

– Бедная моя девочка, – шептал я не переставая.

Антон, тем временем, разговорился со сборщиком мусора, который неподалеку грузил его на свой мини-трактор с прицепом. В основном, это были старые венки и увядшие цветы. Они постоянно падали, а он их снова поднимал. Был он крепко пьян, поэтому у него ничего и не получалось. Тоха ему немного помог, пытаясь поговорить, но махнул в отчаянии рукой и вернулся ко мне.

– Слушай, – сказал он, – кое-что я все-таки узнал у этого шаромыги. Видишь вон там, около церкви, мужик бродит?

Это Ванюшка, местный юродивый. Он все траурные церемонии провожает. Сколько раз его били, а все равно сюда возвращается. Ты, брат, посиди тут. А я его приведу. Может, он нам что расскажет.

– Да, что он расскажет? – засомневался я. – Если у него мозги не на месте.

Но Антон ушел, и минут через семь привел непонятого возраста мужчину, одетого в одежду не по размеру, с рыжим котом на руках. Он улыбался и постоянно гладил своего питомца.

– Послушай его, Жень. Он помнит, – тряс меня за плечо Антон, – помнит! Ваня, расскажи про эту могилу.

И тут заголосил и затрясся Ванюша:

– Она такая милая. Все плакала, плакала, пока не упала.

Я подскочил:

– Говори дальше, Ваня. Продолжай.

– Дождь был сильный. Он ей все зонтик протягивал, а она кричала ему что-то. И плакала, плакала. «Мама, – кричала. – Мамочка! Не оставляй меня!» А потом, и вовсе, упала. Он на руках ее нес до самой машины. Хотя сам тоже был бледный и худющий, что покойник. Ваня все видел. Ваня тоже плакал.

Слушать его было тягостно. Но, решив, что больше мы ничего от него не узнаем, я ссыпал ему всю мелочь из своих карманов, и мы отправились к выходу. А вслед нам еще долго доносилось:

– Такой дождь. Так плакала. Так плакала.

Вечером сидели в гостинице и ели пиццу, купленную по дороге.

– Жень, цветы в банке были свежие. Явно, что после срока дней поставленные. Кто-то же это сделал? – размышлял мой друг. – Нам нужно завтра туда вернуться. Разузнать, кто их принес? У Агеевых-Сергеевых, случайно, родственников и близких знакомых, в Питере не было? Мария никогда не говорила?

– Нет! Мы только собирались съездить сюда, как-нибудь, на выходные, – вспомнилось мне. – Я, друг, вот о чем думаю. Если Маша умерла после этой трагедии. Ну, не выдержала, не пережила... Толик должен был похоронить ее рядом. Это же логично. А я пока сидел и ждал тебя, все фамилии соседние прочитал. Завтра нужно еще раз в правление вернуться. Не стал бы он на другом кладбище ее хоронить. Ведь так?

– Ну, да, не логично, – поддержал меня Антон, протянул мне банку с пивом и заботливо продолжил. – Не рви себе душу, Женек. Ничего уже не изменить! Это и хорошо, что мама умерла первой. Родители не должны хоронить своих детей. Это против природы.

Он лег с детективом Стаута на кровать и через минуту засопел.

У меня, как всегда, сна – ни в одном глазу. Все о Маше думал, переживал. А потом вдруг подскочил и пошел в коридор звонить своим домой – как-то беспокойно стало. Поговорил

с Катюшкой, с удовольствием выслушал ее новости, и все-таки пообещал ей купить к лету щенка. «Ура!» – закричала дочка и отдала трубку жене. Та сдержанно поздоровалась:

– Привет.

– Привет. Как ты?

– Нормально. А ты?

– Я тоже ничего.

– Когда домой?

– Не знаю пока, может, завтра вечером. Я позвоню.

На том и расстались. Мы с ней и раньше не особо открывничали. А уж теперь – тем более. Горячо обсуждалось только то, что касалось Кати. Но на душе все равно стало теплее и спокойнее. Семья, дочка. Я за них в ответе. Хватит того, что Машу не уберег.

Набрал мамин домашний номер. Разбудил, конечно:

– Сыночек, случилось что?

– Нет, мам. Хотел спросить, как ты? Днем все некогда было.

– Не волнуйся. Со мной все нормально, согласно моему биологическому возрасту.

– Я люблю тебя.

– А я – больше.

Так с детства звучали наш пароль и отзыв.

Вернулся в номер, растянулся на кровати, уперся ногами в ее деревянную спинку. Полежал. Подумал о Марии: «Пусть ей я не могу позвонить, но она вот тут, в моем сердце», – и

положил руку на себе на грудь. Навсегда! До самого моего последнего вздоха!

– Клянусь, Манечка, что ты всегда будешь со мной!
С тем и заснул.

Утром снова были на кладбище. Правление опять было закрыто. Поэтому обошли все новые захоронения. Могилы Марии не было.

Ванюша возле церкви не околачивался. Наверное, отсыпался где-нибудь. Зато вчерашний сборщик мусора сегодня был трезвый, но, правда, злой. Дали ему немного денег и спросили, не видел ли он, кто приносит цветы на могилу Агеевой А.А.?

Он молча взял деньги и хмуро ответил:

– Женщина приходила несколько раз. Прибиралась. Цветы она и поставила.

– Молодая? – с надеждой в голосе, уточнил я.

– Да, нет. Лет пятидесяти. Вон там, на углу квартала – могила ее мужа. Она сначала к нему приходит. А потом, значит, сюда.

«Золотарев Вадим Сергеевич» – прочитали мы на соседней могиле.

– В пятьдесят два года умер, – высчитал Антон, – для мужика не возраст.

– Оно и для женщины тоже «не возраст», – не согласился с ним я. – Кстати, посмотри, у него день рождения как раз

завтра. Значит, жена обязательно придет.

– А я стою и думаю, как бы нам с ней поговорить?

– Вот и поговорим. И про Машу узнаем хоть что-нибудь.

Только собрались уходить, как к нам обратилась незнако-
мая дама, неслышно подошедшая сзади:

– А вы кто? Откуда вы Вадима знаете?

Мы представились, объяснили, зачем приехали и кого ищем. В ответ она рассказала о себе. Звали ее Элла Константиновна Золотарева. Муж ее умер совсем недавно.

– Очень сильный был человек. Все мужественно переносил, боялся меня побеспокоить лишний раз. А только успокаивал: «Не плачь, – говорил, Элечка, – все будет хорошо!»

Неудобно было ее прерывать, поэтому мы стояли и слушали. Дали ей хоть немного выплакаться.

– Скажите, Элла Константиновна, а кто просил Вас последить за соседней могилой? – спросил ее чуть позже Антон.

Женщина на минуту задумалась, как будто вспоминала:

– Я здесь седьмого марта была. Венки убирала, как раз после сорока дней. Так принято. Рядом горько плакала молодая женщина, а сопровождающий ее мужчина держал под руку и утешал. Они только вчера похоронили свою родственницу. Потом женщина оттолкнула мужа и пошла в церковь, а он подошел ко мне:

– Простите, пожалуйста. Я вижу, что у Вас тоже горе. Поэтому Вы поймете меня. У мамы моей жены неожиданно случился сердечный приступ, спасти ее не успели. А мы все вме-

сте должны были улетать из России на этой неделе. Теперь полетим с женой вдвоем. Надолго. Не могли бы Вы приглядывать за ее могилкой? Я хорошо заплачу за эту услугу, – и он протянул мне деньги. – Я только дома увидела, что это очень большая сумма. После того, как умер мой муж, нам материально было очень тяжело. Так что поручение мне сам Бог, видимо, послал.

– А мужчина оставил какие-то координаты? – поинтересовался я.

– Нет. Сказал только, что зовут его Анатолий, записал мой телефон, адрес, имя и отчество. «Если, – говорит, – мы задержимся надолго, – Элла Константиновна, – я вышлю Вам еще».

– А Вы, может, слышали, дату вылета, или, в какую страну они собирались лететь? Или, может, где они здесь жили?

– Нет. Простите. Не слышала. Или не придавала значение. Сама была расстроена. А тут она, горемыка, – лица на ней не было!

Антон протянул женщине визитку. Попросил связаться с нами, если собеседница что-нибудь вспомнит об этих людях.

Я потом несколько раз оборачивался, а она долго смотрела нам вслед. Затем присела на старую лавочку и застыла без движения.

– Тох, она что-то знает!

– Да не сочиняй! Что она может знать! Случайные люди случайно встретились на кладбище. У Анатолия не было

другого выбора. Нужно было увозить Машу, а та, наверное, отказывалась ехать от могилы матери.

– Элла долго смотрела нам вслед, – настаивал я. – Давай проследим, где она живет. Она определенно что-то скрывает!

– Хорошо, Арчи Гудвин, давай проследим, – согласился мой друг, который как раз перечитывал Рекса Стаута. Впрочем про Ниро Вульфа и его помощника, можно читать хоть каждый месяц. Не надоест.

Слегка раздражаясь от усталости, мы дождались, когда наша новая знакомая вышла с кладбища, и стали незаметно ее преследовать. Сделать это было, конечно, сложно, потому что она шла пешком, а мы ехали на нашем такси. Андрей недовольно ворчал себе под нос, но вслух ничего не производил, поскольку платили мы ему щедро.

И хорошо, что Элла Константиновна воспользовалась наземным транспортом, а не метро. Хотя на случай подземки у нас был предварительно разработан план, но он не понадобился. От кладбища она поехала на маршрутке. Так что наш водитель, периодически включая аварийную сигнализацию, следовал за «ГАЗель», курсирующей по Фрунзенскому району Санкт-Петербурга, на небольшом расстоянии.

– Да ты прирожденный специалист по «наружному наблюдению», – похвалил его Антон.

– Любой каприз за ваши деньги, – стандартно ответил Андрей.

Золотарева вышла в южной части района, между Бухарестской и Малой Карпатской улицами. Мы последовали за ней пешком. Шли, не разговаривая, как профессиональные сыщики, хотя она, естественно, ни разу не обернулась. Остановилась только один раз около овощной палатки, купила кочан капусты и скрылась среди старых хрущевских домов своего переулка. Мы только успели увидеть, как она зашла в подъезд.

Замок был кодовый. Но всем давно известно, что по отполированным кнопкам, его нетрудно открыть. Они сразу бросались в глаза: «236».

– Ну, что ты, нажимай, – торопил Антон.

– А квартира? Мы же не знаем! – возразил я.

Оглянувшись по сторонам, увидели молодую женщину с коляской, направляющуюся к соседнему подъезду.

– Здравствуйте, не подскажите, Золотаревы в какой квартире живут? – поинтересовался я у нее.

– Третий этаж, налево. Там, кажется.

– Спасибо.

Антон нажал разгаданную комбинацию цифр, и мы оказались в подъезде. Крутая грязная лестница. Облезлые, покрытые надписями, стены. Характерный запах старого дома. Поднялись, позвонили в дверь.

Элла Константиновна еще не успела переодеться и, видимо, только разулась. Ее очень удивил наш неожиданный приход. Понятно было, что мы за ней следили. Поэтому в этот

раз она не была любезна, даже в квартиру зайти не предложила:

– Что вам еще нужно? Зачем вы меня преследуете? – начала громко возмущаться женщина.

Антон постарался ей объяснить, что нам очень нужна информация о родственниках Анны Агеевой. Поэтому мы надеялись, что по дороге она что-нибудь вспомнит.

– Не помню я ничего! – резко ответила женщина. – Уходите, а то я милицию вызову. И захлопнула дверь.

Я успел услышать в ее квартире еще до закрытия двери чей-то очень слабый голосок, произнесший: «Что там случилось?»

Дверь закрылась. Но мне показалось, что Элла ответила: «Не волнуйся, Маша».

– Ты слышал? – затормошил я друга. – Она кому-то сказала «Маша».

– «Даша» – она сказала, – возразил Антон. – Да-ша. Пойдем, нечего ее нервировать. Понятно, что за деньги она боится. Видимо, Толик отвалил приличную сумму. Она считает, что ошибочно.

Меня завезли в гостиницу, а Антон поехал с нашим водителем на вокзал, покупать билеты на вечерний поезд. По пути хотел еще заехать в «Гостиный двор» за какими-то сувенирами.

– Может, поедешь со мной? – спросил он, когда я вылезал

из автомобиля.

В ответ я помотал головой.

Поднялся в номер, достал у Антохи из сумки бутылку коньяка, которую он отобрал у меня в поезде, уселся на подоконник с ногами, как любила сидеть моя Росомаха. Долго ютился, никак не мог понять, как ей нравилось сидеть на такой жесткой поверхности? Наверное, все дело было в самом окне. И в том, что происходило на улице. Открывался целый мир! И небо! И внизу – земля!

Я чувствовал себя опустошенным и разочарованным. Кроме того, что Маша потеряла маму, мы ничего так и не узнали. В Санкт-Петербурге их нет, и зарегистрированы они не были. Значит, все-таки улетели из страны, как говорила Элла. Шестого, седьмого или чуть позже. Как же мне узнать, что произошло за эти несколько дней? Тринадцатого Сергеев позвонил Натке. А письмо Маша мне писала, наверное, уже из-за границы, семнадцатого. О том, что ее больше нет!

Была ли она уже больна? Понимала, что умирает? Или все-таки, решила умереть сама?

Я отхлебнул коньяк прямо из бутылки. По телу разлилось приятное тепло.

Если бы знать страну, можно было бы послать в консульство запрос – там регистрируют акты гражданского состояния: рождения, смерти, разводы и свадьбы. Но я не знаю, куда они уехали? Мария говорила мне, что проект, предложенный ее мужу, очень серьезный, и имеет государственную

секретность, поэтому страну не называла. Тогда, в случае ее смерти за границей, там она и нашла последний приют.

И я никогда ничего не узнаю о ее последних днях.

Если бы я только знал, что все так закончится! Схватил бы ее в охапку и увез бы на Крайний Север, в какой-нибудь чукотский чум. Хмм, чукотский чум. Лежал бы всю оставшуюся жизнь с ней на оленьих шкурах и слушал ее нежный голос. И ничего уже было бы не важно. Только полярная ночь, шорох оленей, треск морозных бревен в костре и ее губы.

«Каждый выбирает для себя: женщину, религию, дорогу».

По-моему, я напился за пятнадцать минут. И стал звать Машу. Сначала нежно:

– Маленькая моя, девочка, где ты? Почему ты меня бросила?

Потом свалился с подоконника и стал стучать кулаками по полу:

– Как ты могла? Как ты посмела меня оставить одного?

Мне было очень плохо! Я зашел в ванную комнату, намочил голову холодной водой. Наверное, в этот момент меня и посетила дикая мысль, что Машку прячет Элла Константиновна в своей хрущевской квартирке в Моравском переулке. И я поехал туда.

Дальнейшее я помню смутно. Я бился в ее квартиру, звал Марию, обещал всех вывести на чистую воду. В общем, как написано было в милицейском протоколе, устроил пьяный

дебош. А потом подрался с милиционером, когда меня забирали в отделение. Эта статья была уже по-серьезнее. Но мне тогда было, как говорится, море по-колено.

– Слышь, Печеный, кажись, очнулся наш фраер, – услышал я противный писклявый, как в кино про тюрьму, голос. Открыл глаза. Голова гудит и ничего не соображает. А надо мной висит наглая рыжая физиономия и ухмыляется.

Я огляделся. За столом сидели три человека. Серые, помятые, злые. Вокруг кто-где, расположились еще четверо, хотя камера максимум на шестерых рассчитана. Вспомнился водитель Андрей, который буквально позавчера назвал нас с Антоном «братками».

Вот, братки, я к вам и пожаловал!

Очень хотелось пить. Но Рыжий не давал мне встать. Тогда я его легко отшвырнул. Лениво и важно подошли еще двое. Я не остановился. Также легко улетели по сторонам и они. Моя правая рука все еще не забыла свою спортивную практику. Бил без правил, – просто, как-будто мяч теннисный отбивал. Но сработало.

– Иди сюда, поговорим, – пригласил меня к себе плечистый мужчина. – Ты что буянишь? Тебя, разве, обидеть кто хотел? Представься, расскажи о себе. И мы тебя услышим, и шконку тебе покажем. А то ты сегодня за двоих почивал. В неге своей алкогольной. Братва даже нюхать твой коньячок подходила.

Я присел рядом с ним, назвал свое имя и сказал, что просто напился и, действительно, немного побуянил. Справедливость искал. И любимую женщину.

– А у меня другая информация, Евгений. Мента ты отменил. Так что это уже не дебош, а кое-что покруче.

– Можно я попою, – спросил его я.

– Рыжий, дай воды! – приказал Печеный. – У меня такое впечатление, что я тебя где-то видел. Ты не спортсмен, случайно?

– Большой теннис. Национальная Сборная. Но в прошлом.

– Оба на! – Хлопнул себя по коленям мой собеседник.

– А Гончаренко Жанну Александровну, случайно, не знал?

Я так и обомлел.

– Была моим тренером, – сказал и замолчал, – Не знаю, что дальше говорить: то ли хвалить, то ли ругать ее?

Но он сам мне помог. Обозвал ее всеми существующими неприличными словами и пояснил, что первая ходка его, еще по молодости, из-за нее была. Подробности не рассказывал, не принято, наверное.

Но меня шокировал сам факт.

– А я, – говорю, – из-за нее из Сборной вылетел и чуть под статью не попал.

– Стерва!

– Да уж. Точно.

– Рыжий, чаю налей-ка нам покрепче. Мы с Евгением по-секретничаем.

Так вот жизнь порой поворачивается! Жанетта в этой ситуации неожиданно мне помогла своей зловредностью.

– Садись, Женек. Маляву передать кому нужно?

– Да, конечно. Друг с ума, наверное, сходит, не знает, где я.

Но друг с ума не сходил. Он уже действовал.

Нашел он меня, конечно, только к утру. Но к десяти часам привез в Изолятор временного содержания №1, где я находился, нашу знакомую Эллу Константиновну, и она забрала свое заявление. Как он ее умудрился уговорить, я не знаю. Но разжалобил, и она сдалась. Оказывается, у нее, действительно, была дочка Маша, инвалид детства. Это ее голос мы тогда слышали. А в имени я не ошибся! Она тогда назвала ее Машей.

Короче, вызвали меня к начальнику, а там Антон сидит, кофе пьет. Я так и присел от неожиданности.

– Задержанный Макаров, – тебе еще никто садиться не разрешал, – пробасил подполковник. Но настроен он был добродушно. – Ну, натворил ты, брат, делов. Заявления, правда, уже нет. А вот что с рядовым Соколенко мне делать, я не знаю? Ты его так расписал, что мать родная не узнает. Переломов, ушибов, тяжелых травм нет. Но лицо... Хотя тебе тоже досталось, будь здоров!

– Виноват, товарищ подполковник, – почему-то по-военному ответил я.

Антон мне тайно кулак показал и говорит:

– Спасибо большое, Алексей Павлович. Век не забудем. – И услужливо так добавляет. – Не узнали Ваши знакомые про вылет семьи Сергеевых?

Подполковник набрал номер, повторил наш вопрос какому-то Герману Владленовичу, положил трубку и объявил:

– Нет. Билеты на самолет были сданы.

Мы с ним тепло попрощались.

В другом кабинете я подписал бумаги, получил свои документы и вещи, изъятые при задержании, и мы с Антоном, наконец, покинули это мрачное заведение.

– Я бы тебя убил! – набросился Тоха. – Ты знаешь, сколько это стоило?

– Все отдам. До копейки, – искренне клялся я и, чуть прихрамывая, тащился вслед за своим другом. Если бы ни его оперативность, дело дошло бы до суда. Удивительно, уже два раза меня Фемида жалует!

В поезде ночью, когда я, как всегда, метался на верхней полке в поисках сна и истины, меня посетила одна умная мысль. Машка очень боялась летать, поэтому они с мужем могли пересечь границу на машине. Наверное, так и было.

Из письма Марии (17 декабря 2010 г.)

С Новым годом, Любимый! С наступающим новым сча-

стьем!

Интересно, счастье бывает новым? Всегда размышляла над этим пожеланием... Наверное, речь все же о старом счастье! Оно обязательно должно остаться с тобой в Новом году! Приобретенное счастье нужно принимать! Не терять, не разменивать, а ценить и дорожить им! У тебя оно есть!

Его много, присмотришься: твои родные и близкие, твоя любимая работа и увлечения, твоя неизменная любовь ко мне!

Так что я очень тихонечко, очень осторожно перейду с тобой в новый год. Как говорит нам великая Библия: «Любовь никогда не перестает! Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. ...».

Слышишь? Любовь никогда не перестает! Быть Любовью!

Прошло уже семь лет, как не смыкались наши руки и губы, не звучали в унисон наши голоса, не стучали в едином ритме наши сердца! Но мы есть! Ты ведь чувствуешь это?

Говорят, после расставания, всегда очень тяжело бывает через семь месяцев. И через семь лет. Семь лет как раз – сегодня!

Но очень прошу тебя, не нужно тосковать. Я всегда с тобой! Была и буду! Новогодней снежинкой и шольской бабочкой, теплым лучиком и осенним листком. А, может быть, мяукну где-то у твоих ног пушистой бездомной кошечкой или спую на рассвете переливчатой трелью соловья...

Через пару недель, в новогоднюю ночь, я пошлю тебе капельку своей нежности в твой бокал с шампанским. Лови! Целуй меня.

Женечка, дорогой мой человек! Знаю, что ты ждешь мои письма, читаешь и перечитываешь. И веришь, что, по-прежнему, любим мною!

Не жалею ни о чем, прошу тебя! Господь воздвиг преграду на нашем пути, но открыл нам глаза. Подарил такое великое счастье – взаимную Любовь! Возблагодарим Его за это! Ты и я. Мы вместе!

Люблю. Целую. С наступающим. Маша твоя.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Евгения

Девяносто девятый год я встречал разбитым, неудовлетворенным, но анализирующим и ищущим. Вернее, страждущим. «Перемен требуют наши сердца, Перемен требуют наши глаза!», – запоздало вопило мое подсознание. А, может, и своевременно! Жена называла это очередным переходным возрастом, а тесть Василий Алексеевич просто считал, что я «маюсь дурью».

Наш завод, расположенный в ближнем Подмоскowie, не пострадал от дефолта, но нужны были новые проекты и перспективные направления, выход на международный рынок, а я полгода не вылезал из депрессии. Скорее всего, дело было в наших с Ириной отношениях. За прожитые вместе двена-

дцать лет они то доходили до последней точки, за которой оставался только развод, то затихали до полного безразличия и бездействия.

Жена все время была недовольна. Прежде всего, моей насыщенной работой, задержками, командировками и, конечно, недостаточным к ней вниманием. В нашей маленькой семье только Катька меня обожала, что было у нас с дочкой глубоко взаимно!

Конечно, виноват перед женой был изначально я, потому что никогда ее не любил. И, думаю, Ира всегда об этом знала. Но ведь она сама в молодости придумывала планы моего пленения. Сначала провокация, потом – беременность. Никак не пойму женщин: как они идут на такой шаг в подобных ситуациях? Ведь это не единичный случай в мировой истории! Впереди еще целая жизнь, а они заранее обрекают себя на нелюбовь!

Принимая важное для меня решение о нашей совместной жизни, я думал, что мы – счастливое исключение, что у нас «стерпится и слюбится». Очень надеялся.

Первые два года нашего брака, пока я заканчивал институт в своем родном городе, у нас с Ириной сложились довольно неплохие отношения. Она бросила работу в Москве и переехала к нам с мамой. Жили на мою стипендию, мамину зарплату и мои вечерние подработки в спортшколе. Немного помогал тесть. Так что денег было вполне достаточно, несмотря на сложившуюся в стране трудную экономиче-

скую обстановку.

Мама старалась не вмешиваться в мою семейную жизнь; она всегда обладала природной тактичностью – с ней я практически не мог поругаться даже в тяжелом подростковом возрасте. Она всегда все понимала, принимала, даже хвалила меня, не смотря на промахи! И непременно помогала. Благодаря ее характеру, с Ириной они поладили быстро. Однако мне всегда казалось, что мама ее недолюбливает, хотя фактов этому предположению у меня так и не нашлось. Так, интуиция.

Беременность у Иры была тяжелая – считали, что поздняя. Два раза она лежала на сохранении. То анализы плохие, то давление, то отеки. Долго мучил токсикоз. Поэтому я старался изо всех сил ей помочь физически и поддержать морально. Но мы уже тогда были с ней разные, и любую ситуацию понимали – каждый по-своему. Я легко говорил о своих чувствах, позитивных или не очень. Спокойно заявлял о желаниях, не забывая интересоваться ее потребностями. Но чаще всего натыкался на стену непонимания. Ира была очень скрытной. Мне самому нужно было догадываться, что ей нравится, а что, нет? Угадывать, чего она хочет, а что, наоборот, ее раздражает. Я, конечно, списывал эти капризы на ее положение, и старался не обращать внимания на резкую перемену настроения: от нежности до истерики. Но, как оказалось, это было в ее характере. Выросшая без матери, она командовала отцом, как хотела! И добившись меня, пе-

ренесла эти отношения в свою новую семью.

Но больше всего мне было непонятно то, что виноватым во всем с самого начала был я. Пытался просить прощения, если, чувствовал за собой хоть какую-нибудь оплошность. Думал, она тоже этому научится. Нет! Она могла молчать днями, и, если, я не подходил мириться, ложилась спать отдельно, с дочкой.

Но все же, думаю, тогда Ирка еще любила меня, по крайней мере, гордилась мной. Как только мы выходили из дома погулять с Катюшкой или в гости к моим друзьям, она всегда была приветлива, и шла, опираясь на мою руку, с гордо поднятой головой, показывая всем своим видом: «Смотрите, какой у меня муж!».

Мне это нравилось.

Я тоже не стеснялся бывать с ней «на людях», хоть она никогда не была заводилой и душой компании. Так, сама по себе. Жены моих парней всегда ее сторонились. Ирина, несомненно, чувствовала себя выше их по уровню – врач по профессии, коренная москвичка, ради меня бросившая столицу. Приятная внешность, интеллигентность и ум. Преподносит себя она умела, когда хотела, конечно.

Но главной нашей радостью, несомненно, была Катенька. Мы очень любили с ней возиться, переживали, если болела и радовались всем ее детским успехам. Думаю, что по-настоящему, нас связала именно она.

В своем родном городе я периодически натыкался на быв-

ших подружек и поклонниц. Но, как бы невзначай, поднимал руку с кольцом, а потом только начинал здороваться. Ну, или обниматься, или невинно чмокаться. В зависимости от глубины былых отношений. С Леночкой и с Вероничкой мы даже иногда пили кофе. И, если красавица Ленка, кстати, так и не вышедшая замуж, намеков никогда не делала, то Вероника, мать двоих детей, готова была затащить меня в постель в первую же минуту нашего общения. Но город у нас все же провинциальный, и мне не хотелось, чтобы меня обсуждали. Хотя Ника была чертовски соблазнительной еще в институте, а уж сейчас, тем более: женственная, сексуальная и раскрепощенная. Признаюсь честно, думал о ней ни один раз, но не решался переступить черту.

Кого хотел увидеть, это, конечно, Марию. Хотел и боялся одновременно. Хотел, потому что необъяснимо тянуло еще раз взглянуть в ее глаза и услышать стук собственного сердца, успевая при этом заметить, как медленно и навсегда исчезает вся реальность: люди, дома, звуки и запахи. Такое состояние было со мной несколько раз, когда мы встречались с ней еще во время учебы. Она была магнитом для меня, притяжением. Каким-то Всемирным тяготением.

Так что, конечно, хотел видеть! А боялся по двум причинам: во-первых, теперь бы я точно не устоял перед ее произвольными чарами, а, во-вторых, вдруг я бы ничего не почувствовал? Это казалось мне более страшным! Поэтому встреч я не искал, а просто продолжал мечтать о ней. Как

неискушенный подросток. Да, и не знал я, где она теперь живет и какими тропами ходит?

В восемьдесят девятом году, когда я закончил институт и устроился на наш фармацевтический завод мастером, Ира потихоньку начала на меня давить. Ей захотелось вернуться в Москву. Все случилось, в конце концов, так, как она захотела когда-то давно. Я был приручен и намертво привязан к дочке.

– Так что, – решила она, – переезда можно добиться истериками.

Через день, как по графику, она устраивала свои показательные выступления по поводу и без повода, обзывая меня маменькиным сынком и нерешительным человеком, который ничего в жизни не может добиться, намекая, прежде всего на мою спортивную карьеру, которую сама же помогла мне испортить вместе с незабываемой Жанной.

– Так и просидишь в этой дыре, – заводила она один и тот же разговор, – и сопьешься со своими мастерами-однокурсниками.

В такие моменты я обычно назло ей уходил и пил с Антоном пиво. У него дома тоже начался разлад. Но они с женой, в отличие от нас, любили друг друга. Поэтому, после ссор у них начинался сезон страстей.

Я же возвращался в пустую кровать. Ира все чаще и чаще стала спать с Катюшкой.

Проходил день, и она выбирала другую тактику:

– Мой отец даст тебе сразу нормальную должность на своем заводе. Поехали!

Возможно, она была права. Но я хотел пару лет поработать на производстве самостоятельно, чтобы грамотно потом руководить, не создавать неадаптированных приказов, чувствуя и понимая весь технологический процесс.

– Ир, давайте съездим отдохнем втроем на море. Приедем и еще раз хорошо подумаем, – предложил я компромиссный вариант, дающий мне некоторую отсрочку окончательного решения.

И мы вместе с дочкой уехали в Анапу. Путевки были недорогие, но по тем временам не все могли себе позволить и такие. Поселились у самого моря в небольшом пансионате. Чуть больше пятнадцати домиков, небольшая столовая, ухоженный участок пляжа, специально оборудованный для детей. А мы, взрослые, купались рядом, среди небольших скал и подводных камней. Но мне нравилось. А вот Ира была, как всегда, недовольна – обвиняла меня в экономии на их с Катенькой здоровье.

– Жили бы в Москве, как люди. Там можно совсем другие путевки найти. А плавать в этом болоте я не хочу!

– Ирк, смотри, как дочка радуется, – пытался я привлечь жену к нашим кувырканиям на мелководье.

Но настроение у нее оставалось упадническим до тех пор, пока не приехали две молодые пары со своими детишками, и мы как-то неожиданно стали проводить время вместе: под-

нимались в горы, играли в волейбол, а вечерами, когда дети засыпали, резались в карты, наслаждаясь южными теплыми ночами, местным вином и сочными фруктами.

Одну пару наших друзей звали Сергей и Светлана, спокойные, легкие в общении, – они прилетели из Тюмени. Другая семья, Владимир и Татьяна из Тулы, меня постоянно удивляли своими отношениями. Мамой у них, явно, был Вовка: он полностью ухаживал за ребенком, кормил, купал, укладывал спать. Таня только приказывала. Но ни это меня шокировало: в конце концов, как привыкли, так и живут! Я не мог понять другое: почему жена постоянно на него покрикивала, обзывая неуклюжим и неумелым? Он улыбался и исправлял свои промахи. За это по вечерам, когда мы раскидывали картишки и пили крымское вино, она его еще слегка добивала: «Вот брошу тебя, Букреев. Уйду к другому». Вовка, слушая ее слова, опять улыбался.

С приходом Татьяны моя жена присмирела, как будто увидела себя со стороны. И даже сама возмущалась: «Как только Владимир может жить с такой стервой»? Парень-то был симпатичным и веселым, служил в Армии. Алкоголем не баловался, не курил.

Меня же мучил совсем другой вопрос: «Как он расслабляется? Ведь так невозможно? Он хоть раз бы огрызнулся в ответ. В чем, так сказать, его военная тайна? Почему он всегда был доброжелательным и заботливым, спокойно общался со своей женой в любой ситуации. Неужели, настоящая

любовь творит чудеса?»

И совершенно случайно я постиг его тайну! Все оказалось, проще простого!

У нас в пансионате была симпатичная молодая девчонка. Фигурка, ножки, грудь – залюбуешься. По вечерам, когда она одевала свои экстравагантные шортики, наполовину обнажающие ягодицы, все мужское население нашего пансионата не сводило с нее глаз. Распустит волосы, белую рубашечку на поясе узлом завяжет, плюс сексуальные шорты – и давай глазами стрелять! Как ее звали, я уже не помню, все называли ее Сабрина, очень она напоминала модную в то время певицу.

В последний день нашего отдыха мы собрались своей компанией вечером посидеть, отметить наш с Ирой отъезд. Пили вино, много разговаривали, потом даже потанцевали. Сабрина крутилась рядом. А потом вдруг исчезла. Через некоторое время женщины, кроме Татьяны, конечно, начали убирать со стола и мыть посуду на улице, в специально оборудованном местечке. Вовка взял свою часть тарелок и тоже ушел. Все вернулись, а он – нет. Всего десять минут его не было, но супруга заволновалась – везде же темно. И велела нам разойтись по разным сторонам на поиски.

Я пошел в сторону пляжа и неожиданно увидел Владимира, выходящим из домика Сабрины. Всего десять минут, под носом у собственной жены, суметь ей изменить, – это особое умение, это, прямо-таки, талант! Так что, я про их семью теперь все знал.

Вовка, увидев меня, приложил палец к губам и пошел до-мывать посуду.

Только благодаря ему я понял, как укрепить неудачный брак, не разрушая его. И Вовкины уроки мне запомнились на всю жизнь! Это, если нет любви, конечно. Потому что горячо любимым женам, или даже просто любимым, никогда не изменяют. Ну, это лично мое мнение. Взаимная любовь – мечта не только тургеневских барышень. Это естественное желание любого человека, чтобы вместе и навсегда, без измен и ссор, до самой старости и в один день!

Несмотря на Иркины угрозы уехать в столицу без меня, я сумел ее отговорить от этого решения на некоторое время. И в Москву мы переехали только через три года, когда я добился успеха на заводе, заслужил повышение, выступил инициатором многих процессов и реконструкций в трудный экономический период. На моих глазах менялась структура предприятия, вид его собственности. Это, конечно, привело к временному безденежью у рабочих, и к массовым увольнениям. Производство сократилось на сорок процентов. Стала перестраиваться сама система: были заложены основы менеджмента и маркетинга.

– Я согласен на переезд! – сказал я как-то жене. Теперь не стыдно будет перед твоим отцом. Буду устраиваться к нему на работу ни как выпускник-недоучка, а как профессионал, пусть с небольшим стажем работы, но успевший поработать

в разных экономических формациях. Да здравствует перестройка!

И мы стали готовиться к переезду: увольнения, сборы, прощания... Я сдавал на работе дела своему преемнику, Ирина упаковывала вещи, а мама, конечно, грустила, но, как всегда, не вмешивалась.

Посидели у Антона на даче большой дружной компанией.

У Тохи с женой был как раз период страсти, и они постоянно исчезали из беседки, где был накрыт стол. Но я видел их: то в зарослях малины, то за полуразвалившимся сараем. Они целовались. А я им завидовал! Несмотря на почти дружеские отношения со своей женой, у нас никогда не случилось внезапных порывов нежности, тем более, в общественном месте.

Подобное сумасшествие, когда кроме любимого человека ты не замечаешь никого вокруг, – было моей мечтой!

И я знал, что так бывает! В такие моменты мне всегда вспоминалась Мария, моя не сложившаяся история любви! Я пять лет пробыл в городе, но так ни разу с ней не виделся. Вспоминает ли она меня?

– Жень, я к тебе обращаюсь, – дотронулась до моей руки Ира. – Где ты витаешь? Поехали домой, я устала.

Раздались возгласы моих друзей:

– Макар, останьтесь, Мы же из-за вас собрались.

– Ира, давай еще часочек посидим. Мама уложит Катю. Не волнуйся.

– Нет, поехали.

– Друзья мои, – начал я, – сейчас Тоха подойдет, выпьем на посошок, и мы отчалим. У нас впереди два тяжелых дня до переезда.

Ребята переглянулись, и, недовольно посмотрели на мою жену. Я, как будто, этого не заметил. Привык, однако.

Подошли Антон и Марина, радостные, сияющие.

– Я вот что скажу, дружище, – начал Антон, – однажды на этом самом месте мы уже провожали тебя в Москву. Навсегда. Так что, и этот твой отъезд еще ничего не значит! Все возвращается на круги своя, – он опрокинул очередную стопку.

Ирина резко встала и, ни с кем не прощаясь, пошла к калитке. Я быстро обнялся со всеми и бросился ее догонять.

А на следующий день, вспоминая наш отдых на Южном берегу Крыма три года назад, я вдруг вспомнил Вовку из Тулы, и неожиданно уступил напору моей старой знакомой Вероники. Вернулся домой и поначалу почувствовал себя свиной, но потом, после очередного скандала, мне стало очень хорошо. Как-будто, в спорте – 1:1.

Тесть Василий Алексеевич, конечно, постарался ради зятя, то есть меня, по полной программе. Лично представил собранию акционеров, расхвалил так, что у меня пылали уши, чего, кстати, со мной никогда ранее не случалось. Мне предложили сразу руководящую должность начальника от-

дела маркетинга одного из ведущих фармацевтических заводов России. Но чуть позже. После трехмесячных курсов в торгово-экономическом институте, стоимость которых, завод оплатит за меня. Я успел посидеть в своем кабинете, покрутиться на удобном кресле и помахать рукой портрету Ельцина.

Эх, сильно любил свою дочку тесть! Решил меня таким образом купить. Но я и сам рвался в бой: предложенное направление было мне интересно. А подвести его я не должен, потому что привык добиваться поставленных целей! Было у меня это в характере. Не прошло!

Василий Алексеевич, кстати, сам подозрительно вовремя умудрился вместе со своими двумя друзьями из руководства перевести завод из государственной собственности в частную. Видимо, слухи об этой возможности ходили в верхах уже давно, и именно об этом он намекал мне во время кухонных посиделок, когда я после больницы жил у них с Ириной. Все он знал уже тогда! А в 1992 году процесс передачи предприятий был официально утвержден Указом президента, призывающим скорейшее форсирование приватизации.

Тесть уступил нам свою квартиру и переехал к своей женщине, с которой был в отношениях уже больше года. Я, конечно, поражался – быть верным своей обожаемой покойной жене двадцать два года, вырастить в одиночку дочь, и в шестьдесят лет обрести новую любовь? Или это боязнь

одинокости и наступающей старости? Не знаю. Вспоминаю только его слова об истинной любви, испытать которую большое счастье. «И чем сильнее будет любовь, тем труднее будет пережить потерю», – сказал тогда он, глядя фотографию своей жены.

Но тем не менее, его Вера Тарасовна появилась в нашей жизни и внесла в нее некие улучшенные элементы семейных традиций и ценностей. Она вытаскивала нас на экскурсии и на природу, устраивала веселые домашние праздники, очень нежно относилась к дочке Катюше. Так что все оказались довольны. Даже Ирина. Но только первое время.

Я стал часто задерживаться на работе, два-три раза в месяц приходилось уезжать в командировки. Времена были сложные. Чтобы удержаться на плаву, необходимы были инвестиции, реорганизация и полное переоснащение производства. Мой отдел занимался маркетингом, который абсолютно поменял всю систему сбыта, активно занимался продвижением выпускаемой продукции и будущих брэндов. И, когда проект получался и приносил реальные результаты, я чувствовал себя победителем!

«Москва на этот раз встретила меня более радушно», – думал я. И только отношения с женой становились все более невыносимыми.

Как оказалось, Ира мне совершенно не доверяла! Все чаще и чаще стали раздаваться в мой адрес подозрения в изменах. И все то доброе, что с большим трудом сложилось

между нами, медленно таяло, как мартовский снег. Сначала я пытался все переводить в шутку, спустя какое-то время – стал приводить факты и призывать на помощь свидетелей, а потом – мне все надоело! Я замолчал.

А через неделю позвонил Веронике. Она примчалась на следующий день, и мы трое суток не вылезали из ее гостиничного номера. Я с утра ненадолго появлялся на работе, через два-три часа ехал в гостиницу, а домой приходил только ночевать. Гулять, так гулять, – сказал мне мой разум! И тело легко откликнулось на этот призыв!

Ира каким-то образом догадалась. Ничего не говорила. Но перестала скандалить, готовила вкусные ужины и взяла билеты на концерт моей любимой рок-группы. Ужины я съедал, за концерт поблагодарил, но тащить ее в постель по вечерам перестал. Не хочешь, не надо! А, когда, она устроила мне сцену оскорбленной жены, что вот уже десять дней я засыпаю раньше ее, я оторвался от газеты и сказал:

– Ир, может, тебе на работу устроиться!

– Я же больше пяти лет не работала, – возразила она.

– Ну, вот и иди поработай! Меньше будешь о глупостях думать!

– Куда я пойду, в поликлинику? По подъездам грязь собирать?

– Ира, у тебя диплом врача. Мы живем в столице, как ты этого хотела. Найди себе достойную работу.

И она нашла Да, еще какую! В отделе кадров нашего за-

вода, ничего не понимая в кадровой службе. Как она убедила отца, я не знаю? Но догадываюсь. Наверное, наплела что-то про мои измены и необходимый контроль за мной с ее стороны. Теперь мы вместе ездили на работу и встречались в обеденный перерыв. А обратно она уезжала сама, чтобы успеть забрать дочку из детского сада. Сначала Ира ненадолго затихла. А потом устроила истерику прямо в моем кабинете, уличив меня в связи с сотрудницей Ольгой Волобуевой. Якобы, мы вместе задерживаемся по вечерам.

Тогда-то я и предложил ей развестись в первый раз. Были слезы, жалобы папе и настраивание ребенка против меня. Я постарался все забыть. Ради дочки.

Мы с Катькой души друг в друге на чаяли. И я очень по ней скучал, когда уезжал куда-нибудь по делам на день-два. Она тоже с нетерпением ожидала моего приезда, зачеркивая дни в календаре, который мы как-то нарисовали вместе. Назывался он «Папа Женя». На нем были наклеены наши лица, а туловища дорисовывали мы сами. Я наблюдал за дочкой, которая старательно раскрашивала мне брюки и рубашку, а сам чертил квадратики с датами, чтобы она могла их сама зачеркивать.

– А чего это вы маму не нарисовали? – поинтересовалась подошедшая Ира.

– Мамочка, – ответила Катя, – ведь ты же никуда не уезжаешь? Вот будешь уезжать, мы и тебе календарь нарисуем. Да, папа?

– Нарисуем,– ответил я, но маму решил все-таки дорисовать, чтобы у дочки в голове сложилось полноценное осознание семьи.

– Может, на второго ребенка решимся? – спросил я Ирину, когда Катюша собиралась пойти в школу. – Так многие семьи делают. И с маленьким можно сидеть, и нашей первокласснице помогать.

– Хочешь меня дома запереть? – зло ответила жена. – А сам будешь по бабам бегать!

А я-то думал, что Ирка, наконец, успокоилась, удостоверившись, что я очень к ним привязан. Ведь, в принципе, так и было: работа и дом. И выходные, которые всегда зависели от ее настроения.

Мы все дальше и дальше отдалялись друг от друга. Ни доверительных разговоров, ни милых неожиданных сюрпризов, а только стандартные вопросы и стандартные ответы. Стало казаться, что мы просто соседи. И кроме дочки, ничто другое нас не объединяло. Да еще Вера Тарасовна своими семейными праздниками иногда вносила разнообразие в нашу серую жизнь.

Неожиданно Ира устроилась на другую работу. Практически, по специальности – в районную санэпидемстанцию. Начала инспектором, а через год стала начальником отдела. Похоже, это ей подходило: руководить, отдавать приказания и выискивать промахи подчиненных. Мы остались супруга-

ми.

Только идти домой мне с каждым днем не хотелось все больше и больше. И, если бы ни маленькие пухлые ручки дочери, обнимающие меня за шею прямо у порога, я бы давно ушел, не смотря на то, что, скорее всего, сразу бы лишился работы. Или, может, быть я лукавил? С работой в России после дефолта было совсем плохо. Не знаю.

Точно знал, что наш разваливающийся брак лежал на моей совести. Просто я никогда не любил свою жену, а «стерпится-слюбится» так и не получилось. Порой мне ее было жалко. Она не получала той ласки, которую заслуживала, поэтому всегда лезла на рожон, пыталась меня задеть, расстроить или разозлить. А что ей еще оставалось делать? Но меня такое отношение отдаляло от нее еще больше.

Ведь все мы читали одни и те же книги, смотрели одинаковые фильмы, где сначала жаркие поцелуи, потом – разлуки и препятствия, но финал непременно должен был быть счастливым. В жизни так, к сожалению, не получалось.

На производстве был завал, а я целыми днями сидел в кресле и делал видимость работы, отказываясь от важных встреч и переговоров. И это состояние продолжалось довольно длительный период. Мои подчиненные поняли это через неделю, а руководство – чуть позже. И в одно морозное декабрьское утро на пороге моего кабинета появился Василий Алексеевич.

Поздоровался, присел сбоку от меня, где обычно сидел

мой заместитель.

– Поговорим, зятек? – предложил тесть.

– Поговорим.

– Ты можешь объяснить, что с тобой происходит?

И я решился! Я рассказал ему, что наша с Ириной семейная жизнь окончательно зашла в тупик, что очень жалко Катюшку, и, что, если он меня сегодня уволит, – это его право! Выпалил все, как на духу. И замолчал. Начал рисовать на бумаге каких-то невиданных зверей. И их следы.

– Коньяк у тебя есть?

– Нет, не держу, – ответил я.

Тесть набрал номер своей секретарши, и через десять минут она зашла к нам с пакетом. Постелила салфетку, расставила рюмки, тарелочки, открыла бутылку, нарезала сыр и лимон. Выучка просто военная!

– Ну, давай, за понимание, – предложил отец моей жены и одновременно мой непосредственный начальник.

– Давайте.

– У тебя кто-то есть?

– Нет! – искренне ответил я. – Не представляю другую жизнь. Но не получается у нас с Иррой. Никак не получается. Мы уже и пробовать перестали.

– Да что ты за мужик? – в сердцах рявкнул тесть. – Бабу не можешь переломить!

– Вашу дочь переломишь!

– Ну, тут ты прав, – согласился он, наливая по-второй. –

Из меня она всю жизнь веревки вила. Знаешь, что? Вам нужно пожить отдельно. Но не просто разъехаться, а придумать тебе длительную командировку. Ирка поживет одна, поймет, что мужика другого ей не найти, нужно своего возвращать. Глядишь, подберет, и по-женски тебя пригреет. А ты тоже, один побудешь, без семьи, и реально ощутишь, что роднее их у тебя нет. Я все же думаю, что она тебя любит.

– Может, и любила когда-то. Сейчас, как на врага смотрит. Мне кажется, что Ира только и ждет, что я исчезну из ее жизни.

– Это переломный момент. У всех так бывает. А разлука, она на многое глаза открывает. Большое видится на расстоянии, – процитировал он классика и налил по третьей.

На следующий день тесть вызвал меня к себе. В кабинете был Василий Алексеевич и еще один заместитель директора, Геннадий Леонидович.

– Садись, Евгений Александрович, – официально предложил мне тесть. – У нас для тебя есть важное поручение. Можно сказать, стратегическое. Хотим временно отправить тебя на твой завод, где ты после института работал. Там освободилась должность коммерческого директора, то есть заместителя самого Игоря Васильевича. Он обратился с просьбой к нам не просто так, а с дальним прицелом: через два-три года мы объединим наши капиталы, и этот завод станет нашей официально оформленной производственной

площадкой. Ну, какие линии мы планируем там запустить, это ты узнаешь в процессе работы. От тебя нам нужно, чтобы уже сейчас ты перестраивал и перекраивал этот завод «под нас», начиная с переоснащения, реконструкции, и, заканчивая кадрами. Всех увольняй, кто при Советах балду гонял. Обновляй коллектив, ищи молодых и перспективных. Ну, как ты сам!

Я задал несколько попутных вопросов и ответил, что готов буду выехать сразу после Нового года, то есть, через две недели. Геннадий Леонидович тепло со мной попрощался и вышел, а меня Василий Алексеевич задержал.

– Я с дочкой поговорил. Она сказала, что, возможно, это, действительно, единственный выход. Она гордится твоим повышением, и что ей будет спокойно, если ты будешь жить в своем городе у мамы. И приезжать к ним хотя бы два раза в месяц. Может быть, забудутся все взаимные обиды, и вы начнете все сначала.

Новый год отмечали у Веры Тарасовны. К ней приехал ее сын Артем со своей семьей. И, наблюдая за ним и его женой Анной, я невольно им позавидовал. Ровные, открытые отношения, милые глупости и розыгрыши по отношению друг к другу. Казалось, что они даже думают одинаково, да и внешне похожи! А у нас с Иррой все сдержанно и скучно. Правда, она поцеловала меня после боя курантов и пожелала хорошего года! Я поблагодарил и попросил ее беречь себя и доч-

ку, потому что я за них буду очень волноваться. Это была истинная правда.

Мой неожиданный отъезд нас немного сблизил. Мы решали общие вопросы, я доделывал некоторые хозяйственные дела, до которых все не доходили руки, а жена собирала мои вещи и готовила вкусные праздничные блюда, включая мой любимый салат «Оливье». Но все равно было такое ощущение, что вот-вот мы вздохнем свободно, полной грудью, хоть ненадолго избавившись друг от друга. И не нужно будет притворяться и играть чужие роли.

Несчастной была в этой ситуации, конечно, Катюша.

– Доченька, – утешал я ее, – вот смотри: папа уедет восьмого января, а двадцать второго придет к тебе на день рождения. Сколько лет тебе будет, не забыла?

– Пап, ну, ты со мной, как с маленькой. Одиннадцать.

– Вот одиннадцать подарков я тебе и привезу.

– Ура! – обрадовалась Катя и повисла у меня на шее. – Только лучше бы ты не уезжал, я бы и без подарков обошлась. – Потом вдруг нахмурилась. – А вы ведь с мамой не разводитесь?

– Ну, что ты, – хором откликнулись мы с Ирой и обняли ребенка.

«Что мы делаем?» – подумал я ночью, укладываясь на диване в комнате тестя, где спал последний год. Встал и пошел в нашу спальню к Ирке.

– Я уже сплю, Женя, – твердо сказала жена. И я ушел.

А через два дня, в свой первый рабочий день, прямо на проходной, ожидая временный пропуск, я увидел Машу. И сердце мое остановилось!

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Из дневника Марии

К зданию заводоуправления я пришла вся в снегу. Погода сегодня была совсем нелетная. Постояла на крыльце, отряхивая свою песцовую шапочку и разглядывая через стекло, кто из охранников сегодня дежурит? Если Борис, то опять будет приставать! Надоел уже своими знаками внимания. Но окно пропусков закрывал высокий мужской силуэт, похозяйски разглядывающий вестибюль. «Незнакомый», – отметила я про себя и решила этим воспользоваться. Пока там идут разборки, успею проскочить.

– Здравствуйте, – тихо пискнула и показала пропуск.

– Сергеева, – закричал вслед Борис, все-таки сегодня была его смена, – вчера твои подчиненные опять ключ не сдали!

– Я разберусь, – уже громко ответила я и обернулась. Передо мной стоял Макаров и улыбался идиотской улыбкой. Я растерялась, зачем-то напялила на себя мокрую шапку и быстро пошла к лестнице, лифт ждать не стала. Мои каблуки громко стучали на весь холл. «Будто скаковая лошадь понеслась», – вспоминала я потом свою нездоровую прыть.

А через час по управлению разнеслась весть: из Москвы

приехал новый коммерческий директор, который когда-то здесь работал. После перерыва он будет собирать начальников всех отделов. Я достала зеркальце: тушь размазалась, щеки от мороза еще красные, волосы непослушными прядками свисают, и, разве, что не шевелятся, как у Горгоны. Хороша!

А он тут, как тут, это Макаров. И перерыва не дождался. Вместе с Игорем Васильевичем обходит отделы заводоуправления.

– Познакомьтесь, – представляет меня директор, – Сергеева Мария Михайловна, начальник отдела маркетинга. – Очень ответственный и креативный руководитель. И команда у нее хорошая.

– Посмотрим, посмотрим, – улыбается Евгений, а сам руку мою не отпускает. И космы мокрые разглядывает.

Вот так он снова появился в моей жизни, мой Снежный Барс, моя первая любовь! И на душе стало одновременно и радостно, и тревожно.

Вечером не могла найти себе места. Ходила по квартире из угла в угол. Толик был в командировке. Он теперь дома бывал реже, чем в разъездах. Я одна редко скучала, всегда находила себе занятия. Но сегодня все валилось из рук. Перед глазами стояла Женькина улыбка. Он, видимо, тоже растерялся, потому что улыбался совсем по-детски. Искренне. И зачем его только принесло?

Достала джин, тоник, сделала себе коктейль, хотя я обычно не пью одна, и уселась со стаканом на подоконник.

«Зачем ты в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой?» – попыталась запеть, но не пелось, прямо, как у Штирлица перед камином.

Позвонила Натке:

– Наташ, Макаров в город вернулся. К нам на завод коммерческим директором.

– Слава Богу, развелся, – прозвучало в ответ. – И как он столько лет со своей кикиморой прожил? Я, лично, думала, что больше трех лет не протянут!

– Чего это она кикимора? Я ее видела – она очень мила. И умна.

– Ты ее просто видела, а я с ними в одной компании как-то Новый год встречала! Она всю кровь у него попила за эту ночь. Ну, я тебе рассказывала. Он только вокруг нее и вертелся – все пытался угодить. А она все равно была всем недовольна.

– Ты просто предвзято к ней относишься, вот и все, – сказала я, отхлебнув глоток своего чудодейственного напитка. Становилось радостно от того, что я могу теперь ежедневно видеть Женю. Только бы никто не догадался об этом, особенно он сам.

– Эй, подруга, ты где? – прервала мои грезы Наталья, и, не услышав ответа, добавила. – Все! Пропала девка.

Набрала номер мужа:

– Привет, дорогой. Ты как?

– Нормально. Еще работаю. А ты что делаешь?

– А я сижу на подоконнике.

– Понимаю. Хандришь. Но приехать пока не могу, – Анатолий, зная мои привычки, сразу догадался о настроении. – Смотри, все метелки твои я спрятал на чердаке, не улетишь.

– Не улечу. Тебе уже не о чем волноваться, – ответила я и положила трубку.

А за окном шел снег. Почему так говорят – шел? Он вовсе не шел, а игриво кружился, заглядывая в мое окно. И отдельные снежинки сверкали, попадая в струящийся свет уличного фонаря. Я приоткрыла створку, вдохнула вкусный морозный воздух, протянула снежинкам руку. Что-то, давно утерянное, медленно возвращалось ко мне...

У нас с Сергеевым была очень интеллигентная свадьба. Скрипка, рояль и саксофон. Самый лучший в городе ресторан и милые гости. И мне казалось, что я безмерно счастлива.

Я ощутила это еще утром, когда выходила из комнаты к жениху, к нашим родным и друзьям. Увидев меня, они зааплодировали, как будто я шла по подиуму. Действительно, безупречно красивое платье и необыкновенная прическа сотворили из меня сказочную принцессу. Толик не отходил

от меня ни на шаг, все время держал за руку так, что даже традиционная кража невесты не состоялась. Мама периодически вытирала слезы, а Натка постоянно тормозила меня и страшила Анатолия, чтобы берег «такое сокровище».

С Толей мы вместе проучились пять лет, и с самого первого курса всему нашему факультету было известно, что я ему нравлюсь. Он всегда был рядом, в поле моего зрения, готовый подать палто, донести тяжёлые вещи или помочь решить любую посильную проблему. Я настолько привыкла к его ухаживаниям, что была абсолютно уверена в его любви, в его искренности. Целый месяц до нашего бракосочетания он твердил мне, что не может до конца поверить своему счастью! Каждый день приносил цветы и нежно целовал, как драгоценный цветок. И я почти растаяла, мне казалось, что я тоже люблю его. Пусть не так пылко, как он, но все еще впереди. Он достоин того, чтобы его полюбили всем сердцем!

О Женьке я старалась не думать вообще. Пусть себе там женится. На ком хочет. У меня точно все хорошо. И будет еще лучше!

Первые наши с Толей интимные отношения были, как по закону жанра, в первую брачную ночь. Он старался быть очень нежным и тактичным, а я, хоть и немного боялась, полностью ему доверилась. Мне показалось, что даже почувствовала то, о чем все так много говорят! Он шеп-

тал мне ласковые слова, целовал и благодарил. Потом сходил в кухню за шампанским, включил на минуту верхний свет, протягивая бокал, и подозрительно на меня посмотрел, точнее, на нашу простынь.

– Что, Толечка? – спросила я.

– У тебя с ним все-таки что-то было?

– С кем?

– С Макаровым!

– Толь, ты шутишь?

– Я чувствовал, что между вами что-то происходит. Ведь я давно люблю тебя. И пару раз видел его под твоими окнами.

– Толя, у меня ни с Макаровым, ни с кем другим никогда ничего не было, клянусь тебе, – я была в глубоком отчаянии. Мне очень не хотелось оправдываться в такую ночь, но я пролетела что-то про занятия профессиональным балетом до пятнадцати лет и ежедневные растяжки. – У балерин так бывает. Да и не только у них.

– Прости, любимая, я что-то не то сказал, – начал извиняться мой муж.

– Хорошо, – вздохнула я. – Реветь не буду. Почти передумала.

Толик обнял меня и мы заснули.

– Ты необыкновенная! – такими словами приветствовал он меня утром.

– Я знаю! – зевнула я, довольная собой.

Мы провели чудесный месяц в Ялте. Объездили Гурзуф, Мисхор и прочие прекрасные крымские места. Купались, загорали и строили планы на будущее.

– Если хочешь, можешь пока не работать, – сказал как-то Толя, лежа рядом со мной на соседнем лежаке. Было уже не жарко, с моря дул чуть прохладный ветерок. Крики чаек становились все громче, потому что отдыхающие выходили на вечерний променад с ужина и, как правило, кормили галдящих птиц хлебом. А мы, расслабленные, все еще лежали на берегу, решив сегодня ужинать не в пансионате, а, в честь пятнадцати дней нашего брака, посетить самый шикарный ресторан Ялты.

– Ты хочешь посадить меня в золотую клетку? – шутиливо спросила я мужа. – У меня красный диплом, между прочим.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, прежде всего. Тем более, что у тебя свободное распределение. Можешь устроиться на работу, когда захочешь.

– Толя, если я подберу что-нибудь подходящее, я пойду работать. Это не обсуждается.

Но найти работу по специальности оказалось не так просто. Наше распределение было до моей неожиданной свадьбы, и я должна была три года отработать в Ярославле. А в связи с замужеством, мне дали открепление. Другие

мои однокурсники заняли все хорошие места – в нашем городе было не так много предприятий. Так что полторы недели походов по отделам кадров результатов, увы, не принесли. Меня заносили в резервы.

Но я не отчаивалась. Готовила ужины, ждала с работы мужа, тайно начала вязать ему красивый пушистый свитер в подарок на Новый год. А потом поняла, что беременна.

– Толечка, – торжественно начала я свой монолог, – кажется, ты скоро станешь папой. – И протянула ему выданную мне карточку беременной, где был указан предполагаемый срок и дата родов.

Он прочитал, начал что-то считать, глядя на календарь, висящий на стене. И спросил:

– Это его ребенок? Он не взял тебя замуж, и ты решила прикрыться мной?

– Ты что? Кого его? – у меня остановилось дыхание.

– Срок пять недель. Я что, не помню, когда у нас была свадьба? – он швырнул мне карту, из которой посыпались бланки с направлениями на анализы.

– Врачи считают по-другому, Толя, – пыталась объяснить ему я, – от первого дня последних...

Он резко перебил меня:

– Будешь делать аборт. Этот ребенок мне не нужен!

Я ушла от него прямо в тапочках и в халате к маме. Все произошедшее мне казалось нереальным. Мама утеша-

ла, как могла, и тайком пила корвалол. Я очень остро чувствовала его запах.

А Толя появился через пару дней с цветами, фруктами и золотой цепочкой с кулоном в виде амурчика. Три с половиной часа стоял передо мной на коленях, говорил, что просто очень сильно любит меня, и эта любовь отнимает у него разум. Он умолял меня вернуться!

– Нет, нет, нет! – отвечала я.

Было пол-двенадцатого ночи, когда мама не выдержала его завываний и зашла ко мне в комнату:

– Анатолий, я бы посоветовала тебе пойти домой, а Маша подумает и завтра тебе ответит.

– Машенька, ты позвонишь? – спросил он меня.

Я кивнула. И на следующий день, послушав свою маму и Наташку, вернулась к мужу.

Он, действительно, опять стал ласковым и внимательным, каждый день приносил цветы. Снова и снова просил прощение за недоверие. Я простила его. И попыталась понять. Эта дурацкая привычка понимания чужих проблем когда-нибудь меня погубит. Но по-другому, я не могу. Я всегда всех оправдываю.

Спустя какое-то время муж напросился со мной в женскую консультацию.

– Толь, – сказала я ему, – во-первых, это долго, а во-вторых, там одни пузатые тетки. Будешь сидеть среди них и представлять, какая я буду через семь с половиной месяцев.

И разлюбишь.

– Я буду любить тебя любую.

Наверное, эти слова очень важны в общении мужчины и женщины. Может быть, они даже самые главные! Но меня они тогда только смутили: что значит – любую? Кривую, косую, хроющую?

Просто все дело было в том, что так я его не любила. Поэтому и не понимала всей глубины его заверений.

Тогда он все-таки пошел со мной. Сидел под каждым кабинетом по тридцать-сорок минут, терпеливо ждал. На улице уже стемнело, когда мы спустились на первый этаж, на УЗИ. У кабинета находились две беременные женщины и тихо переговаривались. Другая будущая мама устроилась на коленях у своего мужа, нежно обняв его за шею. На противоположной стороне оставался еще один стул, и Анатолий тоже сел, подставляя мне коленки. Я уютно расположилась, обняла его за шею, и только хотела ему сказать что-нибудь приятное, как поняла, что второй мужчина, сидящий со своей женой, – это Женя Макаров. Он меня не видел, смотрел в другую сторону. Я испугалась, что, у мужа, если он тоже заметил его, снова начнутся приступы ревности, поэтому с силой потянула Толика к выходу, объяснив, что меня очень мутит. Мы вышли в осеннюю непогоду, где я неплохо изобразила приступ тошноты. Анатолий поймал такси и долго держал надо мной зонтик, пока я усаживалась.

Но все же он увидел Женю и все понял. Дома, едва я разделась, он страстно начал меня целовать и, несмотря на мои сопротивления, добиваться близости.

– Ты моя, только моя, никому тебя не отдам! – кричал он.

Я сопротивлялась, как могла. Но он повалил меня на пол, и насильно овладел мной. Почти сразу началось сильное кровотечение. Анатолий вызвал «Скорую помощь».

– Ты убил ребенка, – сказала я ему утром, когда он появился в дверях моей палаты. Слава Богу, без цветов. – Ты убил нашего ребенка!

Я отходила от этого стресса несколько месяцев: практически все время сидела дома, общалась только с мамой и Наткой, которая приводила ко мне Аленку. Я тоже мечтала о такой дочке, я видела во сне ее глазки, целовала ее пальчики и мягкую попку, я слышала, как она плачет и агукает. Мне было очень тоскливо. Толик звонил, через маму передавал деньги и продукты. А спустя три месяца, начал умолять вернуться. И опять все то же самое: я так тебя люблю! Так люблю!

– Наташ, я хочу с ним развестись, – сказала я подруге. – Ничего хорошего у нас больше не будет. Это трудно простить, трудно забыть! А он не отстает!

– Мань, а ты попробуй еще раз. Если совсем противно будет, – тогда пойдешь и подашь на развод. Я сама с тобой

схожу. Ведь Толик любит тебя, отсюда и ревность. Ты знаешь, как он страдает, килограммов на пятнадцать похудел – я его не узнала. Одни глаза остались. Ну, вбил себе в голову, что у тебя с Макаром роман был, и никак не успокоится...

– Был роман, Натка! Был! Только не такой, как у всех! Мы тянулись друг к другу, как намагниченные стрелки часов, но почему-то Господь нас разводил всегда в разные стороны в самый последний момент, как будто игрался нашими судьбами.

– Ему виднее... Значит, твоя судьба – это Сергеев. Почувствуй его, полюби. У него настолько умная голова – с ним не пропадешь. Как за каменной стеной будешь. Не то, что мой Лешик! Люблю его, пустобреха, но все на себе тяну, хоть и моложе его на шесть лет! А выкидываешь... Они у всех бывают, не грусти, моя хорошая. Будут у вас еще детки.

К Анатолию я вернулась. Но детей у нас с ним не было. Куда он меня потом только не возил, какие только деньги не тратил на мое лечение!

Жили мы спокойно, практически не ссорились, заботились друг о друге. А после того, как семья Макаровых, по слухам, переехала в Москву, Толик совсем успокоился. Любящему сердцу, наверное, виднее, – оно все чувствует! Даже такую тоненькую нить, существующую между мной и Евгением.

А, вообще, любовь – это великое счастье. И бесценный дар!

«Как Вы живете без любви?» – спрашивала героиня нашумевшего фильма «Вам и не снилось». Как?

Я тоже пыталась полюбить мужа. Чтобы замирать от его прикосновений, чтобы нервничать, когда он задерживается, чтобы гордиться каждым его поступком и смеяться каждой его шутке. Ведь в семье так и должно быть! Иначе, что это за семья? Я практически занималась аутотренингом, смотря на Анатолия: «Вот он как умно сказал», «Вот какой у него сейчас красивый взгляд», «Вот, как он со мной нежен»!

Я почти убедила себя, что люблю. И даже иногда ему об этом говорила. Он удивлялся: «Почему ты говоришь так редко?» А я философствовала: «В любви признаются только один раз, остальное нужно доказывать делами». Откуда мне знать, глупой, что, когда любишь всем сердцем, хочется говорить эти слова каждый день! Каждую минуту! Петть их, писать, шептать и кричать одновременно, чтобы камни с гор летели, и с неба – гром и молния: «Люблююююююю!»

... Сегодня ночью мне приснился сон. Он был продолжением моего вечера: тот же подоконник, пустой бокал, только окно открыто настежь. Я выглядываю, а внизу стоит Женя и манит меня к себе. Я шагаю вперед и падаю вниз.

Встаю, оглядываюсь, а его нет. Только снег, снег, снег...

– Мария Михайловна, Вас просит зайти наш новый коммерческий директор, – позвонила мне прямо с утра по внутреннему телефону офис-менеджер Ангелина, молодая, фигуристая девушка, сошедшая прямо с обложки глянцевого журнала. Я два года за ней наблюдаю и никак не пойму, что она здесь забыла: вроде, романы ни с кем не крутит, а так долго работает. Сидит себе целыми днями в «Приемной», аккуратно выполняет свою работу, а на перерывах в столовой заставляя половину мужчин нашего производства проносить мимо рта ложки. И вилки тоже.

Сегодня я впервые для себя увидела в ней соперницу. Макаров – тот еще ценитель женской красоты. Может увлечься.

– Ангелина, скажите, а там, кроме Евгения Александровича, еще кто есть? – обратилась я к ней.

– Никого. Вас лично пригласил. Да Вы не бойтесь, он, вроде, ничего, не буйный, – улыбнулась Геля.

Зашла. Женька маялся в ожидании, шагая по кабинету. Повернулся резко. Подошел, подхватил за талию, приподнял над полом и немного покружил меня. Я растерялась.

– Женя, ты что? Зайдет кто-нибудь. Поставь меня на место. Пожалуйста.

– Маша, я так рад, что мы будем работать вместе! Мы присели на соседние стулья у переговорного стола.

– А я не рада.

Он удивился:

– Почему?

– Потому что я буду вспоминать, как при тебе редела. Мне как-то до сих пор неловко. Молодая была. Глупая.

– А я думал, что ты меня вспоминала, – задумчиво произнес он и положил свою руку на мою.

– Жень, давай по делу, – ответила я. Но руку отодвинуть так и не смогла. Ругала себя. Начала считать, чтобы на счет «три» – вытащить ее из-под сильной мужской ладони, но, продолжая чувствовать его тепло, не могла пошевелиться.

Он еле заметно погладил мои пальцы, потом встал и пересел в свое кресло. Мы долго разговаривали о работе, о перспективах и о кадрах. Меня поразило, насколько он был конструктивным, как раскладывал по полочкам все мои факты, доводы и предположения. Периодически делал записи, замолкал на несколько секунд и начинал новый блок вопросов.

– Спасибо, ты очень помогла мне, – сказал Женя после сорокаминутной беседы. И добавил. – Приходи сегодня ко мне. Компания институтская собирается, все свои. Будем обмывать мое назначение. Сейчас напишу тебе адрес.

– Не нужно. Прости. Я не приду.

– Муж не отпустит?

Я ничего не ответила, покачала головой и пожелала ему удачи на новом месте.

– Ну, и зря не пошла! – констатировала Натка. – Что тут такого?

– Натусечка, я чувствую, как в его присутствии теряю разум. Все повторяется, как в юности.

– Подумаешь, разум! Хоть бы ты его потеряла ненадолго. Сергеев твой погрузился с головой в свое программирование – незаменимый человек, один на всю страну! Совсем тебя забросил. Сходи, развейся.

– Нет! Не пойду! – решительно противостояла я ей. – У меня муж. У Евгения – жена и дочка. Так нельзя.

Мы с Женей встречались на производстве, мне кажется, чаще, чем это было бы возможно. Я видела его по утрам – он открывал дверцу машины именно в тот момент, когда я появлялась перед входом в здание заводоуправления. Случайно? Не думаю. Здоровался, улыбался, пожимал руку. Часто приходил в наш отдел сам. Сидел, рассказывал новости московского офиса. Мои девчонки поили его кофе, а я, делая вид, что работаю, набирала на компьютере абракадабру. Обычно что-нибудь из школьной программы, типа: «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз»... И так до конца, что помню. А потом начинала заново. Иногда он заходил в соседний отдел, и через стеклянную перегородку смотрел на меня. Я понимала, что еще неделя-другая, и круг замкнется. От людей не утаишь

его влюбленные взгляды и мои опущенные ресницы.

Напросилась к нему на прием – нужно было утвердить график командировок на февраль для моих сотрудников.

– Евгений Александрович, Женя, – обратилась я к нему, – пожалуйста, прекрати меня преследовать. Это неэтично с твоей стороны!

Он блаженно потянулся в кресле, от чего у меня мурашки побежали по всему телу, и сказал:

– Мария Михайловна, как хорошо, что Вы зашли. Нужно наметить план совместных переговоров по приобретению новых субстанций взамен на нашу продукцию. Поедем мы с Вами в командировку в старинный русский город.

– Никуда я с тобой не поеду!

А он, как не слышит:

– Вопрос очень важный. Если мы его не решим, придется закупать импортное сырье, а в данный момент это нам экономически не выгодно. Моя часть переговоров будет по субстанциям, Ваша – по сбыту. Вдвоем, думаю, у нас получится заключить взаимно-выгодный контракт.

В кабинет зашел Игорь Васильевич, поздоровался со мной и поддержал предложение своего заместителя. Они начали обговаривать детали и цифры, а я попросила разрешения выйти, сославшись на срочный звонок, прекрасно понимая, что командировка – это то, что Евгений добивается уже давно – побыть со мной наедине.

Страшно было себе признаться, но я тоже этого хоте-

ла! Но, проснувшись утром, я решительно отогнала от себя все крамольные мысли, вызвала участкового врача и взяла больничный. Ангелине сообщила хриплым голосом, что у меня ангина. Надолго.

А ровно через неделю мы с Женькой все-таки сидели друг напротив друга в купе номер один скорого поезда №324 и ждали чай. С верхней полки раздавалось легкое похрапывание еще одного пассажира, но я была настолько счастлива, что эти звуки казались мне трелью соловья. Пока я пробыла три дня дома, изображая больного Карлсона, я поняла одну очень простую вещь. Что все эти годы в моем сердце оставался Евгений Макаров, поселившийся там однажды осенью шестнадцать лет назад. Я искренне призналась себе, что до сих пор влюблена в него.

Проводница принесла чай:

– Сахар нужен?

Мы почему-то промолчали.

– Сахар нужен, спрашиваю? – повторила она.

Женя улыбнулся своей чарующей улыбкой:

– Принесите, пожалуйста.

А потом обратился ко мне:

– Маш, а как же ты жить со мной собираешься, если не знаешь, какой я чай пью?

– Я? С тобой? – только и смогла произнести в ответ.

– Со мной! – и, довольный произведенным эффектом, он отхлебнул первый глоток горячего чая.

«Играется, как кошка с мышкой», – разозлилась я и уставилась в окно.

– Маш, не пыхти. Я пошутил. Ты же знаешь, что ты мне нравишься. Уже столько лет. Как мальчишка, ищу предлоги, чтобы каждый день тебя видеть! В моей душе, наконец, наступила весна.

– А была зима?

– Нет, была дождливая осень. Много-много лет.

– Эх, Макаров. Вырвался от семьи на время и сразу стал искать приключения. Типичная мужская проблема: жена не понимает, ругает или что-либо требует. Короче, плохая. Так?

– Нет! Хорошая. Но мы давно живем ради дочери. Практически, как соседи.

– Не продолжай. Не хочу этого знать. На любую другую тему, если хочешь, давай поговорим. Не знаю, как у тебя, а у меня есть муж, и у нас с ним все в порядке.

– Маша, я все про тебя знаю, – совершенно просто сказал Евгений.

Я покраснела:

– И ты решил меня на время пригреть?

– Не на время. Навсегда. Исправить свою ошибку. И твою. Это ведь я подтолкнул тебя к замужеству! Может быть, мы еще успеем побыть счастливыми? Как думаешь, Россомаха?

– Не называй меня этим дурацким животным. А то я

тоже скажу, как тебя называла в институте.

– Ну, скажи!

– Нет!

– Ну, Маш, ну, пожалуйста. Очень любопытно, – попросил Женя.

И я решила:

– Снежный барс. Вот как!

– Снежный леопард? Здорово!

Он встал, взял пустые стаканы из-под чая в одну руку, другой – открыл купейную дверь. Потом обернулся, шагнул назад, аккуратно взял меня за подбородок и, еле касаясь губами моих губ, поцеловал. У меня перехватило дыхание. Сейчас бы подругу вернуть рядом, чтобы кашляла, когда я забывалась, как Тоська Кислицына из кинофильма «Девчата». Только кашлять было некому. Разве что, дяденьку с верхней полки попросить? Но он мирно спал и не догадывался о моих душевных переживаниях. Я сидела и смотрела в окно на проплывающие огни. Женька не возвращался. Видимо, решил мне дать время, чтобы прийти в себя.

Я слушала его болтовню с проводницей. Сначала громкую, потом чуть тише – они, видимо, сели в ее купе. А я легла. За соседней стенкой часа полтора раздавались их голоса: «Бу-бу-бу», не переставая. О чем можно столько говорить? Спать я не могла, лежала и представляла себя, ревущую, под окнами своего дома. А рядом Макаров: «Одно твое слово – и никакой свадьбы не будет!»

Ни он, ни я тогда не осмелились что-то изменить! Может быть, нам дан второй шанс? И его нельзя упускать?

Зашел Евгений, тихо закрыл дверь, поправил осторожно мое одеяло, свисающее на пол, и еле слышно сказал:

– Спи, Росомаха! На этот раз я никому тебя не отдам!

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Евгения

Я проснулся от резкого торможения поезда. Стучали двери купе, громко разговаривали проводники, доносились невнятные слова о прибытии нашего состава. Маша спала, тихо и ровно дышала, лежащая поверх одеяла рука несколько раз слегка вздрогнула. Я смотрел на нее, и наполнялся необыкновенным чувством нежности к этой женщине. Как у нас дальше сложится?

Она, конечно, считает меня уверенным и сильным, не догадываясь о том, что я сам был в глубокой растерянности: охватившее меня чувство было нереальным, оно постепенно вытесняло все, что было в моей жизни, наполняя ее смыслом.

Думал и об Ирине, и о любимой Катюшке. Это очень дорогие мне люди. Я могу их спасти и защитить от кого угодно. Только от себя я их, защитить, похоже, не смогу!

– Жень, не спишь? Чайку принести? – заглянула в купе моя ночная собеседница.

– Да, Галка, тащи. Сразу два.

– И мне, – закричал мой верхний сосед. И через минуту надо мной появились его ноги в теплых коричневых носках.

Слез, уселся на мою полку, представился:

– Валерий Егорович, следуя домой. В гостях у сына побывал. На внука посмотрел. Вот егоза – вылитый я в детстве.

Я тоже представился, сказал, что направляюсь в командировку.

– А что ж, теперь в командировку со своей женой можно ездить?

– Не, Егорыч, это моя коллега. А, может, и женой скоро будет!

– Я вчера сразу просек, что промеж вас что-то есть, – хитрым голосом сообщил мне сосед. – Как вы только в купе вошли.

Проснулась Маша. Глаза ясные, как у ребенка. Засмушалась сначала. А потом начала нас своими пирожками угощать. Мы с ней старались не смотреть друг на друга, потому что между нами чувствовалось такое напряжение, такое притяжение, что с этим становилось бороться все труднее. Поэтому и темы для разговора выбирали нейтральные, чтобы и нашему соседу было интересно. А он оказался очень разговорчивым. Очень много увлекательных историй нам рассказал: про работу на Севере, про стройку века БАМ. А потом говорит:

– Ехать нам еще часа полтора, давайте в домино сыграем.

Старая привычка. В карты играть не люблю, а вот костяшками постучать – это с удовольствием.

– Валерий Егорович, я не умею, не смогу Вас поддержать, – удивила меня Мария.

– Маш, что правда? Откуда ты взялась – в домино играть не умеет? Это же как лото! – засмеялся я. – А в карты?

– И в карты не умею!

– Сейчас мы тебя, барышня, обучим, – Егорыч начал терпеливо рассказывать ей правила.

Играли мы с наслаждением: стучали, смеялись, а я еще и жульничал. В результате, пришлось Марии изображать «рогатое животное».

Нас встретил заместитель директора на своем выдавшем виды автомобиле «Волга», по дороге рассказал про город, про те объекты и здания, которые мы проезжали. Скучно рассказывал, неинтересно. «Не любит свой город», – подумал я.

Мы с Марией сидели позади, и я все время держал ее за руку. Она сначала возмущенно на меня посмотрела, глазами начала делать знаки, но потом успокоилась, не препираться же в машине! Так мы и ехали до самого завода. Маша иногда что-нибудь спрашивала, рассматривая город. А я сидел и не дышал. Вот бы ехать так долго-долго! Но путь, к сожалению, оказался совсем кратким.

В кабинете директора, согласно советским традициям, на-

крыли для нас стол и предложили позавтракать.

Потом мы начали работать, и освободились только к семи часам вечера. Ехали практически с одной важной для нас задачей, но переговоры сразу переросли в возможность будущего слияния наших предприятий. Поэтому нам нужна была информация за последние десять лет: фотографии производственных цехов, документы по оборудованию, бухгалтерские отчеты, характеристики на работников. В общем, все, что мы собрали, завтра передадим в Москву, в наш головной офис.

Тепло распрощались. Директор Виталий Валерьевич предложил нам поужинать в престижном ресторане «для новых русских», но Маша была против:

– Виталий Валерьевич, простите, ради Бога, я очень устала. В нашей гостинице ведь есть ресторан? Там я и поужинаю. А Евгений Александрович пусть составит Вам компанию.

Но я, естественно, тоже отказался. Мне бы на Машку еще пару часов посмотреть!

Какие-то совершенно удивительные вещи со мной происходили. Не знаю, гормоны виноваты или еще какие-нибудь человеческие медиаторы, только весь мир изменился с тех пор, как я ее снова встретил. Краски, звуки, запахи, мои, уже почти сорокалетние, ощущения и привычки – изменилось все. Как-будто с меня сошла моя кожа и выросла новая. Причем, с крыльями. Потому что я летал. Я просыпался и улы-

бался миру, людям, а, главное, себе. И взлетал.

«Аллилуйя, Любви!»

Мы с Марией посидели в ресторанчике, выпили шампанского, много и неожиданно откровенничали, стараясь обходить тему наших отношений. И совершенно не заметили, как прошло время. Так легко и интересно мне давно ни с кем не было.

– Простите, молодые люди, но мы закрываемся в двадцать три ноль-ноль, – предупредила официантка.

– Маш, ты очень устала? – спросил я.

– Ты хочешь продолжить разговор в моем номере? – ехидно предположила моя спутница.

– Фу, как скучно. Мария Михайловна, я хочу пригласить Вас прогуляться.

Если бы я писал мемуары, я бы так и начал: «Именно эта прогулка по ночному незнакомому городу сблизила их навсегда. Так притягиваются звезды, пересекаясь своими орбитами, и начинают вращаться вместе – по совершенно новой, отныне общей для них, траектории необъятной Вселенной...» Ну, что-то типа этого.

А в реальности шел снег. Мило и романтично. Как по заказу. Машка грела руки в карманах моей дубленки, а я, разгоняя снежинки, дурачился и пытался ее поцеловать. Мы не удержались на льду и упали. Мария рассмеялась и вспомнила большую горку возле нашей городской филармонии, с ко-

торой они с Наташкой скатились нам под ноги после новогоднего вечера. Я хорошо помню эту историю. Ну, кто бы еще додумался?

– Вот поэтому ты мне и нравилась! Потому что была не такая, как все. Воздушная или волшебная. Или все вместе.

– Врешь ты все, Барс. Если бы не мои ночные рыдания, ты вообще бы меня забыл.

– Ничего не вру. Следил я за тобой иногда. И видел, как муж будущий за тобой везде болтался.

Лучше бы не говорил. Маша нахмурилась:

– Пойдем в гостиницу. Все неправильно мы делаем!

– Машка, что неправильно? Если люди тянутся друг к другу, то почему им не общаться?

– Общаться можно, – разрешила она. – А целоваться больше не будем!

– Не, все равно будем, куда ж ты от меня теперь денешься. Теперь все.

Конечно, я постучался к ней через несколько минут. Посидел у себя в номере, не раздеваясь. И пошел в другой конец коридора. Она не открыла. Тогда я сел на пол, облокотился о ее дверь и вытянул вперед ноги. Сижусь себе, читаю Пушкина:

«Я Вас люблю, – хоть я бешусь! Хоть это труд и стыд напрасный, и в этой глупости несчастной у Ваших ног я признаюсь!..»

Громко читаю, с выражением. Понимаю, все равно ведь не откроет. Дочитаю и пойду спать.

И вдруг резко распахнулась дверь и я, естественно, упал в ее комнату. Лежу необычно как-то: одна половина моего тела в коридоре, другая – в Машинном номере. Я подложил руки под голову и закрыл глаза. Так я еще к женщинам не заходил! Такая нега накатила, такое блаженство настигло меня у ног любимой женщины. Я первый раз назвал ее любимой именно в этот момент.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Из дневника Марии

Открыла дверь, а он ко мне ввалился.

– Жень, – тормошу его, – иди к себе.

А он в ответ сопит. Довольный такой. Лежит, глаза зажмурил и улыбается. Не знаю, что на меня нашло, но я легла рядом с ним. Он укутал меня своей дубленкой, обнял крепко и задыхал мне в ухо горячим дыханием.

Я, конечно, не утверждаю, но мне кажется, что мы задремали. День-то был трудный! Плюс ночная прогулка. Хорошо, что было очень поздно, и никто не ходил по коридору. Иначе, точно бы вызвали психиатрическую бригаду.

Подскочила, растолкала его и довела до номера. Он сказал мне: «Любовь моя, наконец, я тебя встретил!» и скрылся за дверью.

«Так не бывает», – прошептала я.

А в семь утра дежурная по этажу принесла мне цветы с запиской, повторяющей его вчерашние последние слова. Ви-

димо, чтобы я не подумала, что он был сонный или пьяный!

Я понимала, что остановиться уже трудно. Причем, совершенно все равно, где мы будем, кто будет вокруг, и, что из всего этого получится! Главное, видеть его. Слышать его. Ощущать его прикосновение.

«Да, дорогая, похоже, ты влипла. Одумайся, пока не поздно», – разговаривал мой разум с моим сердцем. Но оно тихо и счастливо улыбалось.

Мы вернулись в свой город. Потекли насыщенные будни. Но, если в прошлые два года моей работы на производстве, особенно зимой, дни тянулись, как кисель, несмотря на важные и срочные задания руководства, то теперь они превратились в ярких бабочек, которые поселились внутри меня и резвились, хлопая своими разноцветными крыльышками. Работа давалась легко, а коллеги казались милыми и приветливыми. Даже заведующая складом, Анна Тихоновна, с которой раньше было невозможно не поругаться. Но и это оказалось в прошлом – теперь мы с ней обменивались выкройками из журнала «Бурда моден».

Все из-за Евгения. Из-за его глаз, его слов, из-за его восхищения мной, из-за наших редких поцелуев. Строго три раза в неделю я находила повод, чтобы зайти к нему в кабинет, чаще стеснялась. На перерыв мы приходили в одно и то же время, и, несмотря на то, что не всегда сидели рядом за одним столом, я чувствовала его теплый взгляд. По вечерам я,

правда, задерживалась редко и уходила раньше, потому что у них с Игорем Васильевичем ежедневно происходило подведение итогов дня.

А вот с утра он стал меня подвозить. Не до проходной, конечно. Я выходила чуть раньше. И утро становилось прекрасным, и зацветали февральские деревья. Не знаю, как их не видели другие люди? Один утренний поцелуй менял всю реальность!

Случилось так, что Женька поселился рядом с моим домом в новостройке, только что сданной в эксплуатацию. Убедил директора, что небольшая квартира заводу все равно когда-нибудь понадобится для гостей, а пока он в ней проживет. Потому что от мамы ему ездить далеко, даже по московским меркам, только что пробок нет. А новый дом находился в десяти минутах езды на машине. И рядом с моим домом. Но этот аргумент ему, конечно, не приводился.

Покупкой квартиры Макаров занимался сам вместе с заместителем директора по АХЧ. И к его удивлению, выбрал квартиру-студию, длинную и какую-то неудобную. Одно окно, где предполагалась кухня, выходило на проспект, второе – во двор. Почти напротив моих окон, только выше.

Он поменял подоконники на более широкие, о чем сообщил мне в первое же утро, когда появился около моего дома.

– Привет, Росомаха! – улыбался он мне своей обольстительной улыбкой.

– А что, ты тут, собственно, делаешь? – удивилась я,

интуитивно оглядываясь назад, хотя Анатолий был в отъезде.

– Я теперь тут живу. Вон то окно видишь? На седьмом этаже рядом с синей полосой кирпичей.

– Слева или справа?

– Слева!

– Все бы тебе слева, – съехидничала я.

– А знаешь, какой ширины там подоконники? Вот такие! – он раздвинул руки до необходимой величины.

– Зачем?

– Ну, ты же любишь на них сидеть.

– Женя, я не пойду к тебе в гости, тем более, не буду сидеть на твоих подоконниках. У меня свои нормальные. И тоже широкие, – решительно ответила я.

– Пока я тебя приглашаю тебя просто помочь мне. Кухню и уголок сегодня соберут. А вот какую мебель еще купить, я никак не придумаю. Странный архитектор квартиру проектировал. Но, зато с видом «на море», то есть на тебя. Поможешь?

– Может, тебе Ангелина твоя поможет?

– Не, Ангелина, малолетка. Что она понимает? Ну, Манечка.

Так он меня еще не называл. Это был Наткин вариант моего имени. И я согласилась вечером посмотреть его апартаменты. Если честно, то с удовольствием.

– Да квартира, и вправду, какая-то нелепая, – поморщилась я, оглядывая Женькины хоромы.

– Нелепая?

– У Агаты Кристи есть произведение «Нелепый домшико». Это ее термин.

Женя поморщился:

– Нет, королевы детективов нам не нужно! Как насчет Мопассана или Эммануэль Арсан?

– Так, я ухожу. Будешь соблазнять кого-нибудь другого. В смысле, другую, – я сделала вид, что иду к двери.

– Все-все, молчу. Беру блокнот и слушаю твои советы.

Мы съездили на мебельную фабрику и заказали гостиную. Поужинали в тихом ресторанчике и расстались. А вечером я сидела на своем подоконнике и смотрела на Женькин силуэт в окне напротив. Отныне так было каждый вечер.

Натка пришла ко мне в выходной, посмотрела в окно, увидела Макарова и уставилась на меня с непониманием:

– Первый раз вижу такого терпеливого мужика, который долго, но настойчиво добивается глупую Маньку. А ты чего ждешь? Смотри, его жена одумается и припрется сюда. Будешь потом локти кусать!

– Я, кажется, люблю его, – чуть не плача, призналась я подруге.

– Ты, кажется, любишь его уже лет пятнадцать.

– Шестнадцать!

– Тем более.

– Наташ, ну, что тем более? Это нечестно!

– Маш, да, где она, эта честность? Не вы первые, в конце концов, не вы последние. Каждый человек в этой жизни предназначен кому-то одному. Решайся. Не мучай ни его, ни себя. Послал Господь любовь, люби!

– Помнишь, наша староста как-то говорила про загулявшего мужика, бросившего жену и детей?

– Нет!

– Ну, мы тогда с девочками в общежитии в темноте день рождения Светкин отмечали. Обсуждали случившийся у кого-то из взрослых родственников адюльтер. Я тогда сказала: «А, если у них любовь?». И Анна ясно и кратко в ответ: «Какая может быть любовь, если у него дети?»

– Ага, вспомнила. Только Анька твоя второй раз замужем, и уходила от мужа сама. Судить мы все можем! Только хочется счастья! Счастья! Взаимной любви, в первую очередь, а не череду обязательств. Я бы от Лешки давно сбежала, но у нас любовь до сих пор. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

В пятницу Женя на работу не вышел – уехал в Москву, подарив при расставании обалденный букет моих любимых желтых роз. Жаль только, что через два дня их пришлось выбросить, потому что приехал на несколько дней Толик. Привез мне литровую банку черной икры. Он, конечно, меня баловал. Дарил драгоценности и вещи, даже белье красивое

сам покупал. А я в его отсутствие по-старинке садилась шить. Очень мне нравилось это занятие, да и ткани сейчас красивые продаются – шить одно удовольствие.

Я пыталась быть с ним милой и заботливой. Как всегда. В воскресенье мы сходили в театр, потом – в ресторан.

В понедельник муж встретил меня с работы, и мы шли домой пешком.

– Потерпи, Машунь, еще пару лет. Я увезу тебя из этой страны в Европу. Я не могу тебе всего рассказывать, поскольку проект, над которым я работаю, засекречен. Зато потом – будут деньги и свобода!

Анатолий с детства занимался ЭВМ. Помню, на первом курсе он показывал нам собственноручно собранный компьютер, когда мы с группой были у него в гостях. Что это такое, я тогда не знала. Подумаешь, стоит себе старый телевизор «Рекорд» с какими-то проводами! Да и неинтересно нам с Наташкой было. Парни рассматривали творение Толи, а мы с ней на кухне готовили бутерброды со шпротами. Хорошая тогда получилась вечеринка!

Когда после свадьбы утряслись наши семейные недопонимания и приступы ревности Анатолия, где-то ближе к середине девяностых годов, муж организовал первую в городе фирму по продаже компьютеров, которая приносила нам хорошие деньги. А потом, собственно, занялся тем, чем хотел – программированием. Переход на рыночную экономику создал потребность в разработке таких программ. Муж

быстро в этом разобрался, ему это нравилось, и, к тому же, приносило прибыль. От клиентов отбоя не было. Так и начались его разъезды.

Последние два года он работал в столице.

Почему я не ездила с мужем? Теперь понимаю, что не любила. А тогда причину искала в его невозможности сочитать меня и работу – он мог сидеть над программой месяца и не видеть, что происходит вокруг. Поэтому мы договорились, что я пока живу и работаю дома, а он приезжает, когда у него есть возможность.

Сегодня Толя вдруг раскрыл свои планы: собрать необходимую сумму денег и уехать из страны.

Думать на эту тему мне совсем не хотелось. Меня волновала одна единственная мысль – после выходных не приехал Макаров! Что, если, его снова оставили в Москве? И он больше не вернется никогда? Всю дорогу домой, пока Анатолий рассуждал о далеких странах, я молчала. Мне хотелось услышать Женин голос. Хотя бы одно слово!

Его окно было темным. И на сердце у меня становилось темно. И холодно, и страшно!

Во вторник на работу я практически бежала. Думала, что Евгений приехал утренним поездом, и сразу с вокзала придет на завод. Но его не было! Я взяла какие-то бумаги и пошла к Ангелине.

– Геля, привет, – ты опять «сиротствуешь»? – бодрым

голосом начала я. – А когда придет Евгений Александрович?

– У меня такой информации нет, – ответила офис-менеджер, подкрашивая свои пухлые губки.

Возвращалась в отдел, радуясь, что, хотя бы не услышала, что он здесь больше не работает. Все валилось из рук. Я с нетерпением ждала любимого человека. Самое ужасное в этой ситуации было то, что я не знала, что с ним, не могла ему позвонить. И не имела на это права даже, если что-то случится!

Это было несправедливо!

Пол-вечера я провела возле окна. Стояла, ходила, поправляла шторы, некоторое время сидела. Толя работал, и периодически просил сварить ему кофе.

– Толик, ты испортишь желудок. И сердце. Представляю, сколько этого напитка ты хлебаешь в Москве без меня. Посмотри, как ты похудел. Одни глаза остались.

– У меня хорошая наследственность, – ответил он. – Могу переваривать гвозди.

Его шутку я уже не слышала. Взяла телефонную трубку и снова расположилась на подоконнике. Набрала Наташкин номер.

– Слушаю Вас, – официально поприветствовала подруга, но, услышав, что это я, съязвила. – Как проходят вечера с любимым мужем?

– Так же, – очень вяло ответила я.

Она поняла. Начала задавать вопросы:

– Поругались?

– Нет.

– Макаров?

– Да.

– Что да? Не обращает внимания или куда-то делся?

– Ну, да. Второе.

– Скучаешь?

– Невозможно, – я пожалела, что позвонила, потому что жутко захотелось плакать.

– Хочешь историю расскажу. Поучительную. У нас тут соседка сегодня хоронили, совсем старенького. Очень хороший человек был. Я о нем вот что узнала. Более тридцати лет у него была и жена, и любовница. Жена полгода назад умерла. И состарившиеся любовники, наконец, освобожденные от его брака, решили жить вместе. А дети в позу встали. И довели деда до сердечного приступа – так, что врачи не спасли. Даму сердца даже на кладбище не пустили проститься! «Да, кто она такая? – рассуждала при мне двадцативосьмилетняя внучка, – просто подстилка!» А он, наверное, называл ее любимой!

– Какой кошмар, Наташ, как же так можно?

– Вот и я про то! Во-первых, внучку эту, – душой малолетней обозвала. А, во-вторых, тебя с Макаровым вспомнила. Маня, пойми, люди, в конце концов, умирают. И не всегда в семьдесят восемь лет! Бывает и раньше. Чего вы ждете?

И в этот момент загорелся свет в Женькином окне.

– Да, Натка, я сейчас непременно приеду! Уже такси вызываю! – придумала я на ходу.

– Макар приехал, что ли? – поняла моя сообразительная подруга.

А я уже сообщала мужу, натягивая джинсы:

– Толичек, у Натки проблемы. Я съезжаю.

Но он ничего не ответил, поглощенный работой.

Полуодетая выскочила на улицу, села в такси и уже через три минуты вышла у подъезда Жениного дома. Позвонила. И практически упала ему в руки.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Евгения

Пока я безрезультатно рассматривал Машины окна, она уже стояла возле моей двери и нажимала кнопку звонка.

Обняла меня, ноги подкашиваются:

– Женька, ну, где же ты был? Что у тебя случилось? Я так волновалась! – дрожит вся, в глазах слезы.

Снял с нее пальто, стал целовать, а у самого дыхание перехватывает. Все понимаю, что сказать нужно, а не могу. Как собака Павлова.

Милая моя, родная, любимая! Как же я раньше жил без нее?

Когда ноги стали дрожать у меня самого, я поднял Машу на руки и занес в комнату. Оторваться друг от друга мы уже не смогли.

Странно, секса в моей жизни было достаточно, особенно по молодости, когда здоровье было получше, и никакие проблемы не одолевали. Но такого удовлетворения я не получал ни с кем...

Любовь! Это она вложила в наши губы, в наши руки, в наши тела столько нежности и страсти одновременно, что Мария после своих стонов и вскриков, снова заплакала. Да и я сам, теперь уже от счастья, тоже растрогался, как пацан.

Мы долго сдерживали свои чувства, но они совсем неожиданно вырвались наружу. Наверное, где-то во Вселенной произошел взрыв! И погибла звезда, или даже целая галактика! Зато мы теперь вместе! Навсегда!

Обретя дар речи, я спросил любимую женщину:

– Машка, ты теперь моя?

– Твоя, – абсолютно счастливым голосом ответила она.

Мы были вместе четыре с половиной года. Вместе – это значит, вместе. Утром, днем, вечером, ночью – это, конечно, просто реальность. Главное, другое – слились воедино наши души. Я чувствовал, когда ей плохо, больно, когда она счастлива. Мои глаза видели только Машу, мой организм был настроен только на ее голос, мое сердце билось в такт с ее сердцем. Мы стали одним целым.

– Так не бывает, – шептала она мне по ночам.

– Так не бывает, – отвечал я.

– Но это случилось, – продолжала Машка.

– Да, – соглашался я, прижимая ее к себе еще сильнее.

Находиться вдали друг от друга становилось все более невыносимо.

Легко описывать состояние неразделенной любви: находится много слов, чтобы выразить свою боль. Но как сложно оказывается, описать чувство абсолютного счастья. Просто невозможно объяснить это тем, кто никогда ничего подобного не испытывал. И даже как-то неловко.

Иногда на меня накатывалась такая волна нежности и любви, что, энергетически могла бы смыть пол-материка. Ну, уж небольшой остров – точно.

Я любил. И знал, что любим. Так же искренне и преданно.

Когда Маша готовила, я сидел на полу у ее ног на кухне, замороженный ее движениями, ее смехом:

– Женька, ты мне мешаешь. Иди посмотри телевизор.

Если, стоя у плиты, своими кулинарными навыками хотел похвастаться я, Маха подходила ко мне сзади и облакачивалась спиной о мою спину. Я мешал спагетти, и от ее прикосновения тихо сходил с ума. Потом поворачивался к ней, и в результате, вместо пригоревших спагетти мы ели бутерброды. И были, при этом, абсолютно счастливы.

Однажды, моя любимая, правда, заговорила о расстава-

нии. Было воскресенье. Осень. Мы гуляли по лесу, Машка плела из листьев венки-корону, приставала ко мне с поцелуями, а я ее фотографировал. Сели на огромный пенек от старого дуба, съели на двоих одно яблоко и замолчали. Над головой, где-то в кронах деревьев, шумел ветер, а внизу было тепло. Сквозь поредевшую листву пробивались лучи нежаркого осеннего солнца, и желтые листья плавно кружили посреди этой великолепия.

– Жень, – начала Маша каким-то неестественным голосом. – Наверное, нам нужно закончить наши отношения. Мы прирастаем друг к другу все сильнее и сильнее.

– Прекрасно, – ответил я. – Меня все устраивает. Ты съела явно не то яблоко, Росомаха. Сейчас по сценарию ты должна меня соблазнять.

– Жень, я серьезно. У тебя семья.

– Причем здесь семья? Я ведь всегда с тобой!

– Притом. Если бы не было меня, у вас с женой могло бы все наладиться. А я не даю вам этого шанса.

Я схватил ее за плечи и слегка встряхнул:

– Машка, глупая, о чем ты говоришь? Я никогда, слышишь, никогда не любил свою жену. И только с тобой понял, какие могут быть отношения между мужчиной и женщиной. Я не смогу без тебя. Ты нужна мне. Понимаешь?

– Я понимаю. Только чувствую себя мерзавкой. Это омрачает нашу любовь. То, что я предаю Толика, это мой грех, моя вина. Но то, что я разрушаю твою семью, – с этим сми-

риться невозможно.

– Мы всегда будем вместе! Всегда! А с нашими близкими разберемся со временем. Я все возьму на себя. Подождешь?

Маша молчала. Я повторил:

– Подождешь?

Не отвечая, она положила голову ко мне на колени. А я, счастливый, долго гладил ее по волосам.

Больше разговор на эту тему мы никогда не заводили. Маша, при всей своей нежности и женственности, умела быть сильной. Только я все равно чувствовал, как сжималось у неё сердце, когда мне звонила жена!

Я не знаю, какие эмоции испытывал бы я в подобной ситуации? Маша избавила меня от этого. Она разговаривала с мужем всегда наедине. Я не слышал ее вопросов, адресованных Толику – о его здоровье, о работе, не слышал «пока» и «целую». Они звонили друг другу днем или вечером. Утром Машка обычно была неразговорчива, звонила мужу с работы, а, если поговорить не удавалось, уходила вечером домой на час-полтора и ждала его звонка там. Я видел любимый силуэт на подоконнике в соседнем доме, и, все равно, немного ревновал.

Мне она была очень дорога. Очень.

Но тогда я верил, что все у нас хорошо, и дальше будет еще лучше – мы непременно будем вместе. Каждое утро я буду просыпаться рядом с Марией и скрипучим голосом приветствовать ее: «Привет, Росомаха» или «Доброе утро, моя ма-

ленькая», а потом участвовать в нашем утреннем ежедневном соревновании: кто сегодня подаёт кофе? Чаше, конечно, это был я. Потому что за этим следовала награда – смотреть в Машкины сонные глазки и ждать первого поцелуя после половины выпитой чашки.

Я постоянно спрашивал себя: «Может, это скоро пройдёт?». Но не проходило! Ни год, ни два, ни три... А с каждым месяцем мы все больше понимали друг друга. С одного взгляда, с одного слова. Доходило до того, что иногда Маша произносила ту самую фразу, которую я только собирался сказать. Или наоборот. И мы, как дети, начинали смеяться.

Нам очень тяжело давалась разлука. Я ненеадолго уезжал в Москву, а душой оставался с ней. В такие дни со мной всегда что-нибудь случалось. Постоянно думая о Машке, я был растерян, поэтому ломал бытовые приборы, резал руки, подхватывал вирусную инфекцию. Но стоило мне вернуться к ней, как все моментально проходило.

Наши вечера и выходные дни были разными: безумными и страстными или, наоборот, удивительно спокойными. Мы смотрели фильмы, потом до одури их обсуждали, пели под гитару студенческие песни, играли в домино, которое нам подарил на прощание наш попутчик Валерий Егорович, читали книги. Иногда нам было приятно даже молчать: заниматься разными делами, но находиться непременно рядом. В такие дни достаточно было взгляда, улыбки, случайного или нарочного прикосновения.

Маша много помогала мне по работе. Я, с двумя высшими образованиями, прежде чем принять решение, спрашивал ее совета. Она обладала каким-то удивительным чутьем на людей, и, практически всегда знала, какая последует реакция за тем или иным приказом. А если не понимала вопроса, просила меня объяснить, и выдавала ответ, спустя какое-то время, хорошо обдумав ситуацию, чтобы я непременно выглядел перед руководством в лучшем виде, говоря при этом:

– Как они не понимают, что это только благодаря тебе, завод не развалился? Что это только твоя заслуга!

Прижималась ко мне и шептала: «Горжусь тобой!».

Какая она еще была? Многогранная, разноцветная, как радуга. Ей удивительно легко давались разговоры как с простым работягой, так и с министром. Однажды приезжал к нам такой важный гость на пуск новой линии. И после совсем недолгого общения с Машкой, пригласил ее работать к себе в Министерство.

Ее любили все. Но главное, ее любил я: до безумия, до величия! Всей своей душой, всем сердцем. И чувствовал ее ответную, еще большую любовь.

Иногда я страдал от того, что мне некому рассказать, какая она удивительная! Только Антон принимал мои периодические хвалебные оды в ее честь, молчал и тихо о чем-то вздыхал. Как он потом скажет: «Вам все завидовали». Все, которые были посвящены в наши отношения. Таких было немного.

Да, что там, все! Я сам себе тогда завидовал!

Чем ближе мы становились с Марией, тем сложнее были отношения с Ириной. Даже раз в месяц. Даже по телефону. В свой адрес я слышал только претензии и упреки. Когда-то я пытался объяснить Машке, что мое решение пожить отдельно от жены было вызвано полной невозможностью совместного существования. И ещё очень не хотелось, чтобы дочка смотрела на крах наших отношений. Поэтому я уехал работать в другой город.

Я не думал заводить любовные романы. Я хотел побыть один. Но постучалось в мою дверь счастье. Доброе и светлое. Счастье по имени Мария.

Успокаивая любимую, я, конечно, тоже переживал о сложившейся ситуации, но остановиться уже было невозможно. Так же невозможно, к примеру, как прекратить дышать или пить. Моим воздухом, моей водой стала Маша.

Но пока я не решался бросить семью: очень любил свою дочку, и был за нее искренне благодарен жене. Я отдал бы какой-нибудь свой орган, если бы кому-нибудь из них понадобилось. Я даже, наверно, убил бы за них! Но выбор мой был сделан, и скрывать свои отношения с другой женщиной мне становилось все труднее.

Мы с Машей еще не решили, когда и как случатся наши признания. Но момент этот приближался. И тайное, как в «Денискиных рассказах», все равно когда-нибудь стало бы явным.

А пока я ездил один-два раза в месяц в Москву на выходные, привозил в семью деньги, покупал продукты, чинил то, что мог починить и находил мастеров для более серьезного ремонта, баловался с Катькой и отражал атаки жены. Наверное, она что-то чувствовала, и ее отношение ко мне стало ещё невыносимее.

Ирина в последнее время помешалась на своей внешности, чего никогда не было с ней в молодости. Фитнес, сауны, массажи, косметические процедуры – график этих мероприятий висел на холодильнике, поддерживаемый магнитом с надписью «Кисловодск».

Я говорил ей:

– Ира, это здорово, что ты в форме. И выглядишь сейчас замечательно. Молодец!

– Какое тебе дело? Занимайся собой.

– Ну, зачем ты так? – я постоянно пытался сгладить ситуацию. – Просто я о Катьке волнуюсь. Она все время одна. Ты же мать.

– А ты отец, – незамедлительно отвечала жена.

– Я пока нужен там, на производстве. Твой отец просил меня поддержать его. Давай я дочку с собой заберу. Мама мне поможет.

– Нет! Катю не отдам. Нечего ей в провинции делать!

– Странная ты, ей Богу. Возраст у неё опасный. Нужно следить за каждым шагом.

– Хочешь, возвращайся и следи. Хотя нет, сиди там с Ан-

тоном и подобными ему неудачниками.

– Я себя неудачником не считаю.

На что последовал язвительный ответ:

– Если бы не отец, тебе бы эту должность никто не дал!

Примерно такие диалоги происходили каждый мой приезд. Но с разводом я все равно тянул. Сбегал от реальности в сказку, где ждала меня любимая женщина, принимающая меня таким, какой я есть, и, даже более того, считающая меня идеалом.

– *Я так скучала по тебе, Барсик! А ты?*

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Из дневника Марии

Мы с Наташкой сидели на городском пляже. Было начало сентября, но жара стояла несусветная. Аленка с Лешиком плавали, а я изливала подруге душу:

– *Натка, вот он уехал, а я ничего не могу делать. Легла и лежу. Если бы вы меня на речку не вытянули, так бы и пролежала до завтрашнего вечера. Мне ничего без Женьки не нужно! Разве это нормально?*

– *Нормально. Он же тоже скучает?*

– *Скучает! Когда он приезжает, я вижу, как светятся его глаза. Он не отходит от меня.*

– *А на работе?*

– *На работе никто не знает. Надеюсь. Но днем мы видимся редко. Я – про наши вечера и ночи. Это такое блажен-*

ство! Мне иногда стыдно бывает за то, что мы счастливы, а кто-то в это время страдает. И перед Толиком стыдно, и перед Жениной женой! Я уже заводила разговор, чтобы закончить наши отношения, а второй раз – не получается. Ком к горлу подступает, и ничего сказать не могу. А он сразу это чувствует: «Маленькая моя, что с тобой?» И я молчу. Уже больше четырёх лет прошло! А у нас ничего не изменилось – все ощущения, как и в первый день.

Наталья доела грушу, запила своей любимой кока-колой и тихо мне сказала:

– Манечка, поговори с ним серьезно. Если он намерен дальше строить свою жизнь с тобой, пусть решается первый. У него, кроме жены, дочка есть. А потом уже ты с Толей поговоришь. Знаешь, светящиеся глаза, это, конечно, здорово, и светиться они могут еще тридцать лет, как у моего покойного соседа со своей любовницей, но, если Евгений в скором времени не готов назвать тебя своей женой, он этого не сделает никогда! Прости мою прямоту. Но это жизнь!

– А если он скажет, ещё подождать?

– Если любит тебя, не скажет! Он же умный?

– Умный!

– Значит, он понимает, что ты чувствуешь! Это очень унижительно – быть любовницей! И, вообще, если Макар хочет покупать в старости кефир именно тебе, значит, должен что-то менять в вашей жизни. Хотя советовать легко, – моя подруга задумалась. – Решать все равно придется.

ся тебе. Если нужно подождать, и на это есть объективные причины, значит, нужно подождать! Только непременно объясниться друг с другом! Очень легко все разрушить неискренностью. А вам есть о чем жалеть! Если существует в жизни идеальная любовь, то она подарена вам двоим. По крайней мере, я такие отношения только в кино видела. Да и то – в американском. Типа «Привидения», «Непристойного предложения» и «Привычки жениться». «Красотка», пожалуй, не подходит, не ваш вариант.

Мы рассмеялись на весь пляж.

А вечером я ждала Женьку из Москвы.

Наверное, Натка права, сколько можно врать и скрывать? Да, наша любовь дает нам многое, но она нечестная. Так быть не должно!

Размышляя об этом, я готовила вкусный ужин и посматривала на часы. Через сорок минут прибывает поезд, плюс пятнадцать минут дорога до дома – значит, через час я буду в объятьях любимого.

Села на подоконник, уставилась в небо...

– Стульев для тебя как-будто не существует, – всегда комментировала такие моменты моя мама. – Вот ведь дурная привычка!

А я обычно смотрела на солнце или на звёзды. И улыбалась. Или плакала. Или мечтала.

Сегодня – думала.

Вот со мной рядом удивительный человек: умный, сильный, добрый, смешной, любимый. Нам легко и хорошо вместе. И я точно знаю, что я не смогу без него жить, случись что! Женя всегда говорит то же самое. Надеюсь, что это так. Как же нам быть дальше? Ведь когда-нибудь все станет известно, и кроме непристойных слов мы в свой адрес ничего не услышим.

Мне вдруг почему-то стало тревожно, и я почувствовала, что нам не быть вместе, стоит только объявить о нашем решении... Что впереди нас ждёт расставание! От этих мыслей меня охватил озноб. Я соскочила с окна и, закутавшись в пушистый плед, легла на диван и заплакала. Таковую, ревущую, как белуга, меня и застал Евгений. Открыл дверь и сразу бросился ко мне:

– Машка, милая моя, что случилось? Ты не заболела?

– Женечка, не уезжай никогда больше. Я не могу без тебя!

– Знаешь, я тоже не могу! Давай что-то решать, чтобы больше не расставаться!

Я заголосила ещё сильнее:

– Скажи, ну, откуда ты мог знать, что я об этом хотела с тобой поговорить?

– Дурочка моя. Я просто очень тебя люблю! Почувствовал, наверное, что ты на пределе.

Он поцеловал меня в мокрый нос, и на душе стало хорошо и спокойно. Только не хотелось отпускать его руку. А поскольку я за ужином сидела справа от него, есть ему при-

илось левой рукой. Женя постоянно смеялся, рассыпал плов по столу и целовал мою ладошку.

Очень милый получился вечер. И очень ласковая ночь. Как всегда.

А утром я спросила:

– Жень, как же все будет?

– Ну, как-то придётся сказать, – ответил он и задумался. – У Ирины день рождения в конце сентября, в последнюю субботу месяца. Юбилей. Наверное, лучше до него все это сделать.

Стало грустно. Стыдно. Тревожно. Я смотрела в его глаза, а он отводил взгляд.

– Может, после ее праздника? – осторожно спросила я. – Наверное, не стоит его портить?

О себе я всегда думала в последнюю очередь.

– Да. Ты права. Так будет лучше, – согласился Женька, целуя меня перед выходом на работу. – Какая же ты необыкновенная! Мне до сих пор не верится, что ты со мной!

Незаметно прошел сентябрь. Пришел октябрь. Со своим буйством красок увядающей природы и первыми ночными заморозками. А когда начались дожди, мы сбежали от осени в Италию.

Рим и Венеция. Три дня необыкновенного счастья с любимым человеком в прекрасной и чарующей стране. Прощаль-

ный подарок судьбы. Но тогда мы этого не знали и все еще строили планы. Постоянно отставали от экскурсионной группы, бродили по тихим живописным улочкам, пили ароматные вина, днем не успевали перепробовать итальянские блюда, а по ночам – не могли насытиться друг другом, как и в первые месяцы нашей близости.

Мы, конечно, больше влюбились в Венецию, в город, который буквально был пропитан любовью. Каждой своей улочкой, каждым мостиком, каждым каналом. Это было про нас. Это было для нас. И кормление голубей на площади Сан-Марко, и роскошные городские окрестности с высоты колокольни Кампаниле, и неповторимые Дворец Дожей и Собор Святого Марка. В тот день все принадлежало нам!

Ближе к вечеру мы уплыли вдвоем на красивой черно-красной гондоле по извилистому Гранд Каналу, шептали друг другу всякие глупости, не забывая самозабвенно целоваться. Разомлевшая от свежего воздуха и ласковых Жененькиных признаний, я уснула, положив голову на его колени. А, когда проснулась, было уже темно. Наша гондола плавно покачивалась у причала недалеко от Мостика Вздохов.

– Выспалась? – спросил Женя, смеясь и извлекая меня из клетчатого теплого пледа, – гондольер из меня все деньги вытянул за твой безмятежный покой. – Ну, ты и соня у меня.

– Спасибо, родной, – благодарно произнесла я ему в ответ, не забывая порадоваться его словам, что «я» и «у него». Я

с ним! А он со мной! Мы встретились, чтобы всегда быть вместе!

В конце ноября Евгений поговорил с женой, и настала моя очередь принятия решения. Мы надеялись на долгую счастливую жизнь, но началась совсем другая история, состоящая из безнадежности и боли.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Ирины Макаровой

Конечно, Женя никогда меня не любил.

Я всегда чувствовала его нелюбовь. С каждым годом все острее. И чем сдержанней он ко мне относился, тем больше я его хотела. Получить. Приручить. Родить ему ребенка. Заставить любить.

Не знаю, как все началось? Скорее всего, когда я увидела, как смотрит на него тренер Жанна Александровна. Симпатичных парней-спортсменов в нашем клубе было очень много. Но я ежедневно видела страстно влюбленную женщину, и стала смотреть на него ее глазами. Женя, конечно, этого заслуживал, отличаясь своей природной интеллигентностью, искренностью и преданностью. Он никогда не принимал участие в спортивных спорах и грязных играх. Был со всеми, и, одновременно, сам по себе – заводилой и одиночкой. И еще он удивительно улыбался!

С ребятами мне не везло никогда. С той самой школьной

поры, когда повзрослевшие мальчишки стали забрасывать одноклассниц записками, а на переменах дергать их за косы и хвостики, и прятать тетрадки. Я для них как будто не существовала. У меня списывали домашние задания, занимали деньги и просили передать подругам свои маленькие знаки внимания.

Когда в нашу признанную красавицу Ольку влюбились сразу несколько мальчиков, я стала с ней дружить. Хотелось приблизиться к такой желанной для меня теме, и хоть со стороны почувствовать, что такое влюбленность. Я с удовольствием слушала ее рассказы о неловких ухаживаниях наших ровесников, давала свои наряды, лезла с советами.

После смерти мамы папа старался изо всех сил ее заменить, поэтому ни в чем мне не отказывал. У меня была личная портниха, которая шила потрясающие вещи. С промтоварной базы отец приносил самую лучшую обувь. А позже – доставал фирменные джинсы и футболки с иностранными надписями и изображениями мировых звезд. На меня обращали внимания, со мной дружили, у нас дома часто собирались послушать редкие диски, поесть вкусных пирожных и заморских ананасов, раскрутить меня на «массандровское» вино или шампанское. Но никто никогда по мне не вздыхал. По крайней мере, мне это было неизвестно.

Когда я поступила в престижный медицинский ВУЗ, надеялась кардинально себя изменить. Главное, заявить о себе, как об обеспеченной и раскрепощенной девушке, и от же-

нихов отбоя не будет! Но все оставалось по-прежнему. Девочки из провинции, проживающие в общежитиях, меняли ребят одного на другого, и, начиная с третьего курса, стали выскакивать замуж. Я же прекрасно выглядела, была хорошо одета, имела московскую прописку, старалась посещать все дискотеки и дружеские посиделки, но уезжала домой одна. На такси. Так настаивал папа.

И только на шестом курсе у меня, наконец, появился поклонник. Он стал провожать меня до дома, и в такие моменты мне хотелось кричать всей улице: «Смотрите все: я иду со своим парнем!» Но эти ощущения были только первое время. К нему самому, к сожалению, я оказалась совершенно равнодушна, поэтому стала выискивать у него недостатки, в том числе, в воспитании, что для меня всегда было важно. И, в тот самый момент, когда он ринулся меня окончательно завоевывать, я вспыхнула, привязавшись к какой-то ерунде, и попросила его уйти. Больше он не приходил.

Папа назвал меня принцессой на горошине, потому что мой потенциальный жених ему нравился, и он уже облегченно вздохнул, что дочка в девках не засидится. На что я, привыкшая с детства получать только то, что я хочу, ответила:

– Не волнуйся, папочка. Значит, буду искать принца.

И дала ему задание – устроить меня врачом в Центр подготовки космонавтов. Там они, принцы, точно водятся. Но он сумел найти мне работу попроще – в известном спортивном клубе, что тоже было неплохо для моих целей. Плюс вы-

езды за границу на соревнования обещали быть познавательными и продуктивными. Первые два года я с трудом привыкала к спортсменам: потные, выжатые после тренировок, они вряд ли подходили на роль моего возлюбленного. Хотя, заигрывать пытались многие. Только было это как-то несурезно и пошловато. На «ходу». Поэтому я быстро прослыла замной недотрогой. Впрочем, как всегда.

И, когда на душе в очередной раз стало грустно и тоскливо, я в первый раз обратила внимание на Макарова. Он работал на корте, а Жанна Александровна ходила по периметру, не сводя с него своих похотливых глаз. Женька, и вправду, был тогда хорош. Одетый в свою ослепительно белую форму, он напоминал какого-то дикого, но очень пластичного животного. И сердце мое откликнулось, ожило!

Я не планировала конкретных действий. Я просто решила: «Он будет моим!». Так всегда было в детстве – выполнялись все мои желания. Однажды в гостях у одноклассницы я увидела немецкую куклу с длинными волосами, в ярко-оранжевом платье и, придя домой, прямо с порога заявила о своем желании иметь точно такую же игрушку. Отец искал ее для меня по всем московским базам, чтобы подарить на день рождения. И, конечно, нашел. Я назвала ее Ирэнрой, и ни один год хвалилась ею перед подружками.

В данном случае я была тоже уверена, что моим мужем непременно станет Евгений. И, хотя первая попытка завоевания потерпела крах, сдаваться не собиралась. Я, как тень,

всегда находилась рядом с ним, знала расписание его тренировок, настаивала на сопровождении их группы на турнирах. И, слава Богу, он не отдалился. А стал относиться ко мне по-дружески. На том этапе это было победой!

Когда он попал в беду, и решался вопрос о его пребывании в Сборной, Жанна Александровна сделала все возможное, чтобы Макарова исключили. Она, конечно, не надеялась на мои показания, рассказывая руководству, что данный спортсмен полностью аморально разложившийся элемент, которому не место в советском спорте, намекая на то, что, помимо его политической неустойчивости и выявившегося пьянства, он еще однажды пытался изнасиловать докторшу, то есть меня. К своему удивлению, я подтвердила этот случай. Мне нужно было изолировать Женю от его любимого тенниса, от друзей, большинство которых сразу от него отвернулись, от простушки Ниночки, проводившей с ним свободное время. И все получилось, как нужно – Евгений остался один. Ближе меня, у него на тот период времени, никого не было. Это я протянула ему руку помощи после выписки из больницы, выхаживала его и подбадривала, предоставив на время лечения комфортное жилье.

Но кроме слов благодарности в мой адрес, Женька по-прежнему не проявлял ко мне интереса. А просто принимал заботу, заверяя, что обязательно отблагодарит, и придет мне на помощь в любой жизненной ситуации. И все. Мне было нужно больше!

Тогда я обратилась к Ольге. Она училась с нами первые полтора года, но не сдала очередную сессию, и была отчислена. Очень необычная была девчонка: темные длинные волосы, глубокие, почти черные глаза, в которых, при желании, можно было утонуть. К ней сразу потянулись многие наши однокурсники с первых дней совместного обучения. И она вертела ими, как хотела! Это потом, девчонки в общежитии увидели ее ночные ритуалы и поняли, как она притягивает парней. Мы сначала потихоньку осуждали ее, а потом одна за другой стали обращаться за помощью, хотя бы погадать на будущее. А то и приворожить кого. Я, правда, никогда ее способностями не пользовалась. Но, собственно, только потому, что мне никто так не нравился, чтобы я обратилась к черной магии.

А вот сейчас я о ней вспомнила. Евгений собирался уезжать домой. А это означало, что я не смогу его даже видеть. Нужно было срочно что-то предпринимать! Я нашла телефон Оли и договорилась о встрече. Жила она, кстати, совсем недалеко от меня, то есть в центре Москвы, в собственной квартире, оставшейся ей после развода. Работала в элитном салоне – делала маникюр и педикюр известным людям. И заодно, им же, уже неофициально, оказывала свои магические услуги. И, видимо, не безуспешно, потому что квартира была обставлена дорого и стильно. Вместо привычного серванта стояла чехословацкая стенка, заставленная изысканным хрусталем. Мягкую, изумрудного цвета мебель, дополняли

антикварный столик, шикарные портьеры и немецкий палас.

– Привет, дорогая, – доброжелательно встретила она меня, налила чай и пристально начала разглядывать нашу с Евгением фотографию на фоне Эйфелевой башни в Париже.

Я не знаю, делала ли она вид или действительно работала? Но больше двадцати минут Ольга молчала. После детального осмотра фото через лупу, она долго читала что-то в большой книге с красивым переплетом, потом разложила необычные карты.

– Ну, что, дорогая, – опять обратилась она ко мне, не называя по имени. – Я могу сделать, чтобы он стал твоим. Только любить он тебя никогда не будет. Согласна?

Я растерялась. Как же это, без любви? Но спросила у нее совсем другое:

– А свадьба? А дети?

– Свадьба будет. Ребенок будет. Один. Скорее всего, дочка. Просто этот мужчина предназначен не тебе. Поэтому взаимной любви быть не может. Никогда. Согласна? – снова спросила она.

– Да, – произнесла я. – Согласна.

Тогда она на обороте фотографии начала рисовать какие-то знаки. Они причудливо переплетались, составляя узор. Ольга зажгла свечу и трижды произнесла заговор. Потом протянула мне фото и спросила, какой у меня день цикла. Я ответила. Все происходящее казалось мне ненастоящим: как будто я смотрела со стороны кинофильм. Но в го-

лове крутились слова «свадьба», «дочка», «он станет твоим». Если все это случится, я буду самой счастливой женщиной на свете.

– Ну, что, дорогая, давай еще выпьем чаю, и я расскажу, каким напитком и в какой день ты должна напоить своего любимого. После этого произойдет близость и зачатие. Преград я не вижу. Деньги принесешь, когда подадите заявление в ЗАГС.

Ингредиенты, которые я должна была добавить в вино, предназначенное для Женьки, вызвали во мне легкую тошноту, но я все записала, поблагодарила Олю и пошла домой со смешанными чувствами радости и брезгливости.

И, как это ни странно, все получилось так, как предсказывала моя пророчица.

Я часто вспоминала начало нашей семейной жизни. И со временем мне стало казаться, что это только моя заслуга, и никакой магии не было. Что это моя любовь и необузданное желание обладания любимым человеком, подтолкнули его к нашей близости, потому что от меня исходили такие импульсы, что не откликнуться на них, находящемуся рядом молодому мужчине, было просто невозможно. День зачатия был выбран идеально, и, учитывая свойственную женщинам нашего рода высокую фертильность, оно случилось. А дальше все дело было в Евгении – в его высокой порядочности и благородстве.

Я добилась своей цели. Но Евгений меня так и не полю-

бил.

Это портило мне жизнь, я раздражалась, старалась его хоть как-то расшевелить, заставить увидеть во мне желанную женщину. Но он просто выполнял свои обязанности, заботился о нашей семье, никогда меня не обижал, был вежлив и предусмотрителен. Причем, чем больше я на него нападала, тем больше он отдалялся. А когда у меня совсем опустились руки, я согласилась пожить отдельно, надеясь, что разлука принесет в наши отношения что-то новое.

Но чуда не произошло. Макаров приезжал один или два раза в месяц. Устраивал нам с Катькой чудесные выходные, помогал по хозяйству, делал дорогие подарки. При этом, я чувствовала, что теряю его навсегда. Попробовала поговорить с отцом, ища поддержки, но он, как ни странно, принял его сторону.

– Ирина, не майся дурью, – сказал он мне. – Я наблюдал вчера за вами. Тебе на Евгения нужно молиться – он только ради вас живет. Ты же маешься от безделья. Займись лучше собой, чтобы муж, приезжая, видел, как ты молодеешь и хорошеешь. Никуда он денется, поверь мне. Я, как мужик, это чувствую. Пойми, Женя мне нужен сейчас там. Иначе мы потеряем завод. Потерпи еще пару лет. Или, знаешь, что? Бросай Москву и поезжай к нему.

Из столицы уезжать из-за дочки было неразумно – девочка училась в престижной гимназии, занималась музыкой и теннисом. Поэтому я решила уделить время себе. Сначала

договорилась с тренером по фитнесу, потом завела личного стилиста и полностью обновила свой гардероб. Но приезжал муж, говорил комплементы и смотрел сквозь меня. Я устраивала очередной скандал, и успокаивалась только тогда, когда он уезжал. Очень хотелось вновь обратиться к помощи своей бывшей однокурсницы, тем более, что я постоянно с ней встречалась в салоне. Она делала мне маникюр, подозрительно на меня смотрела, разговаривая на отвлеченные темы, и никогда не спрашивала про мужа. А я в ее присутствии старалась делать легкомысленно счастливый вид, показывая, что ее пророчества не сбылись, и любви в моей жизни предостаточно. Я боялась, что как только я заведу с ней разговор о Женьке, она непременно заявит, что у него есть другая женщина.

Наверное, я давно сама это чувствовала. Но узнавать об измене от постороннего человека, мне не хотелось. Если он не уходил от меня, значит, эта связь – дело времени. Поиграется и вернется. Так я себя успокаивала несколько лет подряд.

На мой юбилей в 2003 году Женя приехал на день раньше, был вежлив, шутил и, как всегда баловался с дочкой. С утра помог приготовить праздничные блюда, произнес в мою честь очень добрые слова, много фотографировался со мной и с гостями.

Но было что-то неуловимо новое в его поведении. Я все поняла, когда, спустя несколько дней, рассматривала наши

фотографии: на них Женя был очень далеко от меня, от моего праздника и от семьи. На всех коллективных снимках он смотрел чуть в сторону, и даже сидел в пол-оборота. А там, где я обнимала собственного мужа за плечи, его руки были вытянуты вдоль туловища. Однозначно, у него была другая. Душой и мыслями в тот день Евгений был с ней.

Я понимала, что он принимает решение.

Прошел еще месяц, а я, затаившись, ждала. В какие-то моменты мне уже стало казаться, что я все придумала. Но в очередной его приезд разговор о разводе все же случился. Мир померк в моих глазах. Я не ругалась, не обвиняла его, я просто не знала, как мне себя вести? В голове проносились мысли: как удержать мужа, как узнать, кто эта женщина, и насколько серьезные у них отношения? Женька сидел молча, пил коньяк и казался недосыгаемым. Как будто между нами мгновенно выросла стена. Я поняла, что все очень серьезно по его словам:

– Даже, если тесть меня уволит, решение я не поменяю.

Передо мной промелькнула вся наша совместная жизнь. Чего я добилась своей независимостью и высокомерием? Почему я не поехала с ним? Почему так часто отказывалась от близости – кому я делала хуже? Почему устраивала скандалы вместо признаний в любви? Ведь я его очень любила! Почему не показывала свою слабость и зависимость от него?

Я не могла даже плакать и обвинять мужа в том, что он нашел покой и утешение в чьих-то объятиях. Я сама была во

всем виновата. Но все же попыталась объяснить:

– Женя, у многих мужчин бывают увлечения. Но они не разводятся вот так сразу. Ведь у нас семья, у нас дочка. Как мы будем без тебя? Прости. Возможно, я была плохой женой, но я люблю тебя.

Он мягко отодвинул мои руки и произнес окончательный приговор:

– Прости и ты. Наверное, мы и дальше могли бы так жить, изображая счастливую семью. Но я встретил другую женщину, с которой хочу прожить остаток своей жизни, сколько бы лет она ни составляла. Я не брошу вас. Я всегда помогу. В любой ситуации. А ты, может, наконец, встретишь достойного человека, который искренне тебя полюбит!

И тогда я почувствовала внутри себя дикий протест:

– Нет! Я не позволю тебе разрушить нашу семью! Даже не надейся!

Он пожал плечами и ушел в отцовский кабинет. А я, не сомкнув глаз, просидела всю ночь на кухне.

Евгений уехал, сказав на прощание обычные слова: «Береги Катю».

И все...

В понедельник я заставила отца узнать все о его внебрачных отношениях, и испуганная Ангелина, офис-менеджер моего мужа, выдала необходимую информацию. А во вторник вечером я держала в руках «Личное дело Сергеевой Ма-

рии Михайловны». С фотографии на меня смотрело милое доброе лицо молодой женщины, а среди документов в папке были одни благодарности и приказы о повышении. Я отодрала ее фото от анкеты и отправилась к Ольге.

– Что будем с ней делать? – совершенно спокойно спросила она, заканчивая наносить на мои ногти второй слой лака.

– Я хочу, чтобы она умерла.

Оля помолчала и назвала цену. А потом добавила:

– Но это очень опасно. Может быть ответная негативная волна на твоих близких.

– А ты сделай так, чтобы ее не было, – резко ответила я. – Я заплачу, сколько скажешь.

– Я подумаю, – тихо ответила Оля. – Но все же, не советую. Остынь и подумай.

– И думать нечего: так просто они не расстанутся. У них, по слухам, любовь великая случилась! По-другому, к сожалению, не получится. Но мужа я ей не отдам!

Через неделю Оля вернула мне фотографию Марии, дала какую-то землю, свечи и написанный от руки ритуал и заговор.

– Держи. Будешь делать сама. Я не возьмусь.

Был конец ноября, я брела по улице под дождем, ступая по лужам новыми белыми сапожками, и моя сумочка такого же цвета жгла мне руки.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Анатолия Сергеева

Я влюбился в Марию еще на вступительных экзаменах. Сразу и навсегда.

Перед институтом топтались, нервно переглядываясь, родители, и каждого абитуриента, выходящего из центральных дверей, сразу окружали и засыпали вопросами: «Кто принимал?», «Трудная ли задача?», «Были ли дополнительные вопросы?». Кто-то напрямую спрашивал: «Валят?».

Все отвечали по-разному или не отвечали совсем, разыскивая глазами родственников. Но вот выбежала солнечная девочка в коротком светлом плиссированном платье с золотистыми пуговицами. Она радостно посмотрела на всех и громко начала рассказывать про обстановку на экзамене, про председателя приемной комиссии, про то, что все проходит не страшно, а, наоборот, интересно. Что дополнительные вопросы задают только тогда, когда хотят повысить балл. По крайней мере, ей, лично, так показалось.

Маша всегда и во всем была такая. Она замечала только хорошее и совершенно не видела плохого, грубого и грязного. Все люди у нее были красивыми, а помыслы их такими же чистыми, каким она воспринимала этот мир. Причем, такое отношение к жизни с годами почти не менялось. Даже моему мерзкому поступку в первые месяцы нашей совместной жизни она, видимо, дала какое-то объяснение, и искренне простила меня, ни разу не напомнив о нем.

Я смотрел тогда на эту девочку во все глаза, и мне пред-

ставлялось, что она с другой планеты – такая красивая и нежная! Выразительные синие глаза, обрамленные пушистыми ресницами, тоненький носик и пухлые ярко-розовые губы.

Закончив свой рассказ, Маша пригладила свои слегка волнистые волосы, полностью закрывающие узкие плечи, и улыбнулась сразу всем. Потом расцеловалась с мамой, перебежала дорогу, и у первого же лотка с мороженым, купила эскимо. Я наблюдал за ней, пока она болтала по телефону-автомату, одновременно откусывая кусочки мороженого и кидая их бродячей собаке, удобно расположившейся у ее ног. Видел, как запрыгнула на заднюю площадку городского автобуса «Икарус» и исчезла в салоне. Ну, чудо, а не девочка!

– Вот бы попасть с ней в одну группу, – мечтал я все три недели, пока шли вступительные экзамены, наблюдая за ней на консультациях.

Так и случилось.

У нас сложились дружеские отношения. Ухаживать за ней я не смел. Как, собственно, многие из моих однокурсников. Нравилась она всем, но просто так ей морочить голову никто не рискнул, встречаясь с более доступными девушками. Наш староста курса, старше нас года на три, еще на первом курсе, как-то в курилке, объявил:

– Агееву не троньте. Кто обидит, будет иметь дело со мной.

– Ты сам что ли на нее глаз положил? – спросил Пашка, по прозвищу «Битлз».

– Я, Паша, женат, если ты забыл. Просто девчонка светлая, не забивайте ей голову, пожалуйста, если настроены несерьезно.

Долго мы на нее любовались и облизывались. Никто никому дорогу не переходил. Ждали, пока она сама кого-нибудь выберет.

И Мария выбрала. Однажды, накануне Нового года, у нее была репетиция бальных танцев. Заглянув в зал, я увидел Женю Макарова, который сидел на первом ряду и не сводил с нее глаз. Я решил понаблюдать, что будет дальше? Но Макаров неожиданно ушел. Зато выскочила Маша и начала оглядывать весь холл, а потом, накинув пальто, долго стояла на улице возле института. Проходя мимо нее, я поздоровался, а она, по-моему, даже меня не заметила. Зато я успел увидеть, что в глазах у нее застыли слезы отчаяния.

И я понял, что она в него влюблена! Конечно, тягаться мне с ним было сложно. Макаров был кумиром многих девчонок. Я стал за ним следить, а он незаметно преследовал Машу. Но почему-то не подходил к ней. Теперь я понимаю, что он тоже просто любовался ею. Мы постоянно сталкивались с Евгением, и, увидев меня в очередной раз, он снисходительно улыбался.

Но вскоре наш институтский кумир уехал в Москву, и я вздохнул с облегчением. Вот только Мария заскучала и, как будто, заснула. Стала редко ходить на дискотеки, проводя все время со своей подругой Наткой и ее новоиспеченным

мужем, а потом – с их маленькой Аленкой. Я стремительно начал заводить пустые романы, которые иногда доходили до интимных отношений, но не продолжались более месяца. Стоило только Маше попросить меня о чем-нибудь, я бросал своих подружек, поступая порой по-свински. Просто я каждый раз надеялся, что наше с ней дружеское общение, наконец, перерастет во что-то большее.

И однажды я не выдержал. Почему это случилось 23 февраля, я не помню. Наверное, так нестерпимо сильно захотелось ей признаться в своих чувствах, что я забыл про дату. Вручил ей цветы и сделал предложение. А Машка рассмеялась. Вряд ли она хотела меня обидеть, ей просто смешно стало, что я открываю ей свои чувства в мужской праздник. Я тогда сказал ей что-то обидное и ушел, дав себе клятву, что больше никогда не посмотрю в ее сторону.

Мы заканчивали институт. Марию распределили в Ярославль, а меня оставляли в нашем городе. Все чаще ко мне приходили грустные мысли: «Как я без нее буду жить? Не видеть ее глаз? Не слышать бархатного, проникающего в самую душу, голоса?»

Как вдруг – ее неожиданный звонок: «Я согласна. Буду Сергеевой!». Сбывалась моя самая заветная мечта. Я был на седьмом небе от счастья!

А о том, что я два раза возле ее дома поздно вечером видел вернувшегося из Москвы Макара, я старался не думать. Ведь Мария выбрала меня!

Это потом, обезумевший от необоснованной ревности, я наделал таких глупостей, что мог ее потерять навсегда. Но Маша поверила в мою любовь, отдалась ей полностью и без остатка. Чувствуя перед ней свою вину, я лез из кожи, чтобы окружить жену заботой и вниманием, чтобы обеспечить ее. И у меня это, слава Богу, получилось.

Мария тоже старалась меня радовать, поддерживала во всех новых начинаниях. Была верной и надежной. Мне всегда хотелось идти домой после работы, а это, само по себе, уже много значило: я был уверен, что меня с нетерпением ждут.

Когда я занялся написанием программ, – тем, что я знал, понимал и умел, – меня стали приглашать в другие регионы, предлагая очень большие деньги. Я очень не хотел, чтобы моя жена проводила время в одиночестве, и долго раздумывал.

– Соглашайся, Толечка, – сказала мне Маша, – а я пойду работать. – Нужно же карьеру когда-то начинать. Красный диплом, курсы «Менеджмента и маркетинга» плюс моя креативная натура должны, наконец, кому-нибудь пригодиться. И, действительно, ее способности очень быстро оценили на производстве, и уже через два года предложили руководящую должность. Я очень гордился своей женой, и ни на одну женщину за двенадцать лет нашего брака даже не глянул. Мы очень хорошо и дружно жили с Марией, только вот детей у нас так и не было.

– Милая, давай малыша усыновим, – сказал я ей как-то, после ее многолетних попыток выносить ребенка.

Она ответила резко:

– Нет! Детей дарит Господь! И, если он захочет послать нам эту благодать, все еще может случиться. Сейчас и после сорока лет рожают. – Маша села на подоконник, обняла руками колени и устала на улицу. Разговоры о детях она не любила.

А три года назад со мной случилась беда – серьезно заболели почки. Я наблюдался в лучшей больнице Москвы, но почечная недостаточность нарастала. Мне пришлось практически все время жить в столице, благо, работодатель оплачивал мое жилье и лечение. Я не рассказал об этом ни родителем, проживающим в Мурманске, ни Марии. Сказал ей, что много работы, и я буду приезжать редко, чтобы заработать необходимую сумму. Тогда через пару лет мы сможем купить домик где-нибудь в Европе. В принципе, это было правдой: я работал над секретным проектом в органах государственной безопасности, и мне очень хорошо платили. Но самое главное – я непременно надеялся вылечиться. Ради Марии. Чтобы не стать инвалидом, и не быть ей обузой. Вот-вот мне могли назначить диализ, и мои поездки домой стали бы еще более редкими и краткосрочными.

Осенью 2003 года меня пригласил мой руководитель проекта для серьезного разговора.

– Присаживайтесь, Анатолий Владимирович, – поздоровался он, пожав мне руку. – Речь пойдет о Вашем здоровье.

– Я чувствую себя нормально, – произнес я. – Спасибо.

– А вот у меня совсем другие данные. Вам срочно нужна пересадка почек. Хотя бы одной. Очередь в Москве очень большая. Но не это главное. Мы бы смогли ее ради Вас продвинуть. Но в нашей стране пока не очень качественно проходят подобные операции. Если быть точнее, много послеоперационных осложнений, включая, летальные исходы.

Я молчал, не понимая, к чему он клонит? Мною давно была изучена необходимая и более-менее понятная мне информация по этому заболеванию.

– У нас к Вам предложение. Вы уедете в Германию. Если не навсегда, то очень надолго. Операцию мы оплатим, жилье предоставим. Вы нужны нам в Европе, – и он назвал организацию, на которую я должен буду работать.

– А жена? – спросил я.

– Документы будем готовить на вас двоих. Максимум в феврале Вы должны быть там. И с этого же момента Вам активно будут искать донора. Ответ мне нужен в течение недели, – закончил он и пристально посмотрел мне в глаза. – Выбирайте.

Я дал согласие в тот же день. И вечером уехал домой.

Купил любимые Машины цветы, остановил попутную машину, чтобы не трястись с сумкой в транспорте. И через двадцать минут уже заходил в квартиру. Марии дома не было.

Темные шторы завешены, на столе белеет листок бумаги, написанный ее почерком. Не читая, я понял, что там написано что-то важное, потому что текста было много, не как обычно: «Толик, я в парикмахерской. Буду в 19 часов. Ужинай» или «Муж, я уехала к Натке посплетничать. Ложись спать. Не жди»... Я в такие дни все равно без нее не ужинал, и, тем более, не ложился спать. Ждал ее возвращения. Теперь же передо мной лежало целое послание.

Я открыл ее шкаф: вещей было достаточно, но все равно бросался в глаза легкий беспорядок. Что-то висело несимметрично, некоторые вешалки болтались пустые, коробки из-под обуви раскрыты...

Она ушла. Эта новость ошеломила меня, и я долго не решился прочитать ее прощальное письмо.

«Прости меня, мой близкий человек, за боль, которую я тебе причиняю, – писала Маша. – Мы стыдно было бы смотреть тебе в глаза. Поэтому я постараюсь объяснить все письменно. Любовь всегда приходит неожиданно, сколько бы ты ее ни ждал, сколько бы о ней ни молил Всевышнего... Так же неожиданно она пришла и ко мне. Пришла и заставила забыть обо всем: о верности, чести и о долге перед тобой. Я до конца своих дней буду благодарна тебе за все то, что ты для меня сделал. И до конца своих дней буду чувствовать свою вину. Отпусти меня, Толик. Постарайся быстрее забыть. Буду молиться, чтобы мой уход стал новым и светлым этапом в твоей жизни, потому что ты, как

никто, этого заслуживаешь. Прощай.»

Я вышел из квартиры и вернулся на вокзал.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Из дневника Марии

Работа не ладилась. Мои коллеги несколько раз мерили мне давление и предлагали таблетки. Потом налили чай и принесли для настроения кусочек именинного пирога, испеченного нашей молодой сотрудницей, которой сегодня исполнилось двадцать пять лет.

– Впереди целая жизнь, – размышляла я о ней, – и еще можно не допустить своих главных ошибок, чтобы потом их не исправлять. И не делать никому больно.

Вчера вечером вернулся Женя. Бросился ко мне, поднял на руки, потерся своей небритой щекой о мою щеку. Родной и любимый. Я так его ждала! Сказал свою обычную после разлуки фразу: «Я дышать без тебя не мог!». Но я почувствовала, что он ни такой, как обычно. «Значит, – решила я, – разговор с женой состоялся».

Готовила ужин, рассказывала ему новости, не спрашивая о результатах их беседы. Ждала добровольных откровений.

И перед сном Женя признался:

– Манечка, я развожусь с женой. Это все ради тебя. Чтобы жить с тобой, чтобы жить тобой!

– Тяжело пришлось? – прошептала я.

– Да, – ответил Женька и уткнулся мне в плечо. – Тяжелое. Но Ира все выдержит, она своенравная и сильная. Я только очень боюсь за Катю. Вчера к ней приходила подруга, вся разукрашенная, как шалава малолетняя. Наша дочка выглядела рядом с ней цыпленком. Где они друг друга подцепили, не знаю? Попросил жену, чтобы следила за ней. Но глаза у нее были далекие и пустые.

– Ей сложно сейчас. Не суди. А Катю привози на каникулы, я умею ладить с пятнадцатилетними девочками.

– Ты у меня со всеми умеешь ладить, даже с Петровичем из заводской котельной, – похвалил меня Евгений и нежно поцеловал.

Рано утром, пока Женька спал, я ушла домой, чтобы забрать часть своих вещей и написать мужу письмо. Сегодня он должен был приехать, но прощаться с ним, глядя в глаза, я не была готова.

Теперь уже день, и Толик, видимо, уже приехал. Я представила, как он ходит по пустой квартире, пораженный моим бегством, скомкав в руках исписанный листок бумаги,

Трудно рушить все. Нестерпимо трудно. Даже во имя любви.

Перед обеденным перерывом, не утерпев, пошла к Евгению. Захотелось услышать от него слова поддержки: «Ну, что ты, маленькая моя? Все наладится. Все у нас будет хорошо. Ведь мы же вместе».

В приемной поймала какой-то напряженный взгляд Ангелины, всегда поддерживающей со мной ровные, дружеские отношения. Сегодня же она, скользя по мне беглым взглядом, процедила:

– Заходите. Евгений Александрович один.

Стучаться не стала. Тихонько прикрыла дверь, а Женя, стоящий возле окна, даже не услышал. Подошла к нему сзади, облокотилась спиной.

– Росомаха, любимая, – выдохнул он. – Волнуешься?

– Да.

– Все наладится, – услышала я слова, ради которых пришла к нему в кабинет.

Мы повернулись друг к другу и обнялись, чего никогда раньше не делали на работе.

– Как ты думаешь, – спросила его я, – про нас на заводе знают?

– Долго думал, что нет. Но, оказывается, что да.

– И...?

– Ну, знают и знают. Пусть завидуют! Помнишь историю про Сталина?

– Какую?

– Когда у Сталина спросили, что делать с маршалом Рокоссовским и его любовницей, актрисой Валентиной Серовой? Сталин вынул трубку изо рта и сказал: «Что делать? Что делать? Завидовать!»

Я улыбнулась. И уходила от него, почти счастливая.

А в четверг вечером, когда мы с Женькой уселись перед видеомэгноитофонои, выбирая какой-нибуаь позитивный фильм для поднятия настроения, ему позвонила встревоженная жена. Она кричала в трубку каким-то визгливым голосом, но разобрать я ничего не смогла. Поняла только, что произошло что-то страшное.

Женька побелел, как мел.

– Что, Женя? Что случилось? – настала моя очередь повышать голос.

– Катю чуть не изнасиловали в какой-то компании. Хорошо, что вмешались соседи. Она в больнице. Шок. И жена тоже совсем неадекватная. Мне нужно ехать. Наверное, поеду на машине – будет быстрее.

– Я с тобой. Пожалуйста. Я буду волноваться за тебя. Доедем вместе до Москвы, и я вернусь поездом одна. Хорошо?

– Поехали, – согласился он.

Я вернулась в город на следующий день. Всю ночь трясясь в плацкартном вагоне, я открыла удивительную для себя вещь: что в трудный час не могу быть с любимым человеком, не могу его утешить и обнять. Рядом с ним сейчас нелюбимая, но родная женщина! Роднее меня. Вот ведь как! Что-то неправильное происходило. Ведь мне не забыть его теплых слов о том, что я единственная в его жизни, о том,

что только со мной он ощущает полноту жизни, только на моих руках он когда-нибудь хотел бы умереть. Тогда почему я не могу быть сейчас с ним? Периодически я не ощущала биения своего сердца, чувствуя Женькино волнение за свою дочку и его злость на ее обидчиков.

Как связаны мы? Какой такой нитью, по которой передаются все импульсы? Не знаю. Только сердца наши бились в один такт, я уверена!

К обеду я пришла на работу. От Жени никаких известий не было. Сидела, смотрела в окно и не слышала разговоров своих коллег. Неожиданно, с проходной позвонил Анатолий, хотя я знала наверняка, что он уехал: всю эту неделю окна в нашей квартире были темные. Я зашла в отдел кадров, задним числом написала заявление на отгул и, одетая, спустилась по лестнице на первый этаж.

В холле поймала на себе удивленные и осуждающие взгляды коллег, но мне почему-то было все равно. Я смотрела на мужа.

Толик находился на том самом месте перед проходной, где четыре с половиной года назад стоял Макаров, придя сюда в свой первый рабочий день. Я вспомнила те радостные ощущения от нашей неожиданной встречи, и поняла, что за это время прожила целую жизнь. Свою ли? Чужую? Вот сейчас тебе твой собственный муж обо всем и расскажет, – горько вздохнула я, приближаясь к нему.

– Здравствуй, – спокойно поздоровался Толя.

– Здравствуй.

– Ты как?

– Ничего. А ты?

– Я тоже. Пойдем немного прогуляемся.

Мы шли по мокрому, скользкому от недавно прошедшего дождя, тротуару. Зима в этом году никак не хотела вступать в свои права. Или это осень ей противилась: поливала нас холодными дождями и обдавала пронизывающим ветром. Толик привычно поддерживал меня под руку и молчал.

– Ты сможешь простить меня? – спросила я его.

– Наверное, смогу. Только мне нужно сказать тебе очень важное. То, что я скрывал от тебя и от родителей последние три года.

– У тебя тоже есть другая? – удивленно спросила я.

Он грустно улыбнулся, открывая мне дверь маленького ресторанчика. Здесь мы часто последнее время ужинали с Женькой, который насильно уговаривал меня не торчать у плиты, когда он задерживался на заводе и не мог мне помочь готовить ужин. «Как гармонично у нас все было, – подумала я. – Почему было? Все еще будет!».

Но сейчас передо мной сидел муж, заказывал официанту мой любимый десерт и смотрел на меня так, как смотрел в юности. В его взгляде не было зла, обиды и разочарования. Он любовался мной, как и прежде.

– Ты опять плохо выглядишь, – сказала ему я.

– У меня неизлечимое заболевание, Маша, – спокойно от-

ветил он. – И есть только один шанс из ста, что этот процесс можно остановить. Но без тебя мне не справиться!

Ошеломленная, я слушала я его рассказ о болезни, и о предложении работать в Европе, куда он предположительно должен поехать со мной. В голове не укладывалось, что он так долго все скрывал, а я ни о чем не догадывалась, уверенная, что его хандра и черные круги под глазами – результаты напряженной работы. Я надеялась, что он вот-вот закончит свой проект и вернется к нормальной жизни.

– Ну, почему, почему ты мне не рассказал раньше? – сдерживая рыдания, спросила я мужа. – Все было бы по-другому! А теперь я не могу ничего изменить. Я не могу поехать с тобой! Возможно, есть другие методы лечения? В нашей стране. Я помогу тебе. Сделаю, все, что ты скажешь. Обещаю.

Я все-таки заплакала. Он молча гладил мои руки и выглядел безнадежно несчастным.

– Прости. Прости. Прости меня, Толя, – я с трудом поднялась из-за стола.

– Последний вопрос, – произнес Анатолий. – Это Макаров?

Я виновато смотрела в его потухшие глаза.

– Значит, все-таки Макаров, – он опустил голову на сложенные на столе руки. – Настиг, наконец.

И я почувствовала себя Иудой.

– Натка, ну, почему все так ужасно? Беда с Жениной девочкой, болезнь Толика? Это расплата? – спрашивала я подругу, примчавшуюся меня спасать. – Так всегда бывает, или только у меня?

Мы сидели в Макаровской нелепой квартире на кухне. Наталья помыла посуду, пожарила яичницу с застарелой колбасой и сварила кофе. Есть мне совершенно не хотелось, и я в который раз за день потянулась к кофе, но подруга перехватила мою руку:

– Поешь сначала, горемыка ты моя. Почему ты все так воспринимаешь? Это твоему мужу и Женькиной жене должно быть сейчас плохо. А голосишь, как всегда, ты. С Катей все обошлось! Оклемается и забудет обо всем. Или, наоборот, урок на всю жизнь получит. Хоть горький, но урок.

– Лучшие бы без урока, а по фильмам и книжкам, – ответила я. – Нет! Ты, скажи, мне все-таки, Натка, за любовь – что, необходимо заплатить? Чем она сильнее, тем выше цена?

– Не всегда. Но всем одновременно хорошо быть не может!

– Это же неправильно. Несправедливо! Значит, мы забрали чье-то счастье!

– Маня, не мучай себя. Все наладится. И у Ирины, и, дай Бог, у Анатолия. Ты же не можешь всем помочь?

– Могу. Мне нужно вернуться к мужу и отпустить Же-

ню. И все будут счастливы.

– Никто уже не будет счастлив! И, прежде всего вы с ним!

– Да, ты права. Я умру без него!

Наташа пошла в туалет и споткнулась о мои чемоданы и сумки, к которым за несколько дней я так и не притронулась:

– Что ты вещи не разбираешь? Заставила весь коридор своим бараклом, – возмущалась она из-за приоткрытой двери. Убралась бы, приготовила бы что-нибудь вкусное – у вас ведь новая жизнь начинается! А ты сопли распустила, виноватого ищешь. Все виноваты. Все четверо. Я, лично, так думаю.

– Завтра вещами займусь, Натка, завтра. Останься ночевать. Пожалуйста, – я вдруг очень захотела спать.

И мне приснился сон. Добрый и ласковый. В нем не было измены, предательства и обмана. В нем была только любовь – солнечная, вкусная и воздушная. В этой самой любви мы с Макаровым танцевали под чарующую музыку. Помому, прямо в воздухе. Или так казалось. Звучал Шопен. Или Григ. Или, может быть, Штраус. Не помню.

– Раз-два, вдох, – командовал Женя, чтобы мы синхронно дышали! – Маня, ты опоздала на пол-такта. Давай с начала! Раз-два, вдох!

– Я люблю тебя, мой снежный Барс!

– Маленькая Росомаха, будь всегда!

Эти же слова он написал карандашом на облезлой стене какого-то подъезда.

В реальности зазвонил телефон:

– Машка, ты как? Прости, что оставил тебя одну. Но сама понимаешь, нужно было успокоить Катю.

– Понимаю. Не волнуйся, я в порядке. Как дочка?

– Пока не очень. Я отвез ее в детский специализированный санаторий. На реабилитацию. Думаю, все наладится. Пришлось договариваться со следствием, чтобы ее в милицию не вызывали. Поэтому задержался.

– Я скучаю, Женя. Очень скучаю.

– Я тоже, моя милая. Через несколько часов увидимся.

И в трубке раздались короткие гудки. Я слушала их до тех пор, пока сонная Наташка, разобравшись, что разговор уже давно закончился, не вырвала ее у меня.

– Совсем девка рехнулась, – произнесла она. – Скорее бы тебя с рук на руки сдать!

– Сдай поскорее, пожалуйста, – заскулила я.

Любовь, похожая на сон (1999 – 2003 гг.)

Воспоминания Евгения

Мне казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как мы расстались с Марией возле метро «Павелецкая». Целую вечность я не видел родного лица, любимых глаз, не слышал

ласкового шепота ее признаний.

Лифт в подъезде был занят. Я побежал по лестнице. Нет, я летел вверх. Видимо, на крыльях любви.

И старался не думать о том, что нам придется поменять наши планы. Просто очень хотел скорее сжать Машку в своих объятиях, чтобы эти медлительные шарообразные эндорфины побыстрее заполнили мою голову. И я бы испытал счастье! Только в присутствии Маши я понимал, что оно на самом деле существует.

Она широко распахнула дверь. И смотрит на меня, всклоченного и нервного. Потом, как бросится на шею:

– Ура! Мой любимый дядя Барсик приехал!

Из кухни выглянула Наталья и покрутила пальцем у виска. А я ей показал на себя и сказал:

– И я такой же. Это у нас взаимно. Да, Мань? – и стал ее целовать: лицо, шею, руки.

Наташа как-то незаметно ушла. Только запах ее духов проскользнул мимо нас.

А мы, как всегда, не могли, надышаться друг другом. Так отдаваться любви умела только Мария, и от этого я заводился все больше и больше.

– Манечка, ты моя сладкая девочка, – целовал я ее, не переставая.

Мы долго лежали на диване, обнявшись. Сколько прошло времени, совершенно не ощущалось. Для меня оно как будто

остановилось. В перерывах между поцелуями моя любимая женщина рассказывала какую-то ерунду, вспоминала Венецию, теребя на запястье муранский браслетик, купленный нами в Римском аэропорту Фьюмичино, и планировала новое путешествие. Все равно куда, лишь бы вместе.

– Мань, мы обязательно съездим, слетаем или просто будем гулять до самой старости по аллеикам нашего Первомайского парка.

– Ты будешь с палочкой, а я останусь молодой, – начала мило ехидничать Мария.

– Да. Только..., – не зная, как сказать ей о своих планах, я замолчал.

– Что, Женя?

– Это будет чуть позже...

– Что будет чуть позже?

– Наша совместная жизнь. Понимаешь, нам с женой нужно какое-то время пожить вместе, чтобы Катя совсем успокоилась. Они скоро приедут сюда.

– Они приедут сюда, – медленно повторила Маша. Села, откинула простынку, и, что-то для себя решив, резко поднялась с дивана. – Знаешь что, Барс, пойдем в кафе, покушаем. Я ничего не готовила. Есть хочу, умираю. Вставай!

Я приподнялся:

– Росомаха, не обижайся. Я люблю только тебя. Это все временно. Ради дочки.

– Я понимаю, конечно, ради дочки. Пойдем быстрее, – по-

чему-то настаивала она, не очень охотно отвечая на мои заигрывания во время сборов.

Мы заняли дальний столик, сделали заказ. Последнее, что я явно помню, это Машины глаза – они были другими. Какими-то неживыми, бездонными. Я тысячу раз потом вспоминал наш разговор, но все же запомнился он плохо: очередность слов, взглядов, слез и долгого молчания вдвоем.

– Вот здесь хорошо, – сказала она. – Здесь я не буду плакать. Наверное. Смотри, какая милая икебана в проеме окна, как живая. Хочется даже потрогать.

– Почему ты собралась плакать, Машка?

– Женя, у моего мужа ХПН. Я бросила ради тебя умирающего человека.

– Подожди, что такое ХПН?

– Нужна пересадка хоть одной почки. Срочно. Но мы ведь смогли помогать бы ему вместе. Так же, как и твоей дочери! Я очень переживала за твою Катю, но ведь она видела тебя по два раза в месяц в течение четырех лет. Ты собираешься пожить ни с дочкой! Ты боишься уйти от Ирины! Произошел трагический для тебя предлог – не принимать важного решения!

– Я...

Маша перебила, закрыв ладошкой мне рот.

– Ты имеешь право сделать свой выбор. Ты его сделал. Возможно, он для тебя, лучший. Или единственный, не

знаю! Но..., – она все же заплакала, – я больше не буду с тобой. Мы расстаемся. И дальше: каждый – по своей орбите.

Я должен был что-то говорить, но, ошеломленный, еле слышно произнес единственную тупую фразу:

– Не хочу расставаться. – И неожиданно схватился за сердце, мне казалось, что оно сейчас выпрыгнет наружу.

Мария посчитала на моем запястье пульс, покачала головой, и достала из сумочки лекарство.

– Подержи под языком. И не переживай. Все пройдет. Ты забудешь меня и найдешь покой в своей семье.

– Может..?

– Нет, Женя! Нет! У тебя было два шанса. И третьего уже не будет. Никогда!

Мы сидели друг напротив друга, глубоко несчастные, не в силах ничего изменить. Машка тихо вытирала слезы и молчала. Я мусолил во рту горькую таблетку. Тогда я не знал, что она прощалась со мной – надеялся, что через день, неделю, месяц она ко мне обязательно вернется.

А за окном, наконец, повалил пушистый белый снег. 17 декабря 2003 года – в самый черный день моей жизни. И за тридцать минут вся улица стала неузнаваемой: белые деревья, заснеженные лавочки, сказочные снеговики-прохожие, которые заглядывали в окна, завидуя посетителям кафе.

Мария встала, обошла столик, двумя руками приблизила к себе мое лицо, поцеловала глаза и губы.

– Посиди немного, я сейчас вернусь. Нужно позвонить. –

И, уходя, обернулась. – Я очень люблю тебя, Женя.

Больше мы никогда не виделись.

Когда я вернулся домой, ее вещей в квартире не было. Окна напротив были темные. Тогда я тоже собрал сумку и уехал к маме. Наверное, как и Маша – к своей. Я не мог оставаться в этой квартире один.

Можно было поехать за ней, вернуть. Но ко мне через несколько дней должна была приехать жена и дочка. Я остался мужем и отцом.

Евгений. После юбилея (июль 2014 г)

Мы с Натальей вернулись с озера на дачу. Я подвел ее к Антону и легонько шлепнул по спине:

– Отдыхайте дальше, дети мои. Я поехал.

Зашевелились у костерка переставшие петь однокурсники.

– Ну, как всегда, – завопил Тихон, Дима Тихонов. – Макар должен свалить первым. Это традиция.

– Да, – дружно поддержали остальные, – сколько раз мы тебя отсюда провожали «в светлый путь»?

– А он все время возвращался! Как Карлсон, – изрек весьма накачавшийся Михаил.

Окружили меня, хотели было покачать на руках. Слава Богу, Натка не разрешила. Поэтому просто решили выпить за меня «на посошок» и отпустить с миром.

– Люблю вас, балбесы, – искренне объявил я всем, и с каж-

дым поочередно попрощался.

Зашел в квартиру. Было тихо. Значит, молодежи дома нет, иначе Ванечка и Катюха на мне бы уже висели с двух сторон. Аська спала на моих тапках и сделала вид, что не проснулась. Из кухни вышла жена. Хотела подойти ближе, но остановилась на полдороге. Как всегда. Это ее тактика – не сделать лишнего шага. Спросила:

– Как ты себя чувствуешь? Голодный?

– Хорошо чувствую, – ответил я. – Есть не хочу.

– Ольга доделает мне маникюр, и я приду к тебе.

Я пожал плечами, сам не понимая, что это означало. Пройдя в комнату, включил компьютер, проверил почту, явственно понимая, что писем от Марии больше не будет. В моей голове было смятение...

Два события, о которых я сегодня узнал, не давали мне покоя, беря душу. Сначала Антон рассказал мне о встрече с Анатолием Сергеевым, сообщившим ему о своем разводе год назад. Маша тоже, описывая свою воображаемую жизнь в прошлом году, писала, что она развелась. Совпадение? Может быть...

А дальше – Наткин рассказ о неожиданном спонсорстве. Я реально понимал, что скорее всего, ее воздыхатель поможет ей инкогнито, и вот-вот об этом объявит, узнав, что Алексей от нее ушел. Так и будет. Это дело времени.

Но в голове, нет, в сердце, снова разгоралась крошечная

надежда на то, что Мария жива. Эта мысль не давала мне покоя весь день. Даже приличная доза алкоголя, которую я выпил, не сумела ее разрушить. Я крутился на своем кресле возле стола и вспомнил еще одну очень интересную деталь. Когда-то я попросил своего компьютерного гения Кирилла посмотреть, откуда приходят Машины письма? Он очень быстро дал ответ, что IP-адреса непостоянны и анонимны, а при его дальнейшей попытке узнать хотя бы страну, оказалось, что и страны всегда разные, и даже континенты. Но я точно помнил, что последнее письмо было из Германии, и парни Антон и Анатолий тоже встретились в Германии, в Дрездене. Опять совпадение?

И все-таки – почему письма перестали приходиться так неожиданно?

Не переставая думать над этими странностями, я снял свой костюм, который еще вчера был белоснежным, и отправился в ванную комнату, чтобы закинуть его в стиральную машинку. Жену просить не хотелось. Открыл компактный шкафчик и стал выбирать подходящий порошок, решив остановиться на жидком концентрате для белых хлопчатобумажных изделий.

Из кухни раздавались приглушенные голоса. Я прислушался.

– Ольга, не могу, душа разрывается! Сегодня приснился сон, что она жива. И снова лезет в нашу жизнь! Поэтому и муж такой бешеный! Может, правда, живая?

– Да, говорю тебе, что и Руны, и Таро смотрела. Непонятно все. Связь между ними такая сильная, как будто в настоящем времени. Не в прошлом. Очень сильная! А про то, что жива – ничего не видно. Мне бы фото ее. Я же только десять лет назад ее изображение видела. То, маленькое. Надеюсь, что ты его выбросила!

– Да, нет, не выбросила. Его Женька вчера нашел!

– Ох, зря, дорогая. Закопать нужно было, как я говорила. Поэтому и беду на дочку тогда накликала.

– Слушай, Оль, на диске есть их фото совместное. Помнишь юбилейный фильм, который Катька про мужа сделала? Так они там есть! Раз дочка все фотки переснимала, значит, где-то оно у нее и лежит. Пойду поищу.

Я озверел. Залетел на кухню, как бык, и сразу к Ольге:

– Вон из моего дома! Чтобы ноги твоей здесь больше никогда не было!

Женщина вылетела из квартиры, что, называется, пулей. Моя злость была куда страшнее ее магии!

– Что ты творишь, Ира? – спросил я жену. – Когда ты только успокоишься?

– Когда ты ее разлюбишь! – услышал я в ответ.

Посмотрел кино по телевизору, не понимая сюжета, полежал на кровати. Потом переоделся и поехал к Виктории. Она обрадовалась, торжественно вручила в подарок мой собственный, талантливо, на мой взгляд, написанный портрет и

пошла варить кофе. А я, сидя в ее кресле-качалке с подарком в руках, слегка покачивался и думал: «Что я тут делаю?».

Оглядел ее комнату. Мольберт, стол, заваленный эскизами и красками, застеленная новым шелковым бельем, огромная круглая кровать. И стопка карандашных набросков, на которых так же изображен я. «Зачем я даю ей какую-то надежду? Ведь она привязана ко мне. Ждет. Надеется на взаимные чувства. А я никогда ее не полюблю! Это даже не Ира, с которой я навсегда и добровольно связал свою жизнь! Пожалуй, поиски Марии, действительно, затянулись!».

Вика зашла в комнату с подносом, заставленным чашками и закуской в тот момент, когда я пристраивал свой портрет лицом к стене. Она все сразу поняла.

– Уходишь?

– Прости, – ответил я и вышел, стараясь не оглядываться.

Но, отойдя от подъезда, все же посмотрел вверх. Виктория стояла у окна и курила длинную сигарету через мундштук. Ветер подхватил короткий коричневый тюль и вытащил его на улицу. Он прощально помахал мне вслед своей бахромой.

А я ехал на такси домой и думал: «Ну, и сволочь же ты, Евгений Александрович! Ни одну женщину в своей жизни не сделал счастливой! Ни одну! Марию убил. Жене жизнь испортил – она до сих пор гадает «уйдет-не уйдет?» Было еще несколько женщин, поверивших мне...»

На третий день после своего пятидесятилетия я проснулся совершенно разбитый. Такая тоска накатила, что не передать! Захотелось назад, в 2003 год, чтобы все изменить. И, не завтракая, я поехал к психотерапевту, визитку которого мне как-то давала матушка, говоря при этом:

– Женечка, возьми. Вдруг, когда пригодится. Владимир Модестович – уникальный человек, талантливый ученый.

– Он психиатр? – смеясь, спросил я.

– Нет, он психоаналитик. Мой хороший друг.

– Зачем мне, мам?

– Пусть будет, – ответила мама.

И вот теперь я извлек его визитку из бардачка автомобиля и набрал номер. Докучливая секретарша повторяла одну и ту же фразу:

– Простите, Вы записаны?

– Передайте, пожалуйста, Владимиру Модестовичу, что я сын Макаровой Галины.

Несколько минут молчания, и снова тот же голос:

– Приезжайте. Доктор Вас ждет.

– Однако, – удивленно сказал я сам себе, заводя машину.

«Кашкай» резво рванул со двора в сторону проспекта.

В кабинете – полумрак. Удобная мягкая мебель, тихая релаксирующая музыка, комфортная температура. Я присел на кресло и даже не услышал, как зашел психотерапевт.

– Здравствуйте, Евгений Александрович, рад Вас видеть.

Пересядьте, пожалуйста, на это кресло, оно поудобнее. И можно вытянуть ноги.

– Здравствуйте! – напряженно ответил я. – Но мне не хотелось бы лежать во время разговора. Я привык разговаривать сидя.

– Вы когда-нибудь обращались к психотерапевтам?

– Нет.

– Тогда слушайте меня. Вы пришли за помощью? Значит Вы должны ее получить! Не сопротивляйтесь!

Постепенно, отвечая на стандартные вопросы и поддерживая разговор о погоде нынешнего лета, я неожиданно почувствовал спокойствие, охватившее меня с головы до ног.

– Скажите, Евгений Александрович, – доктор плавно перешел к важным для меня вопросам. – Что Вас волнует? Что не дает Вам покоя?

Я хотел возмутиться, поерничать. Но почему-то начал ему рассказывать о том, что десять лет назад потерял любимую женщину, и до сих пор не могу ее забыть.

– Вы чувствуете перед ней свою вину или сожалеете о годах, прожитых без нее? Что больше Вас волнует?

– Вину чувствую. Но, я уверен, что Мария меня простила. Я переживаю, что десять лет моей жизни прошли зря. Нет, ни то, что зря. Они могли пройти совсем по-другому – рядом с любимой! Я не могу ее забыть. Я навсегда остался в том времени!

– Скажите, Женя, – доктор как-то медленно подбирался к

моей душе. – Вы учились, например, в десятом классе? Вам было комфортно ощущать себя молодым симпатичным человеком?

– Да, конечно.

– Но вы ведь не убиваетесь по тому времени? Не сожалеете, что не остались там навсегда? Жизнь ушла вперед, принесла новые ощущения и иные чувства. Попробуйте подумать о волнующей Вас ситуации аналогичным образом: был хороший и светлый этап. Но он прошел.

– Владимир Модестович, со мной не все так просто. Эта женщина умерла. Но в течение десяти лет я получал от нее письма. А вот теперь они перестали приходить.

Возможно, в многолетней практике моего психоаналитика подобный случай был впервые, хотя, кто знает? Работа и не такое ему, наверное, преподносила. Он – калач тертый.

Действительно, он немного помолчал, а затем спокойно продолжил беседу:

– Я не хочу думать, как ей это удалось сделать. Я хочу спросить Вас – как вы это воспринимали?

– Сначала – не очень адекватно. А потом – с радостью. Я ждал их, я отвечал ей мысленно. А теперь – она не напишет мне никогда! – и я трагически замолчал.

Доктор, наоборот, воодушевился:

– Наверное, мы решим Вашу проблему, Евгений Александрович. Вам не хватает общения. Если Вы не можете открывничать с близкими Вам людьми, заведите себе дневник.

Или нет, лучше, найдите на сайте знакомств интересную собеседницу и пишите ей письма. Получайте на них ответы, делитесь секретами. Поверьте, общаться с живыми людьми гораздо приятнее, чем с призраками.

Общаться с живыми, наверное, действительно, приятнее. Но ведь Машки среди них все равно нет!

Не скажу, что мои навязчивые мысли меня покинули, но идею про сайт знакомств я не забыл. Как-то поздно вечером, когда дома, наконец, все затихли, я зарегистрировался на самой престижном из них, заплатив за общение сразу кругленькую сумму. Заполняя анкету, назвался почему-то Русланом, хотя в жизни не был знаком ни с одним носителем этого сказочного имени. Видимо, мое подсознание всерьез эту затею не одобряло. Хотел загрузить какую-нибудь прикольную фотографию, но модераторы не пропускали. Пришлось воспользоваться своей, настоящей.

Ввел параметры поиска – 49 лет, столько сейчас могло быть моей любимой, плюс любой город любой страны. И начал рассматривать бесконечные фотографии женщин, надеясь найти сходство с Машкой. «Я медленно сходил с ума», – вспомнился старина Блок.

Звякнул колокольчик сообщения. Потом второй, потом третий. Видимо, мое фото пришлось по вкусу. «Барышни всех стран, объединяйтесь, – на сайт сам Руслан пожаловал», – продолжал я посмеиваться над собой. Мэссенджи бы-

ли разные, но, в основном, стандартные и глупые. Я не ответил ни на одно, продолжая занимательный просмотр. Потом, развеселившись окончательно, сходил на кухню, плеснул себе виски, насыпал льда и вернулся в спальню.

Новое сообщение было интересным, цитировался Александр Сергеевич:

«Что делаешь, Руслан несчастный, один в пустынной тишине?...»

Не поверил своим глазам – написала женщина с именем Людмила. Зашел в ее профиль. Фотография нечеткая, лица не разглядеть. Статус: разведена. Место жительства: Стамбул. Профессия: педагог. Детей нет. Девиз жизни: «Все сущее – любовь!». Цель: общение.

Ну, что ж, цели наши совпадают. Отхлебнул виски, нашел в пушкинской поэме подходящую фразу и написал:

«О горе: нет подруги милой! Хватает воздух он пустой; Людмилы нет во тьме густой, Похищена безвестной силой...»

«Браво, Руслан. Кто же Вас так назвал?»

«Бабушка была литератором», – вру своей новой знакомой.

«Вы правда потеряли любимую?»

«Да»

«Давно?»

«Десять лет назад»

«До сих пор тоскуете?»

«Как видите»

«Вижу. Грустно...»

«Расскажите о себе. Вы же русская? Почему в Стамбуле живете?»

«Муж здесь работал. Теперь живу одна, даю частные уроки русского языка».

«А вернуться в Россию не хотите?»

«Меня там никто не ждет»

«Возвращайтесь. Кто-нибудь обязательно ждет»

«Я подумаю. Спасибо за общение!»

«До завтра?»

«До завтра»

То ли после спиртного, то ли после общения, но мне реально стало хорошо. Было такое чувство, что я обретаю силы. «Вот ведь прав оказался психиатр – мне не хватает общения! Теперь буду писать письма умной женщине, представляя, что это моя Маня!» От возбуждения я никак не мог заснуть, ворочался, представляя далекую Людмилу из Стамбула, жизненный девиз которой «Все сущее – любовь!»

А на рассвете я вдруг проснулся и вспомнил, что слышал эту фразу от Машки. Точно слышал! И даже знаю, когда. После просмотра документального фильма об очередной годовщине смерти принцессы Дианы. Моя любимая сказала:

– Вечно в этой королевской династии страсти разгораются. Ты про Эдуарда Восьмого помнишь?

Я ответил, что нет. И тогда Маша долго и красочно рассказывала о его отречении от престола ради американки Уоллис Симпсон.

– Представляешь, она, как будто предчувствовала будущее! Как будто знала, что ей предстоит испытать самую великую любовь двадцатого столетия! Еще на выпускном балу каждая ученица должна была оставить в школьной книге свой девиз. Уоллис тогда написала: «Все сущее – любовь!»

– А ты у меня – сущее наказание, – сказал я, – рассказываешь полчаса мне какие-то байки, а я лежу и жду тебя, совершенно не целованный! – И притянул любимую к себе.

Этот случай пронесся в моей голове так неожиданно и явственно, что я вскочил с кровати и включил компьютер. Щелкнул мышью по значку на рабочем столе, соответствующему сайту знакомств, вошел на свою страничку и в закладку «избранные», куда я поместил новую знакомую, и совсем не удивился появившейся надписи: «Профиль удален пользователем». Так же исчезла и наша переписка.

Мои познания в психиатрии, конечно, ничтожны. Но я откуда-то знал, что, если человек не считает себя больным, значит, на самом деле ему нужно лечиться! Мне же, наоборот, стало казаться, что я, действительно, сошел с ума. Но значит ли это, что я адекватен? В моей голове перепутались факты и фантазии, реальность и вымысел!

Может быть, не было никакого чата на сайте знакомств этой ночью?

Может быть, и писем вообще не было?

Или я их писал сам себе, чтобы облегчить боль утраты?

– Нет, к Модестовичу не пойду, – решил я, ложась снова в постель. – Хочу уехать куда-нибудь. Один.

– Может, в Стамбул? – съехидничало мое истерзанное сердце.

Я вытерпел еще три дня, потом сообщил Антону о своем приезде, а своему непосредственному руководителю о том, что беру неделю в счет отпуска. Не знал, зачем? Не понимал, почему? Захотелось уехать. Почему-то в Германию. Там, в Дрездене, жила родная тетка моей Маши, которую я, естественно, никогда не видел. Мария рассказывала, что тетя Марина вышла замуж за немца еще в советское время, и иногда ей удавалось прислать племяннице импортные вещи, за что в институте мою Росомаху дразнили «немецкой девочкой»... И, хотя Антон, пять лет назад заезжал к фрау Ланге, никакой информации от нее о своей племяннице он так и не добился. Она была занята маленькими детьми, по всей вероятности, своими внуками, и встретила его холодно. Может быть, на этот раз мне удастся ее разговорить?

После того, как прекратились Машины письма, я не мог найти себе места. Я как будто предчувствовал, что моя жизнь вот-вот изменится. А почему – не мог найти объяснение! Поэтому я решил поговорить с единственной родственницей Агеевых, о которой мне было известно.

Жена мой отъезд встретила «в штыки».

– Мы же собирались вместе на Мальдивы. Я уже отель присмотрела, – недовольно произнесла она, наблюдая за тем, как я собираю небольшую сумку.

– Это никак не отразится на нашем отпуске. Обещаю, – я старался быть спокойным и убедительным.

– Тогда зачем тебе эта поездка?

– Развеяться.

– От чего, Женя?

– От всего!

– Не сбежишь ты от себя! Даже не пытайся. Только усложняешь наши отношения все больше и больше. Хоть бы меня пожалел!

И тут я взорвался:

– Ирина, я только и делаю всю жизнь, что жалею тебя. Я пожалел тебя, когда ты была закомплексованной девушкой – старался поднять твою собственную самооценку. Я пожалел тебя, когда ты забеременела и решила рожать! Когда устраивала мне ежедневные истерики и предъявляла претензии о моих изменах. Я пожалел тебя, когда ты упустила нашу дочь. Я пожалел тебя, когда полюбил другую женщину! О ком, я по-твоему, думал все эти годы?

– О себе! Всегда только о себе. Тебе непременно нужно творить добро! Только всем от него – одно горе, – ответила она и закрылась в своей комнате.

А утром, неожиданно для себя поменяв билет, я вылетел в Стамбул, сообщив другу, что прилечу на день позже. Зачем я туда отправился? Я не знаю. Вряд ли на поиски исчезнувшей Людмилы! Но мне привиделся в нашем с ней коротком общении некий знак. И я положился на удачу.

Заняв свое место на борту «Боинга», я вспомнил Машину клаустрофобию, когда мы первый и последний раз летали с ней в Италию. У нее были совсем ледяные руки, и мне казалось, что она совсем не дышит.

– Понимаешь, Женька, я не боюсь разбиться, не боюсь авиакатастрофы, – заглядывала Машка мне прямо в душу уже после взлета, – я просто очень хочу отсюда выйти!

– Манечка, держись за меня. Все непременно будет хорошо. Выйдешь чуть позже. Все выйдем. После того, как сядем. Короче, сядем все! – веселил я ее голосом Анатолия Папанова. – Доверься пилоту. А лучше – мне. Мне – можешь?

– Тебе – могу, – прошептала она и, положив голову на мое плечо, закрыла глаза...

Самолет слегка тряхнуло от толчка о землю. Послышались аплодисменты, объявления и разноязычная речь.

Изучив путеводитель, я хотел сначала поехать на метро, благо до центральной исторической части города было чуть более двадцати километров. А потом решил присоединиться к экскурсионной группе. Таким образом, сразу увижу всю красоту восточного города и Босфор. Но выйдя из экскурсионного автобуса на очередной стоянке, посетил только Со-

бор Святой Софии и отказался от Голубой мечети и великолепного Дворца Топкапы, полюбовавшись ими издалека, чем очень огорчил нашего гида Волкана.

Я хотел побыть один и почувствовать то, зачем я прилетел в этот город? Прошелся по бесконечным торговым рядам, накупил сладостей и безделушек Катьке и Ванюше, а потом остановил такси и попросил отвезти меня в европейскую часть города, в самый лучший ресторан. Становилось нестерпимо жарко, и хотелось побыстрее спрятаться в прохладе кондиционера.

– Окей, рашн турист, – радовался таксист, но цену за поездку попросил вполне приличную.

Ресторан, куда он меня привез, оказался итальянским, дорогим и изысканным. А мне так вдруг захотелось русской крошечки. Видимо, я вслух произнес название нашего национального блюда, потому что подошедший официант неопределенной национальности ответил на моем родном языке совершенно без акцента:

– Давно в Стамбуле?

– Нет. Проездом, – ответил я.

– А я больше десяти лет, – то ли радостно, то ли печально произнес он.

– И как?

– Хорошо. Только дальше официанта так и не продвинулся.

– Ничего. Все еще впереди. Тебя как зовут?

– Игнат.

– Вот что, Игнат, принеси мне всего, что напоминает русскую кухню – на свое усмотрение, водочки грамм двести и стамбульскую газету с предложениями об услугах населению. Желательно, на английском языке. С турецким – у меня, как-то не очень.

Я выпил, закусил малосольными огурчиками и раскрыл объявления с подзаголовком «Даю уроки». Уже после второй стопки я набирал номер Людмилы, обучающей детей и взрослых русскому языку:

– Привет, Людмила.

– Здравствуйте, – произнес несколько глуховатый голос. – Чем обязана? По-русски, вы говорите неплохо.

– А это Руслан Вас беспокоит. Вот прилетел в Стамбул – продолжаю искать свою Людмилу.

Она долго и искренне смеялась:

– Как же вы меня нашли? И я ведь не Ваша Людмила?

– Не моя. Это правда. А почему вы профиль удалили?

– Вот за это, Руслан, я должна Вас поблагодарить. После Ваших слов я долго думала. А потом взяла и позвонила в Россию по одному старому, почти забытому мною, номеру.

– И оказалось, что Вас там ждали?

– Совершенно верно. Я вылетаю через несколько дней в Тюмень. В город моего детства.

– Вот видите, Людмила, я принес Вам счастье. Всегда кто-нибудь кого-нибудь должен ждать. Человек не может быть

один!

– Спасибо, Руслан. Желаю Вам счастья. Непременно найдите свою Людмилу.

– Мое настоящее имя Евгений, – поправил ее я.

– Удачи Вам, Евгений! – и она положила трубку.

– Все было очень вкусно, – поблагодарил я Игната. – Особенно Вам удалась водка!

Он усмехнулся, пряча в карман чаевые:

– Что-нибудь еще?

– Такси до аэропорта и одну сигарету за счет заведения.

Мы вышли на улицу. Закурили.

– Скажи, Игнат, здесь недалеко медицинский центр, наверное? Много машин неотложной помощи проносились мимо. А оголтелые водители легковушек не уступали им дорогу. Мне кажется, у нас с этим получше.

– Вы угадали. Видите справа корпуса «Мемориал»? Это очень известная группа турецких клиник во всем мире. А аварий у нас в Стамбуле, как и везде, хватает. И это место – не исключение!

Мы тепло распрощались.

Потом я долго сидел на лавочке возле ресторана в ожидании такси и смотрел на высокие корпуса знаменитого стационара. И мне почему-то было несказанно грустно...

– У тебя совесть есть? Я третий день тебя встречаю! Мне

что, больше заняться нечем? – накинулся на меня Антон, обнимая в аэропорту Дрездена.

– Привет, дружище. Да я в Стамбул летал, а оттуда прямого рейса на Дрезден не было, только через Франкфурт.

– Ты был в Стамбуле? – спросил мой друг меня таким голосом, будто я спускался в Царство Аида. – А что ты там делал?

– Развеялся. К себе прислушался. Ну, мы поедем? Люси уже ждалась тебя, наверное, учитывая опоздание самолета.

– Люси нет уже две недели. После того, как я вернулся из России. Я теперь снимаю квартиру.

Я аж присвистнул. А Антон, не обращая внимания на мои дополнительные вопросы и вздохи, сказал:

– Садись. Поехали. Если бы ты не прилетел, я сегодня сам собирался тебя вызывать. У нас очень мало времени. Точнее, у тебя.

– У меня? – мои удивления потихоньку перерастали в панику. – Ты можешь пояснить хоть что-нибудь?

И тут он как заорет! Мой интеллигентный друг, которого я знаю более тридцати лет, прикрикнул на меня целой тирадой нецензурных слов, чтобы я набрался терпения и немного подождал.

– Прости, Макар! Я за последние два дня сам с ума чуть не сошел. Поэтому убережь тебя – мой долг!

Я, с трудом сдерживаясь, замолчал. Спросил только:

– Это касается Марии?

– Да.

– Выпить есть?

– На заднем сидении, в пакете.

По Дрезденской объездной дороге от аэропорта Клоче мы быстро доехали до центра города. Я пил виски и ничего вокруг не видел. Меня не покидало ощущение «де жа вю», когда мы искали Машку в Питере. Только надписи мелькали иностранные, и десять прожитых лет давили своим тяжелым грузом.

Антон припарковал машину возле известной кондитерской, а у меня снова мелькнула мысль: «Слава Богу, что не рядом с кладбищем!»

Зашли. За центральным столиком, вся в лучах золотистого света, сидела Натка. Пока я медленно приходил в себя, мои друзья устроили такую трогательную встречу с поцелуями и вздохами, что сорвали все аплодисменты редких в этот час посетителей кофейни и обслуживающего персонала.

– Судьба, – только и смог произнести я.

Влюбленные сидели напротив меня такие сияющие, такие счастливые, что впервые за всю мою жизнь, мне стало завидно. Нет, вру! Однажды я уже завидовал самому себе – когда был с Марией. И зря говорят, что после пятидесяти лет нужно искать спутника жизни, обладающего только одним качеством – чтобы вовремя сумел вызвать «Скорую помощь». Все остальное будет уже неважно. Нет, нет и нет!

Видели бы вы их глаза, их сплетенные руки!

Как когда-то у нас с Машей...

– Слава Богу! Хоть за вас порадоваться можно! Лучше поздно, чем никогда! – искренне сказал я друзьям.

– На наш век хватит, – улыбнулась Наталья.

А я обратился к Антону:

– Так что ты хотел рассказать про Марию?

Он немного отодвинулся от Натки, не отпуская ее руки, и произнес:

– В двух словах это выглядит следующим образом. Ты только держись, дружище. 20 сентября 2004 года Мария попала в автокатастрофу в Стамбуле возле больницы, где оперировался ее муж. Там и умерла. Похоронена здесь, в Дрездене. Наверное, поэтому тебя вдруг понесло в Турцию. Только запоздало как-то.

Наташа побледнела, вцепившись руками в столешницу:

– То есть Манька и года не прожила без тебя! Как почувствовала. Только ничего не понятно с датами: ее муж сообщил мне о ее смерти тринадцатого марта. Женя получил прощальное письмо – семнадцатого. А умерла Маша только в сентябре. Странно все как-то. А где она была все это время?

Я почему-то продолжал смотреть на Антона в упор:

– Ведь это не все? Я чувствую! Ты хочешь сказать что-то еще?

– Не все. За две недели до этого, кажется, 17 августа она родила двойню: мальчика и девочку. Это твои дети. Это ваши с Марией дети! Их воспитывал Сергеев.

Ошеломленная Наталья тихо сказала:

– Это в стиле Маши: она не могла родить просто одного ребенка. И двух мальчиков не могла, и двух девочек – тоже. Она жила вашей любовью! Поэтому подарила тебе, Макаров, и девочку, и мальчика. Как напоминание о вашей любви.

– Подарила она их своему Сергееву. Меня волнует сейчас совсем другое!

Я резко встал и вышел на крыльцо. Все! Рухнули все мои надежды на то, что Машка жива! Оказывается, в душе я никогда не верил в ее смерть! Сел прямо на порожки кафе, с трудом сдерживая слезы. Мысли о детях, конечно, стремительно проникали в меня, наполняя новым светом. Но слова моего друга о смерти Марии лишили меня разума! Она была частью меня, и я никогда не хотел верить в то, что письма отправляет не она, потому что наша любовь жила и дышала... Она всегда существовала в настоящем времени.

Антон и Натка взяли меня под руки и повели к машине.

– Мы едем к Анатолию в больницу. Сергеев просил, чтобы ты приехал, как можно быстрее. Потому что он умирает. Ему срочно нужно с тобой поговорить.

Ехали молча. Антон ловко объезжал центральные улицы по небольшим микрорайонам, быстро проскочил мост через

Эльбу и, свернув еще раз три, остановился перед больничным комплексом.

– Это Университетская больница. Приехали, – пояснил он нам с Наташей.

– Подожди. Как она назвала детей? – спросил я. – Она успела дать им имена?

– Успела.

– Тогда я знаю, как их зовут.

– Наверное, должен знать.

Я никогда не видел столько медицинской аппаратуры, приходящейся на одного пациента. И этим пациентом был Сергеев Толик. Серый, худой и какой-то смиренный, что ли?

Мы поздоровались с ним за руку. Натка наклонилась и поцеловала его в щеку. Мне кажется, что он очень этому обрадовался.

– Спасибо, что приехал, Евгений. Я боялся, что ты не успеешь, поэтому многое уже рассказал твоему другу. Но не все. Кое-что предназначено тебе лично. Я выполнил почти все просьбы своей жены относительно тебя. Хотя это мне давалось с большим трудом.

Все присутствующие молчали.

Анатолий стал говорить тихо, медленно, только иногда на несколько секунд отворачивался к стене – то ли, чтобы перевести дух, то ли, чтобы скрыть эмоции. Антон стоял возле окна, Натка сидела рядом с кроватью, периодически всхли-

пывая, а я то садился на кушетку, то вставал, то ходил по палате. Но больше всего хотел закрыть уши, чтобы ничего не слышать!

– После внезапной смерти мамы, Маша была просто «не в себе», – обращаясь преимущественно ко мне, начал свой рассказ муж Марии. Все случилось за три дня до нашего вылета: сердечный приступ Анны Александровны, ее смерть и похороны. Маша устала плакать, и впала в состояние шока: она постоянно разговаривала то с тобой, то с мамой. Я дал ей сильное успокоительное, чтобы переехать границу. Мне нужно было успеть в Дрезден к определенной дате. Мы еще тогда не знали о ее беременности, поэтому с докторами я не советовался. Было безопаснее для нас обоих, чтобы она все время спала, потому что я вел машину. Слава Богу, детям лекарство не навредило!

Мне бы отвезти ее на время к тетке, чтобы она с ней поговорила и выплакалась. Но я и предположить не мог, что все так обернется! Мы приехали на нашу новую квартиру. Вечером было все относительно нормально, но с утра она проснулась и реально ощутила, что находится в Германии – далеко от могилы матери и от тебя – на расстоянии более двух тысяч километров. Хотя Маша сама хотела уехать из страны. Но это было тогда, когда была жива ее мама, и мы собирались лететь втроем.

Короче, утром она начала метаться, кричать, что хочет вернуться в Россию, собиралась выпрыгнуть из окна, и я ре-

шил, что одному мне не справиться – боялся ее оставить даже на минуту. Коллеги помогли перевезти жену в клинику, где она находилась больше пяти месяцев.

Я молчал, хотя мне хотелось схватить Толика и хорошенько встряхнуть: «Как ты посмел упрятать ее в психушку?» Но я сдержался, потому что сам когда-то оттолкнул Марию. Поэтому я сказал Толику: «Дальше».

– Это была очень дорогая частная клиника, больше похожая на санаторий. Но тем не менее, чувство вины не оставляет меня до сих пор. На следующий день я приехал к Марии прямо с утра. Она была спокойна, хотя вела себя очень странно: узнав о своей неожиданной беременности, она сделала какие-то свои выводы и настояла на том, чтобы я позволил Наталье и сообщил о ее смерти, пригрозив, что наложит на себя руки, если я этого не сделаю. Мне пришлось исполнить ее просьбу. Я представлял, какую боль я вам причиняю, тем более, что совсем не прокомментировал это событие. Но я в тайне надеялся на то, что, забыв свое прошлое, Маша сможет вернуться к нормальной жизни. И ко мне.

Но разве прошлое забывается? Разве любовь можно выкинуть из сердца? А она очень любила тебя, Евгений. Уже через три дня Маша написала первое письмо о том, что ее больше нет. И пообещала, что письма будут приходить и после ее мнимой смерти.

Откуда мне это известно? Потому что я сам набирал это письмо на ноутбуке с исписанного ею тетрадного листка.

Впрочем, и все другие – тоже... Я бесконечно ее любил, и был готов ради нее на все, лишь бы она была рядом.

Но, даже спустя месяц, когда Мария стала чувствовать себя лучше, она не поехала со мной. Всю беременность она оберегала твоих детей от всего мира, даже от меня. И не вышла из клиники ни на один день! До самых родов!

Несмотря на состояние моего здоровья, нарастающую почечную недостаточность и ежедневный диализ, на то, что я был завален по горло работой, я каждый день по несколько часов проводил с женой, ночами наверстывая не сделанную работу. Она всегда была очень заботливой и доброй по отношению ко мне, но оказавшись одна в том своем мире, теперь совсем не понимала меня. И порою почти не слушала. Оживляясь только тогда, когда я говорил о будущих детях.

После моих отъездов Маша целыми днями писала тебе письма. Они были датированы разными месяцами и годами. На много лет вперед. Она не могла оставить тебя одного, зная, что сердце твое разбито, что ты переживаешь ее смерть! Как могла, хотела тебя поддержать. Да и сама выжила только благодаря вашей любви и будущим детям! Я чувствовал вашу связь – даже на таком большом расстоянии вы продолжали любить друг друга. Мне было невозможно пробиться сквозь эту невидимую стену.

«Ты понимаешь, Толик, как ему сейчас тяжело? – не замечая моей боли, постоянно твердила Маша. – Женька уверен, что я умерла! Он потерян! Он очень одинок!»

– Но мне пришло всего двадцать писем за десять лет, – хриплым голосом сказал я.

– Их было больше сотни, я видел их у нее в комодке. Просто потом Маша оставила только те, которые нужно было отправлять два раза в год: в день твоего рождения и на новогодние праздники. Всего двадцать одно письмо. Последнее – я отправить не смог, потому что попал сюда, в реанимацию, как раз пару недель назад. Все письма находятся в синей папке, которая лежит на столе. Там же – документы и ее последний дневник. Забери с собой. Мне недолго осталось.

Несколько минут мы молчали. Потом Толик продолжил:

– Маша родила детей семнадцатого августа. Стояла солнечная погода, и признаков осени еще не ощущалось. Я кругами ходил вокруг больницы, ожидая разрешения на посещение жены. Но только спустя несколько часов мне позволили к ним зайти... Две маленькие кроватки с малышами и счастливая женщина, только что перенесшая операцию кесарева сечения.

– Поздравляю тебя, Толя. Ты стал папой! Посмотри, какие они красивые. Я назову их Маша и Женя. Ты не против?

Она смотрела на меня так, что отказать было невозможно. Я не знаю, хотела ли она сама поверить в то, что я являюсь отцом ее детей. Или думала, что разговаривает с тобой? Не знаю. На тот момент я этого не понимал и не хотел понимать. Но был необыкновенно счастлив. И еще больше, чем раньше, хотел жить!

После выписки из родильного отделения жена попросила некоторое время пожить у своей тети Марины, в чудесном местечке между Дрезденом и Лейпцигом, хотя я к тому времени купил дом в районе Йоханнштадт, недалеко от зоопарка, старательно оборудовал детскую комнату и нашу спальню.

– Толечка, – говорила Маша, – давай месяц поживем у них. Я одна сейчас не справлюсь. Марина мне поможет, и дядя Франк тоже. Перевези кроватки малышей туда.

Там и прошли наши счастливые две недели. Видя, с какой нежностью я отношусь к детям, Мария, я уверен, радовалась и была совершенно спокойна. Материнство вернуло ее к жизни. И иногда она подходила ко мне, обнимала и шептала нежные слова. Мне кажется, что предназначены они были больше для нее самой:

– Все у нас будет хорошо, Толик. Теперь уже точно. Как только переживем твою операцию, все и наладится.

Но, если я начинал ласкать ее, она мягко отстранялась. «Чуть позже, родной, – говорила она, – чуть позже».

Интимные отношения у нас были в последний раз еще в России, до ее ухода к тебе. После – ни разу. Я так и не успел ее вернуть!

Десятого сентября мне срочно нужно было слетать в Стамбул на несколько дней, хотя я совсем неважно себя чувствовал, а подходящего донора все не было. И, поскольку, он

мог появиться в любое время, нужно было всегда находиться в Дрездене. Но отложить поездку было нельзя, поэтому пришлось рисковать!

На третий день в Турции началось угрожающее жизни осложнение болезни, и я попал в клинику «Мемориал». Транспортировать меня уже было нельзя – я был круглосуточно подключен к стационарному диализному аппарату. И в Стамбул срочно прилетел немецкий профессор с «донорской почкой», посланной мне в тот момент, наверное, Всевышнем. Так что оперировали меня там, в известном отделении трансплантологии, удалив обе мои почки, и пересадив одну, здоровую «донорскую».

Все прошло хорошо, и уже через три дня я разговаривал с семьей по телефону:

– Машенька, как ты? Как дети?

– Все нормально, – отвечала она. – Только молока совсем нет. Мы перевели их на искусственное вскармливание. Хочешь, я за тобой приеду? Побуду с тобой, а потом вместе вернемся в Германию. За малышкой присмотрит моя Мариночка.

– Не нужно, дорогая. Ты сама еще очень слабая.

Но она все решила по-своему. Взяла билет на ближайший день. И вылетела в Стамбул. В тот день, двадцатого сентября, я в первый раз встал, потихоньку спустился на первый этаж и ждал ее на лавочке возле приемного отделения.

Авария произошла на моих глазах. От удара о реанимобиль, легковая машина, в которой находилась Маша, перевернулась в воздухе. Водитель умер сразу, а Машу... – Анатолий на секунду отвернулся к стене, – долго извлекали из покоруженного автомобиля. Врачи не стали ее оперировать – не было смысла. Мне просто разрешили побыть с ней до конца. Я практически лежал рядом с ней на кровати, целуя неподвижные руки и все же надеясь на чудо.

И оно произошло. Ненадолго. Маша не могла уйти просто так, не попрощавшись.

Она открыла глаза, попробовала пошевелиться, и, хотя получила большую дозу обезболивающего, застонала. Из ее глаз потекли слезы.

– Маша, родная моя, все будет хорошо, ты поправишься, – пытался я утешить ее.

– Толик, – с трудом сказала она, – у меня к тебе три просьбы.

– Да, милая.

– Полюби детей, пожалуйста, так, как будто ты их настоящий отец. Евгений не должен о них узнать.

– Я уже люблю их, Машенька. Очень люблю.

– Дальше, – она тяжело дышала, – поклянись посылать ему мои письма. Два мы с тобой отправили. Осталось всего девятнадцать: с декабря этого года по 15 июля 2014 года. Больше я не успела. Обещаешь? Поклянись, пожалуйста. Поклянись!

– Да, любимая, я сделаю это.

– И еще. У меня в России остались всего два близких человека – Наталья и Евгений. Если ты узнаешь, что им или их детям нужна какая-то помощь, окажи ее, пожалуйста. Пусть это будет анонимно. Очень прошу тебя! У тебя, несомненно, будет больше возможностей, чем в России.

Она сжала мою руку:

– Прости меня за все. Живи ради наших детей. Поверь, я очень хотела искупить свою вину перед тобой. Но видишь, как получилось...

Потом речь ее становилась все бессвязнее. Я слышал, что она звала маму, нежно успокаивала малышкой, шептала: «Женечка, мне страшно...». Потом совсем замолчала.

Ее не стало через сорок минут. В 16.35.

И я снова на сутки попал в реанимацию.

Возвращался через неделю на личном самолете моей организации с телом Маши в багажном отсеке. В виде исключения, благодаря политическим связям, мне разрешили похоронить ее в Германии. Так что все эти годы мне было, куда ходить на свидания.

Хотя, спустя тринадцать месяцев, ради будущего моих детей и их статуса в этой стране, я женился на молодой самодостаточной немке по имени Сюзанна Гюнтер. Наш брак больше был фиктивным, хотя мы и старались с ней подружиться. С детьми она оставалась холодной, и матерью им стать так

и не смогла. Во всем мне помогала Машина тетя Марина, проживающая у нас пять дней в неделю. На выходные она обычно уезжала к Франку, иногда забирая малышей с собой, когда те категорически не хотели оставаться с Сюзи, а мне нужно было работать. Зато, если я бывал свободен, мы сядились в машину и уезжали путешествовать втроем. Они очень привязались ко мне. А я любил их, как своих собственных детей. То есть, больше жизни.

В палате становилось темно, а Анатолий все продолжал нам рассказывать о них. Это были и важные для Машеньки и Женьки события, и какие-то маленькие детали, и смешные детские шалости, и их почти всегда неожиданные болезни. Он рассказал нам, как в шесть лет отправил детей в немецкую школу, продолжая разговаривать с ними дома только на русском языке, читая вслух русскую литературу, былины и сказки. Рассказал об их детских увлечениях, характерах и страхах. Конечно, он делал это специально для меня.

– Мы развелись с Сюзанной в прошлом году. Она встретила, наконец, подходящего немца и сразу же родила ему ребенка. А мне опять предстояла командировка в Стамбул. На этот раз на три месяца. Там я заработал осложнение на свою единственную почку от банальной инфекции, и с этого Нового года начался мой отсчет времени, который вот-вот закончится. Родители мои, по-прежнему, на Севере. Отец тоже болеет, и мама не оставляет его одного ни на час. Я не стал им сообщать о своем состоянии.

Теперь, кроме тебя, Евгений, у ребят есть только старенькая Марина и ее парализованный Франк. Тебе снова нужно принимать решение. И оно будет потруднее прежнего.

Анатолий замолчал, закрыл глаза и застыл неподвижно, не говоря больше ни слова.

Я тоже не знал, что мне ему сказать. Сердцем и умом понимал, но не решался. А потом вдруг пред глазами так явно появилась картина: ночь, на столе компьютер, за столом – совершенно чужой мне человек, более того, человек, которому я в какой-то степени испортил жизнь. Вот он уложил детей, налил себе вечерний чай, и, в память о своей жене, сел набирать на клавиатуре письмо для меня. О любви... О Машинной любви ко мне. Права она была, утверждая, что все существующее, все сущее, в жизни – это любовь!

В любви мы рождаемся, с любовью – умираем!

Анатолий любил Марию ничуть не меньше, чем я. А, может, даже больше!

И тогда я понял, что я должен сделать. Я стал перед ним на колени. Натка заплакала. Антоха отвернулся к окну. А Толик положил мне на плечо руку:

– Спасибо, Женя, что ты понял. Машинные письма поведали мне о тебе очень многое, и я не держу зла. Ухожу почти спокойно. Побуду с ней какое-то время на том свете, пока ты не появишься, и снова не заберешь ее у меня.

Говоря последние слова, Анатолий пытался улыбнуться. Мы обнялись, попрощались. Втроем с Наткой и Антохой вы-

шли из его палаты. В руках я держал синюю папку с документами на детей, с заверенным завещанием в их пользу на движимое и недвижимое имущество, и двумя вариантами оформленного опекуинства: на меня и на Машину тетю Марину. Видимо, на всякий случай. Там же лежал дневник и небольшая стопка писем моей любимой женщины.

Через два дня Анатолия не стало.

Мы отъехали от больницы уже в полной темноте.

– Отвези меня к детям, – попросил я Антона.

– Не дури, Жень, они уже спят или собираются спать: и старики, и дети. Им и так хватает эмоций в последнее время.

– Тогда просто подвези к их дому.

– Завтра, друг. Завтра. С утра заедем на кладбище, а потом напрямиком на Гросвайчен, это километров семьдесят от Дрездена. Там у них дом.

– Нет, на кладбище я съезжу сам. Один, – твердо ответил я.

Марина Александровна, фрау Ланге, встретила нас настороженно, но гостеприимно. На веранде был красиво сервирован стол. Видимо, нас все же ждали. Она позвала своего Франка, который подъехал на автоматизированном инвалидном кресле, с трудом пожал нам с Антоном руки, криво улыбнулся Натке.

Детей я не увидел и побоялся спросить, где они? Всю ночь щемило сердце, не давая уснуть: «Как они меня встретят?»

Разговор по-началу не клеился. Обходились стандартными темами. Помянули Марию. Погрустили об Анатолии. И замолчали.

Как вдруг с улицы донеслись звонкие детские голоса. Стукнула калитка, и к нам подбежали два очаровательных создания. Я замер от неожиданности: передо мной стояла девочка и смотрела на меня Машиными глазами, кокетливо спрятав руки за спину.

Я присел перед ней на корточки:

– Привет, Манечка.

– Привет.

– Вы кто?

– А я знаю, кто, – вдруг заявил пацанчик, осторожно приближаясь ко мне. – Ты наш второй папа. Да?

Я перевел взгляд на него и узнал в нем себя – девятилетнего. Вот бы мама моя удивилась!

– Правильно, Женя, я ваш папа. Из России. И зовут меня тоже Женя.

Дети немного стеснялись, но я притянул их к себе и обнял сразу двоих. И вдруг почувствовал то самое тепло, и то самое чувство, которое испытывал, обнимая Марию десять лет назад. Я постепенно начинал обретать свой потерянный рай.

Мы пили чай с земляничным вареньем, ели вкусные домашние булочки, слушали детскую болтовню, и незаметно

сглаживались между нами все барьеры. Взгляд тети Марины становился все теплее, и все более умиротворенно улыбался всем сразу ее больной муж.

– Нам папа недавно рассказывал, – сказала со взрослым видом Маша, – что, если у детей нет мамы, значит, обязательно должно быть два папы. И, что наш второй папа живет в России. Мы так рады, что ты приехал. Потому что папка болеет, и нас некому свозить в зоопарк. А там лисята родились. Очень хочется посмотреть!

– Мы обязательно съездим, моя маленькая, – я назвал дочку так, как когда-то называл ее мать.

– А Вы в теннис играть умеете? – вдруг неожиданно спросил Женька.

Я вопросительно посмотрел на Марину. Она с гордостью ответила:

– Это было решение их отца. Евгения он отдал в спортивную школу на теннис, а Машеньку – на танцы.

Я в очередной раз был потрясен человеческими качествами Толика.

Был очень длинный день. Самый длинный день за всю мою взрослую жизнь. Я провел его со своими детьми. Это, действительно, был подарок Марии на мое пятидесятилетие. Мы много играли, баловались на батуте, поставили за домом туристическую палатку под восторженные крики Жени, съездили посмотреть лисят ради Маши и скупили все кон-

дитерские изделия по пути домой.

– Ты не уедешь от нас? – спросила Машуня, обнимая меня перед сном.

– Нет, моя маленькая, – серьезно ответил я.

Потом зашел в комнату к Женьке:

– Можно я буду вашим вторым папой?

Он по-взрослому подал мне руку и сказал:

– Только не бросай нас, пожалуйста.

– Намаялись они одни полгода, пока Толя пытался бороться с болезнью, – все со мной, да с Франком. Заскучали! От нас – какая им радость? – вздыхая, жаловалась Марина Александровна. И, глядя мне прямо в глаза, продолжила. – Ты навсегда? Или как?

– Навсегда, – просто ответил я. – А как же иначе?

– Очень любила тебя Маша. Боготворила. Я из клиники сколько раз хотела ее забрать. А она – ни в какую! Всю беременность в клетке просидела, оберегала детей, как птенцов. Боялась потерять. Да сама, видишь, не убереглась.

– Знаете, я всегда чувствовал, что она жива, что ее сердце бьется. Оказалось, что это бились сердца наших детей!

– Хочешь скажу, как она их называла в первые дни, когда мы пеленали или купали наших куколок? «Держи, – говорит, – тетя Марина, Евгения Евгеньевича, а я Марию Евгеньевну буду одевать». Это потом уж она Толика к ним подпустила. И фамилию его им дала. А он очень был рад детям.

Очень. И заботился о них по-настоящему. Как отец. Потому что тоже любил Машеньку.

Я вспомнил, как Машка в своем девичьем дневнике писала, что хочет, чтобы ее дети носили мое, и только мое отчество. Тогда я чувствовал гордость. Теперь же мне казалось, что самое главное – не это. Главное – что они со мной! Настала моя очередь оберегать их!

Жена Ирина рядом с ними никак не представлялась – не сможет, не захочет, побрезгует! И вряд ли я смогу ей доверять. Отныне я никого не подпущу к нашим детям, как это делала Маша. По крайней мере, в данный момент мне это казалось единственно правильным решением! Катюша, дочка, – сама уже мать, – все обязательно поймет. А моя мама, наверняка, быстро подружится с Мариночкой Ланге.

Я ушел на кухню и открыл папку, которую взял в больнице у Толика. Документы смотреть не стал. Достал из файла затертые тетрадные листки, исписанные Машкиным почерком. Вот первое письмо, вот – второе, вот – третье... Я каждое из них знал наизусть. А вот и последнее.

Из письма Марии (15 июля 2014 г.)

Привет, мой любимый! Наконец, настал твой пятидесятый день рождения!

Я так рада присоединиться к поздравлениям. Думаю, что их очень много! И все они – более, чем заслуженные! Ведь тебя нельзя не любить! За твою доброту, заботу, идей-

ность, преданность делу и искреннее отношение к людям! За любовь к жизни и просто за то, что ты – замечательное и невозможно обаятельное Творение природы! Я очень горжусь тобой!

Женька, родной мой, я продолжаю любить тебя так же сильно, как и в те дни, когда мы были вместе! Очень хочется обнять тебя и прошептать какую-нибудь милую глупость. Чтобы ты незаметно ущипнул меня, принимая поздравления на своем торжественном мероприятии. И, слушая то-сты в свою честь, не сводил с меня влюбленных глаз. Я уверена, что так бы и было!

Но я стала маленькой-маленькой. Такого размера, чтобы всегда быть с тобой! Как ты мечтал когда-то, чтобы мы никогда не расставались! Поэтому я поселилась в твоём сердце. Знаешь, мне здесь так тепло и уютно: слышать твой голос; ощущать все твои эмоции – радости, переживания и сомнения. Я каждую минуту посылаю тебе маленькие лучики своей большой любви. И ты их, конечно, чувствуешь.

Готовься, у меня тоже есть для тебя подарок! Я торжественно преподношу тебе все будущие нежные восходы и торжественные закаты, студёные зимы и волнующие весны, теплые дни и ласковые ночи. Я дарю тебе пение птиц, шум дождя и шелест листьев. И еще много всего, что называется Вселенной! Отныне это все принадлежит тебе!

Как тебе мой подарок? Правда, лучшие всех прочих? Еще и потому, что в нем существует наша Любовь.

15 июля. Середина лета...

Начинаю сочинять о себе. Улыбаюсь и грызу кончик шариковой ручки. Что бы такое тебе написать?

Я сейчас отдыхаю в санатории. В данный момент сижу на лавочке и наслаждаюсь природой смешанного леса. Жду своего нового поклонника. Тихо. Вот по аллее медленно идет женщина, подходит ко мне и садится рядом. Я замечаю, что она в положении. Мы знакомимся, и я узнаю, что ее зовут Оксана. И ждет она, представляешь, двойню. А по возрасту – почти моя ровесница!

Знаешь, Макаров Женя, если бы у нас с тобой случились дети, то их непременно было бы двое. Почему я в этом уверена? Согласно примете! Если больше любит женщина, рождается мальчик. Если мужчина, то – девочка. У нас с тобой родились бы сразу и девочка, и мальчик! Потому что мы любим друг друга одинаково! Но будет это уже в другой жизни. Непременно будет!

Мы все рождаемся, чтобы когда-нибудь умереть!

Но я самая счастливая из всех земных женщин – наша любовь подарила мне долгую жизнь после жизни!

И любовь после любви, которая еще не скоро закончится.

Целую тебя, мой юбиляр. Мой снежный Барс – моя первая и единственная Любовь!

Маша-Мария. Маха-Росомаха. И просто навсегда твоя маленькая.

Март – август 2018 г.

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.pexels.com/ru-ru/photo/3828240/> по лицензии СС0

Фото автора [Jonaorle: Pexels](#)